

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 2(44)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕМА НОМЕРА
ГЕОПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

EDITOR'S PAGE
PRESSING TOPICS
THE ISSUE'S MAIN TOPIC
GEOPOLITICS
FOREIGN AFFAIR
ECONOMICS & FINANCE
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ГК «Н-Транс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета —

Вагиф Гусейнов,
директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора —

Юрий Поройков, *к. филос. н.*

Редакционный совет:

Михаил Делягин, *д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации*

Владимир Егоров, *д. филос. н., профессор*

Сергей Караганов, *д.и.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН*

Андрей Кокошин, *академик РАН, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям*

Николай Михайлов, *д.э.н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»*

Александр Назарчук, *д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова*

Алексей Пушков, *к.и.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»*

Александр Рар, *директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)*

Владимир Рыжков, *к.и.н., председатель общественного движения «Выбор России», профессор ГУ ВШЭ. Автор и ведущий программы «Дым Отечества» на радиостанции «Эхо Москвы»*

Леонид Слуцкий, *д.э.н., первый заместитель председателя к-та Государственной Думы РФ по международным делам*

Андрей Федоров, *директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»*

Александр Ципко, *д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН*

Ответственные
за выпуск:

Константин Радовицкий, *к. соц. н.*
Мария Кортунова

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов. Ожидание перемен 5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Нелли Мотрошилова. Характер и масштабы нарушения
цивилизационных норм в современной России
(заметки и впечатления) 15

ТЕМА НОМЕРА

Владимир Дергачев (Украина). Геополитическая перезагрузка
Арабского Востока 21
Сергей Демиденко, Марина Штойк. Ближний Восток в огне 30
Расим Агаев (Азербайджан). Ближний Восток: лжереволюция 37

ГЕОПОЛИТИКА

Валерий Буянов. Геополитические интересы России в Арктике 48

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Линтон Брукс (США). Размышления о некоем «прорыве» в ядерном
разоружении и нераспространении ядерного оружия 55
Эберхард Шнайдер (Германия). Новая стратегическая концепция НАТО .. 60
Владимир Козин. ЕВРОПРО: проблемы создания и участия в ней России.
Проверка искренности США и НАТО 68
Максим Братерский. Подъем Ирана? 76
Валерий Бондаренко (Белоруссия). Россия — Беларусь: уроки
строительства Союзного государства 85
Инна Шумилина. Имидж США и Барака Обамы на Ближнем Востоке:
между словом и делом (окончание) 94

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Вагиф Гусейнов. Концессионная политика как фактор
модернизации страны 103
Валерий Паульман (Эстония). О спекуляции в современной
экономической жизни 109
Василий Колташов. Доллар и жесткая экономия: выводы для России .. 116

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Феномен социальных потрясений 124

ПУБЛИКАЦИИ

Владимир Рошупкин. Вторжение: «Понятие СССР должно быть стерто
с географической карты» 147

Философия и политика

Валерий Подорога. Политика философии. Новые вызовы 154

Увидеть своими глазами

Мария Картунова. Старость в радость 162

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спинова. Властомания наших дней.
О книге Стивена Льюкса «Власть: радикальный взгляд» 169

Книги, которые могут вас заинтересовать 173

Тезисы статей на английском 176

Об авторах 190

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. Expectation of changes5

PRESSING TOPICS

Nelly Motrosheelova. The nature and scale of the civilization
standard infringements in the contemporary Russia
(*Notes and Impressions*)15

THE ISSUE'S MAIN TOPIC

Vladimir Dergachev (Ukraine). Geopolitical reloading of the Arabic East ...21
Sergey Demidenko, Marina Shtoik. The enflamed Near East30
Rasim Agayev (Azerbaijan). The Near East: pseudo-revolution37

GEOPOLITICS

Valery Buyanov. Russia's geopolitical interests in the Arctic48

FOREIGN AFFAIRS

JLinton Brooks (USA). Reflections on a «breakthrough»
on nuclear disarmament and non-proliferation55
Eberhard Schneider (Germany). The NATO's new strategic concept60
Vladimir Kozin. Euro-ABM: problems of its setting up
and Russia's participation. The test for the US and NATO'S candour68
Maxim Bratersky. Iran on the rise?76
Valery Bondarenko (Belarus). Russia — Belarus: lessons of building up
the union state85
Inna Shumilina. The US and Obama's images in the Near East:
between a word and a deed (*Comlp.*)94

ECONOMICS & FINANCE

Vagif Guseynov. The concession policy as the factor of the country's
modernization103
Valery Paulman (Estonia). On profiteering in the modern economic life ...109
Vasily Koltashov. Dollar and rigid saving: conclusions for Russia116

«ROUND TABLE»

Phenomenon of social perturbations124

PUBLICATIONS

Vladimir Roschupkin. The invasion: «The notion of the USSR
must be wiped off the geographical map»147

Philosophy and Politics

Valery Podoroga. Politics and the political after the GULAG.
The politic of philosophy. New challenges154

Eye Witnessing

Maria Kortunova. Old age as a blessing162

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. Powermania of our days.
On Steven Lukes. Power: A Radical View (Translated into Russian)169

New books that might be of interest173

SUMMARY176

OUR AUTHORS194

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

ОЖИДАНИЕ ПЕРЕМЕН

Уж скоро выборы, а ясности все нет

«Все смешалось в доме Облонских» — эта знаменитая фраза лучше всего характеризует последнее развитие событий вокруг российского дуумвирата. Еще недавно казалось, что там все согласованно: В.Путин в надлежащее время лично примет решение, кто (скорее всего, он сам) пойдет на выборы президента РФ «от власти». Собственно, что так в итоге и выйдет, по-прежнему нельзя исключать. Но в последнее время произошел целый ряд событий, которые косвенно свидетельствуют о том, что Д. Медведев имеет собственные виды на этот счет.

К событиям, которые привели к таким выводам, эксперты относят:

- очевидные разногласия в тандеме по ливийскому вопросу;
- магнитогорскую речь Медведева, когда он потребовал исключить практику, при которой профильные руководители правительства, а именно те, кто отвечает за правила регулирования в конкретных отраслях, занимают места в советах директоров компаний, работающих в условиях конкуренции. Заодно Медведев «наехал» на «Транснефть», «Газпром» и РЖД, которых почти напрямую обвинил в коррупции: они тратят на приобретение товаров, работ и услуг для своих нужд, как правило, намного больше, чем их зарубежные конкуренты, и чем-то иным, кроме коррупции, объяснить это зачастую почти невозможно;
- противоречия в позициях между Кремлем и Белым домом по поводу электронных средств связи, которые ФСБ не может контролировать;
- ни с того, ни с сего затеянную 18 мая пресс-конференцию с участием широкого круга журналистов, чего Медведев раньше никогда не делал;
- и, наконец, интервью китайскому телеканалу, в котором Медведев фактически заявил, что в обозримой перспективе чуть ли ни объявит о своем решении баллотироваться на второй срок.

Таким образом, президент в последнее время, по меткому замечанию политологов, «выстреливает реформами, как из пулемета». Задача Медведева сводится к тому, чтобы убедить своего единственного избирателя — Путина.

В связи со сказанным некоторые аналитики делают вывод о том, что сегодня реализуется публичный сценарий продвижения Медведева в президенты на второй срок.

Это стало особенно очевидным после отставки Г.Павловского, который четко заявил, что она объясняется позицией российского Белого

дома в связи с его недвусмысленной позицией в поддержку второго срока президентства Д. Медведева.

На эти шаги президента В.Путина дал вполне конкретный ответ. Во-первых, он выступил с инициативой по созданию народного фронта на базе «Единой России». Данная инициатива может иметь гораздо более далеко идущие последствия, чем просто предвыборный маневр в интересах «Единой России». Судя по всему, информация политологов о том, что Путин намерен изменить основы управления политсистемой, оказались не совсем «уткой». Согласно им, в намерения премьера входит частичный «слив» элиты, которая уже превратилась в самодостаточную величину, и опора напрямую на народные массы с минимумом посредников.

Во-вторых, другой важнейшей инициативой В.Путина стало создание Агентства стратегических инициатив. Эта структура имеет целью продвижение новых научно-прикладных проектов, которая работала бы не только как модернизационная площадка, но и как социальный лифт для молодых талантов. В этом смысле — это прямое противопоставление президентскому проекту «Сколково». Эти инициативы свидетельствуют о том, что В.Путин не оставляет планов баллотироваться в президенты вновь.

Таким образом, отмечают наблюдатели, в настоящий момент мы имеем дело с попытками Д.Медведева и В.Путина выложить свои козыри перед решающим этапом переговоров для решения вопроса о том, кто же пойдет на выборы.

Однако наиболее интригующим сценарием, полагают политологи, сегодня является вариант, при котором оба лидера не сумеют договориться, что приведет к острому политическому конфликту, борьбе за ресурсы, расколу в партии власти, правительстве, Кремле, среди губернаторского корпуса и бизнес-элиты. Причем недооценивать возможности Медведева не стоит: Конституция дает ему достаточно полномочий для решительных действий, а вертикаль Путина далеко не так стабильна, как это представлялось. И, пожалуй, впервые вариант участия в выборах обоих участников кажется совсем не таким уж абсурдным: Медведев явно готов к этому, а для Путина — это единственный вариант возвращения при условии отказа Медведева от консенсуса, тем более, что и электорально ресурсы Путина гораздо более впечатляющие. Осталось только решиться на выборы в условиях реальной конкуренции, в условиях реального раскола внутри власти и элит, как это, по сути, было в 1999 году, с той лишь разницей, что оппозицию Путину будут представлять не региональные лидеры, а глава государства, с совершенно иными политическими возможностями.

Другие аналитики придерживаются противоположной точки зрения: они полагают, что все внешние противоречия внутри российского тандема, стилистические и ситуативные, а большей частью — наигранные и мнимые, являются способом выживания этой своеобразной конструкции власти. Так эта власть себя укрепляет и готовит к самовоспроизводству. И Медведев, и Путин не камикадзе, и никто из них Горбачевым быть не собирается. Оба члена тандема работают внутри одной и той же модели персонифицированной власти. А привлечение внимания к «столкновениям» внутри тандема является элементом кампании по их выживанию.

Согласно этой точке зрения, мы сейчас находимся в начальной стадии реализации проекта «Кремль-2012». Апрель 2011 года показал, что наступит пора принятия решений. Уже очевидно, что демонстрация единства тандема становится для его участников обременительным занятием. В этом раскладе перспективы Медведева более чем туманны. До сегодняшнего дня интерес к Медведеву поддерживается среди небольшой части элиты только благодаря очевидным сигналам Запада и некоторых «демократов».

Зато все политологи едины в том, что изначально их консенсус-прогноз был совершенно справедливым: Медведева действительно посадили посторожить место, «погреть кресло» до возвращения настоящего «хозяина». Однако нельзя недооценивать феномен власти. Власть — это страшный магнит, вот и Медведеву, по-видимому, трудно устоять перед соблазном. Все это не говорит, делают вывод политологи, о том, что Путин не будет президентом снова, но это говорит о том, что наши лидеры уже не друзья, а политические соратники, а значит, при некоторых обстоятельствах — соперники.

А между тем с сущностной точки зрения в стране мало что изменилось: в руках Путина подлинная власть, основные силы и финансы. Окружение Медведева несерьезно, а сам он — как бы ни старался — всегда в тени В.Путина. Это лишний раз подтвердило заявление премьер-министра о том, что возбуждаться рано, решение будет принято осенью-зимой 2011 года. Теперь в «ЕР» уверяют, что выдвижение кандидата произойдет на осеннем съезде партии. При этом по сценарию, который уже подготовлен, на главный пост выдвинут нескольких кандидатов, но после обсуждения доверием будет облечен один. Источник не смог назвать его фамилию. По его словам, она не известна даже Грызлову.

А самым важным за последнее время подтверждением изложенного выше стало практически программное (до 2020 года) заявление В.Путина в ходе годового отчета перед депутатами Госдумы о том, что России необходимо десятилетие устойчивого развития. По его словам, помехой этому могут быть «разного рода шарахания и необдуманные эксперименты, замешанные на неоправданном подчас либерализме или социальной демагогии». Это заявление фактически стало жестким ответом если не самому Медведеву, то его команде.

Обратной стороной затягивания принятия (или обнародования) решения является то, что чем ближе к выборам, тем больше российская элита впадает в ступор. Каждый озадачен тем, как бы каким-нибудь действием или словом не обидеть будущего главного начальника. Ведь не исключено, что все эти «танцы хромых уток» — очередная проверка, которую премьер по привычке устраивает соратникам.

И действительно, политикой в России еще не так давно занимался, как говорят многие эксперты, всего один человек — В.Путин. С относительно недавнего же времени политиков стало двое — приблизительно на второй год своего президентства к премьеру в этом качестве добавился Д. Медведев. Только эти двое ведут себя в России как настоящие публичные политики: заботятся об имидже, «окучивают» электорат, наконец, банально не бегают согласовывать свои заявления в кабинеты на Старой площади.

Понятно также, что изобретатель тандема Путин стремится продлить его существование в прежнем виде хотя бы еще на несколько месяцев. Это в его

интересах. Но не менее понятно, что Медведев ищет маршрут, чтобы из этой схемы выйти. И дело тут не только в личном желании продлить свое президентство на новый срок и не только в пресловутом «конфликте двух окружений», а просто в том, что общественная атмосфера меняется и играть по правилам, придуманным совсем в другое время, сейчас уже сложно.

Рассуждения Медведева в его китайском интервью о том, что у него есть расхождения с Путиным, и о том, что «в относительно короткой перспективе» он объявит, будет ли баллотироваться в президенты, были задуманы как очередной шаг из тени прежнего патрона. И этот шаг был воспринят путинской командой как серьезный, как видно из заявлений самого Путина и тесно связанных с ним лично людей. Ответный ход за Медведевым. Он может усвоить преподанный урок и замолчать. Что означало бы сейчас практически капитуляцию, вознаграждаемую какой-нибудь непыльной должностью после расставания с кремлевским креслом. А может сделать новые шаги из тени и дать старт открытой предвыборной кампании, что стало бы большой гражданской услугой обществу, даже независимо от того, чьей победой эта кампания закончится.

Что касается второстепенных фигур, то «свою игру» в связи с выборами 2012 года начали также Явлинский, Зюганов и Жириновский.

В этих условиях в политическом и экспертном сообществе Европы также возрос уровень внимания к перспективам развития российской политической системы. В Париже под эгидой французского Института международных и стратегических отношений (IRIS) состоялась встреча, посвященная обеспечению поставок энергетических ресурсов в ЕС и снижению рисков дестабилизации обстановки на европейском пространстве. Одной из основных тем форума стали грядущие президентские выборы в России. В условиях революций в арабском мире РФ может стать ключевым экспортером нефти в страны ЕС. Участники встречи уделили основное внимание оценке перспектив переизбрания Д.Медведева на второй срок и потенциального выдвижения своей кандидатуры на пост главы государства В. Путиным.

Обсуждение российской темы под эгидой IRIS дало представление о настроениях западноевропейских элит к перспективам избрания в 2012 году Путина или Медведева. Форум зафиксировал, что Западная Европа вполне готова к выдвижению Путиным своей кандидатуры на пост главы государства. Одним из итоговых моментов встречи явилось заявление о том, что ЕС не следует опасаться возвращения действующего главы правительства РФ на пост президента: победа нынешнего премьера на выборах 2012 года не станет препятствием для дальнейшего развития отношений между РФ и ЕС в политической и энергетической сфере.

В этой связи нельзя исключать, что в ходе «потенциальной» предвыборной кампании действующий председатель российского правительства будет активно использовать европейскую информационную поддержку. На стороне Путина способны выступить ведущие экспертные и медийные структуры Франции, Германии и Италии — трех ведущих партнеров РФ в Евросоюзе. Они могут не только прямо или косвенно поддерживать возможность участия Путина в предвыборной кампании-2012, но и его потенциальное избрание президентом.

А между тем, отмечают многие наблюдатели, главный вопрос состоит отнюдь не в том, кто придет к власти в 2012 году, а какую программу выдвигнут Д.Медведев или В.Путин, если пойдут на выборы. Ответ на этот ключевой вопрос, по большому счету, определит дальнейшую судьбу страны на обозримую перспективу. Последний опрос «Левада-центра» объективно показал, что рейтинги президента и премьера продолжают снижаться. Это происходит, в первую очередь, потому, что ощущение грядущего кризиса и сползания России в очередную яму становится все более явным. Налицо усталость народа от монополии на власть, коррупции и беспредела чиновников, от разрыва между глянцем голубого экрана и реальной жизнью. России, как никогда, необходимы серьезные перемены и реальные реформы, ибо на карте, в буквальном смысле слова, — судьба страны и народа.

В заключение стоит вновь отметить, что все попытки реформировать страну выявили один существенный и принципиальный изъян — невозможность в реформах опираться на существующую бюрократическую номенклатуру. Она является непреодолимым препятствием на пути развития России. При ее господствующей роли невозможна ни модернизация, ни инновации, ни прогрессивные реформы. Сегодня нельзя говорить о каких-либо преобразованиях, не предлагая соответствующих механизмов реализации. Страна должна увидеть четкие программы реформ, под которыми подпишется кандидат в президенты страны. Но если в этом списке реформа политического управления страной, смена элит и ликвидация монополии на власть будут стоять на последнем месте, выборы 2012 года будут отличаться от предыдущих только датами в календаре.

В этих условиях победитель президентских выборов неизбежно столкнется с рядом содержательных проблем. В первую очередь, это экономика, где обостряются противоречия в связи с одновременной реализацией трех курсов: ставки на развитие рыночных отношений, поддержки госкапитализма и социализма. Последний курс выражается в нагнетании ожиданий от государства как главного распределителя благ и источника раздачи денег всем категориям населения. Необходимо также извлечь уроки из ближневосточных событий, начав системный переход от «вождистского» типа легитимности к формированию реальных политических институтов. Пока медведевская и путинская команды ответов на эти вызовы не нашли. Ни совместно, ни по отдельности.

Мировой экономический кризис — продолжение следует?

В последнее время в мировом экономическом сообществе сформировалось мнение, что мировая экономика укрепляется, темпы восстановления почти не нуждаются в поддержке извне, однако риски нового спада все еще существуют. Во всяком случае, об этом заявили после недавнего заседания участники «Большой двадцатки» (G20), которые «договорились сохранять бдительность и предпринимать действия, необходимые для поддержки и усиления восстановления экономики и снижения рисков». «Двадцатка» займется анализом и корректировкой дисбалансов в крупных экономиках, доля которых составляет в общемировом ВВП более 5%, — это США, Китай, Германия, Франция, Япония, Великобритания, Индия.

Согласились в G20 и с необходимостью повышения эффективности надзорных функций МВФ в сфере финансов, денежно-кредитной политики и политики обменных курсов. G20 достигла также соглашения о расширении валютной корзины и включении китайского юаня в систему SDR (специальные права заимствования). Сейчас в валютную корзину входят доллар США, евро, иена и фунт стерлингов.

В то же время отечественные экономисты и эксперты пришли к нескольким иным — более радикальным — выводам: говорить об уверенном и стабильном восстановлении, которому лишь угрожают некие дисбалансы, сейчас не приходится. На самом деле глобальная экономика до сих пор не преодолела кризис, и ее восстановление — это скорее желаемое развитие событий, а не реальный факт. Первое слабое звено мировой экономики — это финансовая система США, в которой сохраняется внутренний кризис. «В США не решена проблема долга и дефицита бюджета. Пока вся политика США заключалась в том, чтобы удержать те позиции, на которых они сегодня находятся. Но для будущего этого уже недостаточно», — полагает известный экономист Е. Ясин.

Второе слабое звено — Китай, который уже миновал стадию первоначального ускоренного развития. Став серьезной экономической силой, он перешел в разряд среднеразвитых стран, но основное преимущество Китая — дешевизна рабочей силы — снижается. И всю эту гамму противоречий страны вовсе не решили, а лишь заглушили и затопили деньгами.

Текущее состояние мировой экономики можно охарактеризовать словами «неустойчивое равновесие», полагает экономист. «Нет никаких оснований считать, что экономический кризис закончился. Это у G20 лишь иллюзия и пропаганда, — согласен с ним и президент компании «Неокон» М. Хазин. Кризис продолжается, и выражается он в падении объемов кредитования, в падении объемов спроса, в увеличении плохих долгов у банков». У любого кризиса всегда имеется некий базовый механизм, и у современного кризиса таким механизмом является, по словам Хазина, «несоответствие совокупного спроса и доходов населения». «Несоответствие никуда не делось. Пока оно не опустится до нуля, кризис не закончится».

Хазин уверен, что сейчас не просто «еще все впереди», а «еще практически ничего не началось»: кризис задержится в мировой экономике еще как минимум на пять-восемь лет, при этом, по его расчетам, падение мировой экономики может составить 30–35%, как во время Великой депрессии, а падение европейской экономики — около 50%.

На этом противоречивом фоне в мировой экономике произошла смена тенденций: Европейский центральный банк (ЕЦБ) сделал шаг в посткризисную фазу, первым среди центробанков ведущих индустриальных стран Запада увеличив банковскую ставку по евро на 25 пунктов — до 1,25% годовых. Тем самым он отказался от продолжавшейся последние почти три года политики снижения ставки и сохранения ее на исторически низком уровне. Однако ни Федеральная резервная система (ФРС) США, ни Банк Англии, ни Банк Японии не последовали примеру ЕЦБ и продолжают придерживаться курса, который был совместно выработан ведущими центробанками западных государств еще в кризисном 2008 году.

В результате, отмечают специалисты, единый фронт борьбы с глобальным финансовым кризисом стран «семерки» перестал существовать. Для ЕЦБ нынешнее решение не было простым. Оно подчеркивает сложность ситуации, в которой находится сейчас зона евро Евросоюза, с трудом преодолевающая тяжелые структурные проблемы. Повышение учетной ставки по евро принято в первую очередь в интересах крупнейших экономик этого валютно-экономического союза внутри ЕС — Германии, Франции, Нидерландов.

Повышение учетной ставки по евро усиливает проблемы так называемых «периферийных» стран зоны евро: средиземноморских государств — Греции, Португалии, Испании, Италии, а также переживающей тяжелый бюджетный кризис Ирландии. Такое развитие событий подтверждает, что в зоне евро продолжают нарастать внутренние структурные дисбалансы. Если экономики Германии, Франции, Нидерландов, Финляндии фиксируют уверенный рост и требуют принятия мер для сдерживания инфляции, то в группе средиземноморских государств и Ирландии необходимо поддерживать низкую стоимость кредита и даже запустить механизм поступательного увеличения инфляции. ЕЦБ оказался перед дилеммой — какой группе стран помогать в первую очередь, и выбор был сделан в пользу экономически сильнейшей группы, и в первую очередь в пользу Германии.

Между тем рост мировых цен на продовольствие и энергоносители открывает дополнительные возможности для стран — экспортеров энергоносителей и продовольствия. Так, согласно последнему докладу Всемирного банка (ВБ), перед Россией, Азербайджаном, Казахстаном и Украиной открываются возможности ускорения экономического роста, улучшения состояния текущего счета платежных операций и устойчивости бюджетного баланса. Это будет связано с высокими мировыми ценами на нефть и продовольствие. Так, на долю России, Казахстана и Азербайджана приходится до 15% объема добываемой в мире нефти. В то же время уровень бедности может повыситься в странах с низким уровнем дохода и с доходом ниже среднего, являющихся к тому же чистыми импортерами энергоносителей. В группе риска — Армения, Грузия, Киргизия, Молдавия и Таджикистан: в прошлом году в этих странах рост цен на продовольственные товары уже превысил 17%.

Позитивные оценки ВБ по отношению к России разделяют и аналитики Международного валютного фонда (МВФ), которые не так давно также повысили прогноз роста российской экономики. Согласно последним данным МВФ, в текущем году ВВП России может вырасти на 4,8%, а не на 4,5%, как сообщалось в январском прогнозе. МВФ также улучшил прогноз роста российской экономики и на 2012 год — с 4,4 до 4,5%.

Стоит отметить, что на Западе более оптимистично оценивают перспективы развития нашей экономики, чем даже правительство РФ. В частности, Минэкономразвития снизило прогнозы роста ВВП в 2012-м — с 3,9 до 3,5% и в 2013 году — с 4,5 до 4,2%. По мнению экспертов, ВБ и МВФ излишне оптимистичны в своих прогнозах: ведь рано или поздно наступит период коррекции мировых цен на нефть, что, как правило, очень болезненно отражается на России. Между тем бюджет страны обременен множеством социальных обязательств, а также необходимостью финансирования подготовки статус-

ных мероприятий — саммит АТЭС-2012, Олимпиада-2014, чемпионат мира по футболу в 2018 году.

По мнению ряда экспертов, особенностью нынешнего периода является разнонаправленная динамика важнейших элементов экономики. В то время как экспорт, импорт, розничный товарооборот продолжают расти, причем экспорт и импорт — рекордными темпами, падают объемы промышленного производства, инвестиций, реальных доходов населения. Размеры инвестиций сокращаются четвертый месяц подряд, а их кумулятивное снижение относительно уровня, достигнутого в ноябре 2010 года, достигло 11,9%. В марте 2011 года реальные доходы населения оказались ниже пика, достигнутого в декабре 2010 года, на 3%, продукция сельского хозяйства — на 1,9%. За исключением розничного товарооборота ни один из крупных компонентов ВВП так и не достиг предкризисных уровней 2007–2008 годов. В марте 2011 года объем ВВП был ниже предшествовавшего пика на 1,6%, промышленное производство — на 2%, продукция сельского хозяйства — на 11,9%, грузооборот транспорта — на 3,8%, инвестиции — на 20,4%, экспорт — на 2,4%, импорт — на 3%.

Что касается причин начавшегося экономического спада, то главным фактором экономического спада стало, судя по всему, быстрое снижение инвестиций. Темпы кумулятивного сокращения инвестиций в последние четыре месяца превосходят аналогичные значения, наблюдавшиеся во время предшествовавших крупнейших экономических катаклизмов осенью 1998 года и зимой 2009 года. На фоне быстрого роста объемов экспорта и фондового рынка сокращающиеся инвестиции означают, что их главной причиной стали внутренние факторы.

Стоит также отметить, что в долгосрочном плане вряд ли можно рассчитывать на добывающий сектор как на основной двигатель роста: с начала 70-х годов прошлого века в отраслевом портфеле индустриально-развитых стран сектор добычи полезных ископаемых является отраслью экономики, которая имеет исторически минимальные темпы роста (около 1% в год) при максимальной их волатильности.

В условиях исключительной важности добывающего сектора для формирования доходов бюджета и экономики в целом, его хорошего финансового состояния, но низкого потенциала роста физобъемов производства, логично было бы проводить такую политику диверсификации экономики, которая создавала бы условия для развития и финансирования сырьевиками своих высоких переделов, связанных с более высоким технологическим уровнем производства, чтобы это на основе «эффекта обучения» способствовало переносу инноваций и в другие сектора экономики. Если говорить о ключевых экспортно-сырьевых сегментах, то это, прежде всего, нефте- и газохимия, которые получают сырье от самой добычи (газовый конденсат, попутный нефтяной газ и прочее), а также сектора, перерабатывающие нефть и газ на первичном и вторичном уровнях. Однако в сложившихся сегодня в России конкретных политико-экономических условиях этого не происходит.

Вряд ли, полагают наблюдатели, будет способствовать развитию страны и экономическая политика, как она изложена в отчете о работе правительства, с которым перед Госдумой выступил В. Путин. Ключевая мысль его речи —

перемены не нужны, а реплика о необходимости сберечь «гражданский и межнациональный мир, поставить преграды любым попыткам расколоть и рассорить наше общество» звучала призывом к сохранению статус-кво в управлении Россией.

Многие обещания дословно или с вариациями повторяли те, что уже давал Путин в бытность президентом. В частности, заявление о намерении сделать Россию пятой экономикой мира — всего лишь более амбициозная версия скромного предположения конца 1999-го, что при годовых темпах прироста ВВП в 8% России лет за 15 удастся догнать Португалию. А задача удвоения производительности труда за 10 лет очень похожа на поставленную еще президентом Путиным в 2003 году, но так и не выполненную задачу удвоить ВВП России к 2010 году.

Что касается состояния российского бюджета, то, согласно данным Минфина, первые три месяца года федеральная казна закончила с профицитом. При этом в экономике остаются серьезные риски, которые могут нивелировать рост госдоходов. Ключевых проблем две — рост потребительских цен и снижение бюджетной дисциплины. Основной причиной активизации инфляционных процессов на отечественном рынке стал рост цен на продовольственные товары и услуги. Увеличение стоимости продуктов питания спровоцировала аномальная жара и продолжительная засуха. В результате неблагоприятной конъюнктуры урожай зерновых в 2010 году упал до 60,5 млн тонн — при внутреннем потреблении в 75–78 млн тонн. При этом основной удар засухи пришелся не по продовольственному, а по фуражному зерну, необходимому для животноводства.

Интенсификация инфляционных процессов уже привела к коррекции позиций основных регуляторов. Чтобы снизить инфляционные риски, Минфин предложил ужесточить контроль над расходованием бюджетных средств. Согласно предложениям Минфина правительство четко формулирует политику государства, которая затем укладывается в финансируемые из бюджета государственные долгосрочные целевые программы (ГДЦП). При этом переход на новые принципы финансирования коснется всех бюджетных организаций, и со временем они будут получать средства не через смету, как было ранее, а через субсидии.

Предложения А. Кудрина, конечно, позволят увеличить аппаратный вес финансового ведомства, так как все ГДЦП будут согласовываться именно в министерстве. По предварительным расчетам, речь может идти о сумме в 1,5–2 трлн рублей. Причем, в дальнейшем финансовый контроль Минфина может значительно увеличиться. А. Кудрин предлагает перевести на программно-целевой принцип весь бюджет в 2012–2014 годах. Учитывая, что в этом году на финансирование 73 целевых программ предусмотрено не более 8% от общих госрасходов, финансовый контроль Минфина может вырасти на 92%. Исходя из прогнозных показателей 2012 года, под прямую юрисдикцию Министерства финансов попадут потоки на 7–7,5 трлн рублей.

На этом фоне пошли разговоры, что А. Кудрин вскоре станет освобожденным вице-премьером. Слухи о переменах в карьере А. Кудрина (не так давно пресса активно обсуждала возможность откомандирования А. Кудрина на пост лидера «Правого дела») провоцируются растущей информационно-по-

литической активностью финансового вице-премьера. Заявив себя жестким сторонником модернизации политической системы в Красноярске, он последовательно наращивал публичную активность, используя любую площадку для презентации своего плана политических реформ.

Таким образом, делают вывод наблюдатели, угроза нового глубокого экономического спада должна бы заставить правительство серьезно заняться пересмотром экономической политики. При этом и замораживание монопольных тарифов, которое кажется сегодня нереальным, уже во второй половине года может стать самым очевидным спасательным кругом для экономики. Бегство капитала, нехватка инвестиций, стагнация доходов населения и прекращение экономического роста не обещают накануне выборов ничего хорошего.

Если развитие мировой экономики страдает от роста цен на нефть, то для России это выглядит как благо. Но на самом деле количество признаков слабости экономики становится все больше. И, прежде всего, развитие российской экономики страдает от чрезмерной зависимости от импорта. Кроме того, рост цен, вызванный повышением цен на нефть и энергоресурсы, хоть и увеличивает поступления в бюджет, в то же время подрывает покупательную способность домохозяйств и ослабляет предприятия, так как издержки производства растут быстрее производительности.

Уровень потребительской уверенности населения России снижается, свидетельствуют данные индекса потребительской уверенности Росстата за первый квартал 2011 года. Он уже резко упал в «отрицательную» зону в первом квартале 2009 года, достигнув рекордных минус 35%. Потом постепенно рос вплоть до второго квартала 2010 года, дойдя до своего максимального значения в послекризисный период до минус 7 пунктов. Затем начал падение, которое статведомство и зафиксировало в первом квартале 2011 года.

Это довольно опасный симптом для правительства, который свидетельствует о том, что обстановка постепенно накаляется и пора принимать реальные шаги по стимулированию экономического развития.

В. Тусов.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Нелли МОТРОШИЛОВА

ХАРАКТЕР И МАСШТАБЫ НАРУШЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ НОРМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

(заметки и впечатления)

Любые проекты, даже если они назрели и с позитивной стороны хорошо продуманы, не приводят к запланированным результатам, если и когда они реализуются на почве негативных привычек и реальных поведенческих установок сознания значительной части населения. Иными словами, если нормативная культура, эта важнейшая структурная основа цивилизации, в соответствующих странах не была отлажена на протяжении веков, а в последнее время даже претерпела неблагоприятные изменения.

Между тем индивиды и инстанции, стремящиеся провести в жизнь даже очевидно нужные меры и решения, часто не задумываются о современном состоянии этой исторически возникшей почвы. Так, законодатели, да и вообще люди, устанавливающие правила, регламентации, рассчитывают главным образом, если не исключительно, на неких законо- и правилопослушных людей. Что оправдано, да и то не в полной мере, в цивилизованных странах, где такие люди составляют большинство, где цивилизационные привычки исторически закрепились и стали соблюдаемыми нормами жизни.

В России, к огромному сожалению и к большому для нее ущербу, приходится прямо рассчитывать на то, что цивилизационные регламентации (законы права, финансовая дисциплина, любые необходимые нормы, начиная от правил дорожного движения до соблюдения регламента на общественно опасных предприятиях) не только не будут соблюдаться привычно, как бы автоматически, большинством населения, но и обречены на масштабные их нарушения.

Исторические корни подобных привычек уходят в глубь веков. Например, один из внешних, но чрезвычайно важных показателей цивилизованности или, напротив, нецивилизованности жизни любой страны — уровень социальной гигиены, чистоты окружающей среды, сегодня подразумевающей множество технических, организационных и других общесоциальных, управленческих аспектов. Однако среди самых главных факторов здесь надо, естественно, назвать наличие закрепившихся привычек людей соблю-

дать или, напротив, нарушать соответствующие разумные, полезные нормы и правила. Иными словами, *многое упирается в состояние цивилизационного сознания, связанного с нормами сознания и правилами поведения.*

Насколько застарелой эта проблема является для России, можно видеть из такого, например, исторического свидетельства. В указе Петра I от 9 апреля 1699 года с красноречивым названием «О наблюдении чистоты в Москве и о наказании за выбрасывание сору и всякого помёту на улицы и переулки» сказано: «Кто станет по большим улицам и переулкам всякий помёт и мертвечину бросать, такие люди взяты будут в земский приказ, и будет им за это учинено наказание — битье кнутом, да с них же взята будет пеня». Царь-реформатор хорошо знал психологию подвластного ему населения, относительно которого оправданно предполагал не некую добрую волю к соблюдению правил цивилизованной жизни (которую он с завистью наблюдал в маленькой Голландии), но постоянную готовность таковые правила нарушить. (Кстати, когда я пишу эти строки, за окном моей квартиры проносится какой-то сор, «помёт», выброшенный прямо на мостовую или низлежащие балконы соседями сверху...)

Некоторые из таких исторически унаследованных привычек, разумеется, за прошедшие века изменились в лучшую сторону. В Москве и других больших городах убирают, украшают (по крайней мере) центральные улицы. Но сколько по стране городков, поселений, окраин больших городов, которые захламлены, превращены в постоянные свалки, очаги антисанитарии! И сколь трудно поддерживать хотя бы относительный порядок — даже в прекрасных центральных городах. Не забудьте об ужасающем состоянии подъездов большинства российских домов. Здесь разительный контраст по сравнению с бытовой ухоженностью Европы (а теперь и Азии), например, с их гордостью — замечательными малыми городами и поселками. Это хорошо известная проблема. Её истоки и пути её цивилизованного решения — те же, что и в случае лечения других застарелых российских антицивилизационных болезней — среди них нарицательными, но не исчерпывающими, образами стали «дураки и дороги».

Применительно к этим и подобным случаям можно констатировать: поскольку в нашей стране реальностью является не поддержка, не привычка соблюдения любых законов, правил, нормативных рекомендаций, а более привычное несоблюдение (даже тех из них, которые очевидно нужны всем и каждому) и как бы стихийное сопротивление им, постольку при выработке любых социально значимых норм, регламентаций надо *заведомо, заранее, притом предметно и конкретно, учиться предотвращать подобные их нарушения.*

Хочу сделать существенные дополнения. Разумеется, отнюдь не все наши граждане нарушают законы и правила. Но очень большое количество, *массовость нарушений не вызывает сомнения.* Вспомните о «рекордном» числе смертельных аварий на наших дорогах, значительная доля которых происходит по прямой вине водителей, нарушающих — в ущерб другим людям, а часто и ценой собственной жизни — элементарные и необходимые правила. Понаблюдайте за тем, сколько пешеходов — с опасностью даже и для собственной жизни, жизни своих детей — бросаются переходить улицы на красный свет светофора. Соблюдают же элементарные правила лишь единицы.

Недостаточно осознано то, что в основе многих более конкретных неудач, кризисов, постигших в XXI веке наше общество, лежит несоблюдение цивилизационного баланса, а именно в «практике» нарушения исконных правил человеческого бытования. Например, это нарушение юридических и моральных норм, испокон веков регулировавших отношение к слабым, незащищенным гражданам, прежде всего к детям.

Очень плохо, когда речь идет о неблагоприятных действиях по отношению к взрослым людям. Но чудовищно, когда своего рода массовыми «правилами» становится преступное и безответственное отношение к детям. У нас — и часто безнаказанно — травят, продают, убивают, насилуют детей, причем и собственных детей родители подбрасывают или, погружаясь в беспробудное пьянство, одичание, обрекают на нечеловеческое существование. Совершенно очевидно, что наше общество шокировано, подавлено «падением нравов» — особенно в этих и других сферах жизни. Но столь же очевидно: в верхах и низах царит растерянность, и нет серьезных попыток найти срочные и эффективные выходы из создавшейся ситуации. В качестве предварительных шагов и в этой сфере видится, во-первых, более интенсивное и грамотное *отлаживание законодательной и иной нормативной системы*, а во-вторых, конкретное исследование сложившейся практики злоупотреблений, нарушений («отклоняющегося поведения») с целью практически изменить, предотвратить типичные здесь формы и направления.

Ещё одно, тоже негативное, если не катастрофическое по содержанию дополнение: в последние десятилетия массовым стало беспрецедентное нарушение всяческих социальных правил, законов с целью наживы и с помощью различных видов мошенничества, подлога, подделок и т. д. С этим приходится сталкиваться буквально на каждом шагу: «разводят», как теперь принято говорить, не только отдельных граждан, но по-крупному «разводят» государство, казну, то есть снова же граждан как налогоплательщиков. Антизаконы и антинормы мошенничества, подделки стали в России привычными, повседневными, повсеместными. И притом действия преступников, мошенников стали «высокотехнологичными», изощренными, тщательно продуманными и ловко, безнаказанно исполняемыми. Заметьте: как только становится известно, что в какие-то регионы, на какие-то цели выделяются большие средства, моментально вступают в дело сплоченные, хорошо подготовленные «группы захвата», которые в колоссальных, невиданных масштабах присваивают, «уводят» львиную долю этих средств. Пример миллиардных хищений в сфере ЖКХ — один из многих. Разговоров, возмущений, бурных обсуждений и общих обличений сколько угодно. Но реального противодействия процессам коррупции, мошенничества, подделок всего и вся пока не наблюдается.

В чем могло бы и должно бы состоять такое противодействие? Ясно, что первая предпосылка — добрая воля управляющих, государственных учреждений, вернее, конкретных индивидов, их представляющих. Общее, хорошо подтверждаемое опросами мнение россиян (особенно простых честных, законопослушных людей): такой воли в массовых, государственных масштабах не наблюдается; больше того, фиксируется нечто противоположное — воля к организованному сопротивлению коррумпированного чиновничества (я

называю такие сплоченные структуры и группы антигражданским обществом). При соединении с охарактеризованными ранее предпосылками — сопротивлением также и больших масс населения законам и нормам, в том числе необходимым, разумным, — нынешняя ситуация делается очень тяжелой (а некоторые люди думают, что и безнадежной).

Но предположим, что где-то появились и встали у власти люди с позитивной социальной волей, направленной на соблюдение, поддержание законов и норм, иными словами, на цивилизацию жизни в тех или иных городах, поселениях нашей страны. Что, как представляется, надо было сделать уже вчера, но настоятельно необходимо провести в жизнь сегодня? Один из ответов: необходимо собрать крепкие, очень хорошо оплачиваемые комплексные группы экспертов и *повседневных работающих* специалистов, особым и конкретным делом которых станет, если можно так выразиться, осмысление и обработка «негативных полей» сознания и действия людей — с особым вниманием к контролю за соблюдением законов, норм, правил, установлений.

Что-то подобное в деятельности государства имеется. Но по масштабу, эффективности принимаемые меры и отдаленно не соответствуют повсеместному «размаху» преступной и негативной деятельности. Во всяком случае, «специалисты», отдавшие свои знания о таких негативных сторонах, о возможностях расхищения, обмана, далеко превосходят по оперативности и уровню современной квалификации работников государственных служб. В отличие от последних, упомянутые «специалисты» действуют моментально, по крайней мере, одновременно с тем, что предпринимают государственные службы (часто и на основе криминальной спайки с ними). Они, так сказать, «всегда готовы»... Чего нельзя утверждать о системах и методах государственного контроля. Например, ещё до выделения государством средств, особенно весьма значительных, должна быть скрупулезно, пошагово разработана конкретная технология предотвращения злоупотреблений и нарушений — конкретно в тех местах, откуда и куда средства поступают. В неё и должно включаться не только четкое предположение существования и размаха «злой воли», но и достаточно конкретное прогнозирующее представление о том, в каких звеньях, инстанциях процесса она может быть проявлена. Важнейший здесь фактор — четкое, изначальное фиксирование «личного авторства» по всей цепочке процесса и, соответственно, вознаграждения за успех или чувствительного наказания за злоупотребления.

Продумывание характера поощрений и наказаний, обеспечение неотвратимости наказания при установлении вины тоже должно иметь место параллельно, а лучше — ещё до осуществления каких-то конкретных негативных деяний. Например, мыслят предотвратить коррупцию, назначив штрафы, многократно превышающие суммы взяток. Станет ли эта мера эффективной? Надо это конкретно продумать и просчитать. Возможно, для каких-то категорий хищений это уместно. Но вряд ли для особо крупных. Предположим, то или иное лицо реально присваивает миллионные суммы (и не в рублях, а в долларах). А в соответствии с доказанной величиной взятки он уплачивает — уже по новым правилам — несколько миллионов рублей, даже бывает осужден на пару-другую лет тюремного заключения. Предостерегает ли угроза как будто солидного денежного штрафа от попрания закона «в

особо крупных размерах»? Вряд ли. Во всяком случае, приходилось слышать по ТВ откровенные высказывания расхитителей и взяточников, изловчившихся присвоить, сокрыть очень крупные суммы денег и солидную недвижимость: ничего, заплатим и отсидим; а когда выйдем, выберемся из страны на заранее подготовленные крупными хищениями позиции...

Увольнения со службы (без привлечения к уголовной ответственности) — тоже вряд ли соразмерные наказания для тех должностных лиц, которые уже нагло, безнаказанно накопили колоссальные богатства и теперь, возможно, даже будут рады возможности «перейти на покой» в своих купленных за рубежом особняках и в окружении замечательно обеспеченных чад и домочадцев.

Другой пример: работников полиции решено стимулировать материально (что в целом позитивно) и уберечь от наживы приличными (по средним меркам) зарплатами. Так, уже и лейтенанту полиции обещан минимум в 40 тысяч рублей. (Кстати, молодые кандидаты и доктора наук теперь говорят: а не пойти ли в лейтенанты полиции?). Весь вопрос в том, соблазнят ли такие суммы к действительному правоохранению тех привыкших к сотрудничеству с криминалом «правоохранительных оборотней», тем более высокопоставленных, которые уже получают и рассчитывают далее получать незаконные доходы с совсем другим порядком цифр. Тоже сомнительно.

Итак, применительно к стимулам, материальным или статусным, реально определяющим именно сегодня правопослушное либо противоположное поведение (в различных сферах жизнедеятельности), *необходимы очень серьёзные современные исследования, экспертизы, обоснованные рекомендации*. Полагаться на суждение ограниченного числа лично преданных «ближайших лиц» для руководителей разного ранга недобросовестно, нерезультативно и даже опасно.

Представляется, что центр тяжести в системе таких мер должен быть перенесен на создание повсеместно и эффективно действующих форм самого строгого контроля, причем, как уже отмечено, контроля, упреждающего право- и правонарушения. Последний момент принципиально важен, как бы осознан, но пока не вошел в практику социальной жизни и в число первостепенных критериев, требований управленческой деятельности разного уровня.

Характерное явление нашей жизни: правонарушения, преступления (с колоссальными материальными хищениями, а главное, сопряженные с человеческими жертвами или созданием невыносимых условий для жизни, вернее, выживания больших масс населения) «вскрываются» — но не раскрываются или при раскрытиях остаются безнаказанными — главным образом *после того*, как они уже произошли. О них громко и гневно говорят... часто именно те лица, на которых, в конечном счете, лежала и лежит ответственность. И «народ хочет знать»: а где они были, когда все это происходило в зонах их компетенции и ответственности, например, когда «под их носом» готовились и осуществлялись беспрецедентно крупные хищения? Пример многолетнего московского градоначальника, на которого запоздало обрушились тяжкие (но пока не возымевшие юридической силы) обвинения — более чем типичный и выразительный.

Еще об одной типичной для современной России изощренной и прямо-таки иезуитской форме попраania норм, на этот раз юридических, правовых. Вот их суть: сначала по-крупному нарушаются законы права и морали, а затем всё прикрывается, маскируется какими-либо документами, выправленными «по закону». Или: создана внеправовая, коррупционная структура, в сущности, чиновная мафия, банда; потом «работают» ее карманные прокуроры, юристы, судьи — и, в конечном счете, заинтересованные лица говорят: «У нас всё по закону!», они даже огрызаются на Следственный комитет... Или: чиновники выстраивают дворцы, замки (в стране и за рубежом), переводят их на жен, чад и домочадцев. Затем составляют липовые декларации, укрывающие реальные доходы и баснословную недвижимость. Иными словами, создаются схемы «законных», «правовых» прикрытий очевидных противоправных нарушений. Неудивительно, подобная *массовая* практика приводит к тому, что население России теряет остатки веры в возможность построения правового государства.

В заключение можно сделать общие выводы. Нормы, принципы, правила социального бытия и взаимодействия (правовые и нравственные; правила, регламентации, относящиеся к тем или иным сферам) — это своего рода изобретения всей человеческой цивилизации. Попраание их свидетельствует о глубоких кризисных процессах и об опасностях для отдельных людей, стран и для всего мира.

Это показатели колебаний цивилизационной почвы, предупреждающих о будущих социальных землетрясениях и надвигающихся исторических цунами.

ТЕМА НОМЕРА

Владимир ДЕРГАЧЁВ (Украина)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА АРАБСКОГО ВОСТОКА

После распада Советского Союза сформировалась новая геополитическая архитектура мира¹. Однако мировые геополитические циклы и региональные циклы Больших цивилизационных пространств не всегда совпадают. Трансформация Больших пространств идет с некоторым запаздыванием после кардинальной смены геополитической архитектуры мира. По аналогии с природой, когда перед землетрясением по линиям тектонических разломов постепенно накапливается разрушительная энергетика. Такой «разлом» произошел в арабском мире. Поэтому события на Арабском Востоке не являются чем-то неожиданным².

Завершающийся геополитический цикл. Арабский Восток завершает региональный геополитический цикл, который начался серией революций 1950–1960 годов, когда к власти на смену монархических режимов стало приходить поколение молодых офицеров (Насер в Египте, Каддафи в Ливии и др.). Для многих арабских стран Советский Союз был путеводной звездой. Идеи «арабского социализма» казались созвучными ментальности арабов. Благодаря ориентации на СССР была обеспечена советская военная и экономическая поддержка местных авторитарных режимов. Характерной чертой цикла является нахождение у власти в течение жизни поколения одной правящей династии (военных, «революционеров», «семьи»). Что привело к исключительному застою в обществе, в котором перестали работать «социальные лифты».

Численность населения в большинстве арабских государств увеличилась за последние полвека в 3–5 раз, в то же время суммарный ВВП примерно равен ВВП Испании, население которой на порядок меньше. Исключительно высокие темпы роста населения в арабских странах создали демографический вулкан с не находящей применения энергии молодых, вынужденных искать работу в богатых странах Запада и Востока. Но в результате мирового финансово-экономического кризиса произошло резкое сокращение рабочих мест, арабы-гастарбайтеры вернулись на родину. А местные коррумпированные и застоявшиеся режимы не смогли или не собирались решать проблему безработицы.

¹ Дергачев В. Новая геополитическая архитектура мира от Атлантики до Тихого океана // Вестник аналитики, 2010, № 4.

² Дергачев В. Раскалённые рубежи Ближнего Востока // Вестник аналитики, 2009, № 3. — URL: http://dergachev.ru/analit/raskalennie_rubezhi_blizhnego_vostoka.html

В условиях дефицита воды и плодородной земли авторитарная власть была главным условием выживания на Арабском Востоке. Светские военные режимы являются основой арабской государственности и обеспечивали стабильность в большинстве стран арабского мира, контролировали добычу и транспортировку энергоресурсов.

Существовавшие и существующие партии арабского социализма БААС (Сирия, Ирак и похожая партия в Египте) — это преимущественно правящие партии военных коррумпированных режимов. Не случайно их основным оппонентом стал политический ислам. «Братья мусульмане» — вторая политическая сила в Египте после правящей партии. Застой правящих элит проявился и в возрасте и болезнях монархов. Королю Саудовской Аравии — 87 лет и плохое здоровье, эмиру Кувейта — 81 год, султану Омана — 70 лет, и нет прямых наследников. Эмир Катара болен сахарным диабетом.

Таким образом, к концу геополитического цикла на Арабском Востоке накопилось достаточно взрывоопасных проблем. В результате арабский мир стоит на пороге гуманитарной и экологической катастрофы, а эгоистический Запад по-прежнему рассматривает регион лишь как энергетический Клондайк.

Началась череда арабских «революций» (Тунис, Египет, Ливия), которые на Западе поспешили назвать «демократическими». Вспыхнули беспорядки в Бахрейне, Кувейте, Омане, Йемене, Алжире, Сирии и Иордании. Произошел распад Судана по конфессиональному признаку (на мусульманский и христианский). С одной стороны арабского мира — богатейшие монархии стран Персидского залива, с другой — нищета и безработица. Несмотря на различные требования (социальные, экономические, политические, конфессиональные), арабы выступают против коррупции, застоя правящих режимов и попыток даже в светских государствах перейти к передаче власти на основе семейного принципа от отца к сыну (Египет, Ливия). Не случайно в Каире демонстранты несли лозунги «Народ не желает новую династию фараонов».

Произошла трансформация западных лозунгов «демократизации» Востока. В девяностые годы и в начале нового века они носили устрашающий характер «справедливого» меча — «Обдуманная сила», «Союзная сила», «Буря в пустыне», «Африканский лев», «Коготь орла», «Шок и трепет», «Анаконда» (глобальная война с террором). Начиная с Афганистана, операции начали носить почти божественные (мессианские) названия — «Безграничная справедливость», «Несокрушимая свобода», «Одиссея. Рассвет».

В связи с принятием новой доктрины национальной безопасности США важная роль отводится сетевым технологиям. Американский президент Обама, победивший благодаря широкому использованию интернет-технологий, намного раньше других политиков понял возможности таких социальных сетей, как Facebook и Twitter во внешней политике и подготовке демократических «сетевых революций»³. Госдепартамент США начал осуществлять в рамках программы «Борьба против репрессий, угнетения и насильственного экстремизма» через неправительственные НПО подготовку «правильных» революционных блогеров. Например, в рамках программы Free-

³ Овчинский В. Сетевой революционер Обама. — URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/02/09/817780.html>

dom House «Новое поколение». И Арабский Восток стал первым крупномасштабным полигоном для сетевых технологий, давших, по мнению Вашингтона, второе дыхание американскому геополитическому проекту «демократизации Большого Ближнего Востока».

Прощание с великой мечтой. На Арабском Востоке за последние десятилетия были осуществлены два социальных эксперимента по строительству светлого будущего — не только «арабского социализма» или «народного капитализма» в Ливии, но и проамериканская модель общества потребления в Объединённых Арабских Эмиратах.

Ослепительный блеск Эмиратов поражает каждого, впервые посетившего Дубай, ставший крупнейшим торговым, финансовым и туристическим центром Ближнего Востока и арабского мира, третьим по величине мировым центром реэкспорта (после Гонконга и Сингапура). Это один из новых мировых полюсов экономического развития, наряду с Шанхаем и Сингапуром. Но есть существенные отличия. Дубай является не восточным, а западным проектом. Это крупнейший «колониальный» оффшор Запада на Востоке, где американские и европейские компании могут эксплуатировать дешёвый труд азиатов из бедных стран. Что невозможно в США и Европе с законодательством, запрещающим сверхэксплуатацию.

Государство обеспечивает местных бедуинов огромными социальными благами. Чтобы создать этот рай и рай развлечений, в Эмиратах трудится день и ночь миллионная армия гастарбайтеров из Южной Азии и других арабских стран, на которые приходится вместе с иностранными специалистами (менеджеры, программисты и др.) 80 % населения страны (на 1 млн коренных жителей — 4 млн неграждан — временных работников). Колониальное рабство эпохи Британской империи сменилось новым видом рабства с трудовыми лагерями-бараками в пустыне, с дефицитом санитарных норм и чистой питьевой воды.

Согласно законодательству ОАЭ местные бедуины занимают высокооплачиваемые места в правлениях банков, строительных компаний, менеджмент которых состоит преимущественно из западных профессионалов. Все чаще слышишь, что коренные арабы ленивы. Праздное безделье в роскоши, бездумное, приобретающее карикатурные формы копирование идеалов западного общества потребления может завершиться катастрофой при смене поколений. Безделье и получение денег ни за что, как наркотик, поражает многих бедуинов и без алкоголя и курения. В страну строгой мусульманской морали, но с неокрепшими национальными ценностями, проникают западные пороки (разврат, ожирение). В погоне за роскошью общества потребления бедуины утрачивают свою индивидуальность.

На фоне воплощения «американской мечты» по-арабски Соединённым Штатам «и хочется, и колется» стереть с лица Земли оплот «народного капитализма» в Ливии⁴. Многие представители американской политической элиты выступали против военной агрессии. Они вспоминали, что попытка таким образом внедрить «демократию» в Сомали закончилась тем, что, как

⁴ Дергачев В. Ливия — прыщ на «ангельском носу» американской демократии. — URL: http://dergachev.ru/geop_events/210311.html

писали европейские СМИ, американский спецназ бежал из страны, как побитая собака. Как показывают социологические опросы, большинство американцев против очередной американской агрессии — внедрения «правильной» демократии. И если попытку «демократизации» Ирака с помощью «справедливых» бомб и ракет можно было объяснить низким уровнем IQ (средней степенью дебилности) американского президента, то нынешний крестовый поход Запада против суверенного государства во главе с современным «Одиссеем» — нобелевским «ангелом» смерти из Вашингтона — ставит неутешительный диагноз «миролюбивой» западной демократии.

В Ливии нет сверхбогатых и нищих. Благодаря социальной политике основу населения составляет «средний класс». Но социальная политика, о которой российские граждане не могут и мечтать, привела к деградации человека, отсутствию желания к созидательной деятельности, к праздному образу жизни. До «демократического» мятежа в стране работало свыше 1,5 млн иностранцев. А многие коренные жители «томились» в ожидании очередных субсидий. Политика безграничного патернализма привела к появлению огромной социальной прослойки тунеядцев.

Таким образом, на Арабском Востоке оказались неудачными попытки заимствования социалистической и капиталистической моделей государственного устройства. Оба социальных эксперимента (Эмираты, Ливия) привели к созданию общества потребления, в котором угасает созидательная энергетика. Если цель — материальное благополучие на основе принципа «каждому по потребностям», то эта политика уничтожает социального человека, приближает его по потребностям к животным. «Не хлебом единым живет человек». Необходимо, чтобы в человеке сохранялась созидательная энергетика. Для этого нужна идеологическая политика воспитания.

«Черная кровь» геополитики. Геополитика — это борьба за ресурсы, а нефть — кровь геополитики. Борьба обостряется не только из-за уменьшения запасов энергетических и минеральных ресурсов, но и возросших потребностей сверхдержав. Советская сверхдержава была самодостаточна в отношении большинства природных ресурсов. Коммунистический Китай, став экономической сверхдержавой, требует на порядок больше ресурсов, чем уступившая ему второе место Япония. Главные фронты этой борьбы проходят через Ближний Восток, преимущественно зону Персидского залива, и Африку с богатым советским «наследием».

Арабские «революции» в Египте и Магрибе временно отвлекли внимание от зоны Персидского залива, где в ближайшем будущем произойдет основная геополитическая перезагрузка.

Автор плывал по Персидскому заливу в феврале 2011 года. Спокойное море с ленивыми волнами, обласканными лучами теплого зимнего солнца. Мир и благодать. Для многих казалось, что сюда не долетит эхо «революций». Но именно здесь находится один из самых взрывоопасных геополитических узлов Земли.

Персидский залив — крупнейшая в мире зона энергетических ресурсов (Петролистан, по американской терминологии). На страны Залива (Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Кувейт, Бахрейн, Катар и ОАЭ) приходится примерно 66%

мировых запасов нефти. Саудовская Аравия является мировой нефтяной сверхдержавой (22,3%). Иран и Катар обладают соответственно вторым и третьим местом в мире по объемам запасов природного газа после России. Здесь расположены одни из самых богатых стран мира, среди которых лидирует Катар (ВВП 110 тыс. долл. на человека). Пока в мировом топливно-энергетическом балансе доминирует нефть, мировой энергетический полюс будет находиться в зоне Персидского залива. Где «черная кровь» геополитики перемешана с людской кровью. Ни одно природное бедствие (землетрясение, извержение вулкана, цунами) не уничтожило столько жизней, сколько жажда «черной крови».

Соединенные Штаты, на которые приходится всего 4% мировых запасов нефти и примерно 8% от мировой добычи нефти, абсолютно лидируют в мировом потреблении нефти (25% в 2009 году). Америка импортирует 55% своих потребностей в нефти, а к 2025 году зависимость от импорта нефти возрастет до 70%. Поэтому Соединенные Штаты стремятся к тотальному монопольному контролю крупнейших регионов добычи и мировых коммуникаций транспортировки нефти.

Набирающая мощь вторая экономическая держава — Китай — обладает также 4% мировых запасов нефти, потребляет всего 6,9% мировой добычи нефти и стремится к мировым энергетическим источникам. Уже происходит геополитическая трансформация нефтяных рынков за счет роста потребностей Китая, для которого Саудовская Аравия и Иран являются главными поставщиками нефти в обмен на экспорт оружия. Китай в 2000 году зависел от импорта нефти на 31%, а к 2025 году эта зависимость увеличится до 73%.

Соединенные Штаты создали разветвленную сеть — 19 военных баз — в арабских странах Аравийского полуострова, из них 5 находятся на территории Саудовской Аравии. Крупная американская военно-воздушная база размещается вблизи Дахрана, где расположена штаб-квартира крупнейшей в мире нефтедобывающей компании Saudi Aramco. Военно-воздушная база США «Принц Султан» вблизи Эр-Рияда используется как центр управления полетами в воздушном пространстве Афганистана. За последние два десятилетия Америка продала арабским государствам Аравийского полуострова современного вооружения на 55 млрд долл. Стоимость содержания американских баз только в Саудовской Аравии составляет 60 млрд долл. в год. В Эр-Рияде американцы содержат значительные силы безопасности, страхующие режим саудовской монархии.

Согласно геополитическому проекту «Большой Ближний Восток», Персидский залив должен быть окружен проамериканскими марионеточными государствами. Желательно, чтобы ни одно из них не могло претендовать на роль региональной державы. Свободный Курдистан позволит ослабить Турцию, Ирак и, частично, Иран, а свободный Белуджистан — Афганистан и Пакистан. В результате должен получиться геополитический треугольник с тремя вершинами — Турцией, Йеменом, Афганистан + Пакистан. Турция как член НАТО контролирует Черноморские проливы и трубопроводы с Ближнего Востока в Европу. Полный контроль над Афганистаном и Пакистаном исключает возможность создания транспортного выхода Китая к Персидскому заливу. Создание устойчивого проамериканского режима в Йемене может обеспечить тылы с Юга для главного стратегического партнера в регионе —

Саудовской Аравии и позволит, наряду с сомалийскими пиратами, контролировать Великий морской путь из АТР в Европу.

С благословения Пентагона в 1986 году были созданы объединённые силы быстрого реагирования «Щит Аравийского полуострова» Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Военная агрессия Ирака против Кувейта показала неспособность этих сил отразить военную угрозу. И Совет сотрудничества пересмотрел концепцию национальной безопасности, в которой главную роль стала играть военная мощь Соединённых Штатов и их союзников по НАТО. Однако американская агрессия против Ирака привела к падению авторитета США среди арабского населения, и Вашингтон был вынужден реанимировать роль местных сил быстрого реагирования. В результате Саудовская Аравия и ОАЭ в марте 2011 года оккупировали Бахрейн, а Катар и Эмираты «изъявили желание» принять военное участие в крестовом походе Запада против Ливии.

Аравийские монархии по-прежнему видят в Соединенных Штатах гаранта региональной системы безопасности, но вынуждены считаться и с антиамериканскими настроениями простых арабов и возможной перезагрузкой в регионе. Под влиянием арабских «революций» суннитские режимы Персидского залива пошли на беспрецедентные меры по предотвращению их местных проявлений и протестов шиитов. Опасаясь «эффекта домино» от смуты, они приняли решение выделить на социальные программы Омана и Бахрейна 20 млрд долл. Король Саудовской Аравии объявил о существенном увеличении, до 46 млрд долл., национального фонда развития. В целом, под натиском арабских «революций» богатые страны Аравии выделили на социальные программы фантастические финансовые ресурсы, примерно 100 млрд долл.

Новое «шиитское возрождение». В евразийской геополитике США «иранская угроза» заменила «советскую угрозу». Поэтому волнения шиитов в арабских государствах Персидского залива приписываются исключительно Ирану. Хотя Америка осознает, что Великий Петролистан не может быть создан только с опорой на суннитские режимы Залива, для этого нужен союз с шиитами. Взрывоопасный суннитско-шиитский конфликт используется в борьбе за региональное лидерство. Иран является крупнейшим шиитским государством, а богатые страны Аравии — преимущественно суннитскими государствами, за исключением Омана, где доминируют приверженцы ибадизма, считающие себя «истинными мусульманами». На Ближнем Востоке среди суннитских государств наблюдается соперничество между Египтом, Саудовской Аравией и Турцией. Здесь лидерство принадлежит Турции, демонстрирующей успехи в модернизации.

Шиитский фактор всегда имел особое значение для обстановки в арабских странах Персидского залива. Очередной всплеск шиитских протестов в 2011 году связан не только с революциями в Тунисе и Египте, но спровоцирован американской политикой в регионе. После оккупации Ирака Соединённые Штаты свергли суннитский режим Саддама Хусейна и рассчитывали на поддержку местных шиитов, которые были в недостаточной степени представлены в органах власти. Вашингтон настоял, чтобы ключевой пост премьер-министра в правительстве национального единства занял представитель шиит-

ского меньшинства (по оценкам, численность шиитов в Ираке в два раза меньше, чем суннитов). А чем хуже шииты Бахрейна, Кувейта и Саудовской Аравии? Американская «демократизация» Ближнего Востока, направленная на повышение роли шиитов, им пришлось по душе.

В зоне Персидского залива исключительно важное геополитическое положение, несмотря на свою миниатюрность, занимает Бахрейн — один из древних очагов восточных цивилизаций. Если после Второй мировой войны главным взрывоопасным детонатором на Ближнем Востоке является израильско-палестинский конфликт, то Бахрейн — свеча зажигания, от искры которой может измениться геополитическая архитектура Ближнего Востока. Геополитическое (геоэкономическое) положение Бахрейна определяется историческими связями с Ираном, близостью к крупнейшему в мире месторождению нефти Гавар, расположенному на континенте в Саудовской Аравии. В Бахрейне размещена крупнейшая база Пятого ВМФ США и американская база ВВС, откуда наносились бомбовые удары по иракским войскам.

В Саудовской Аравии проживает 20% шиитов, большинство из них сосредоточено в Восточной провинции, где находится крупнейшее в мире месторождение нефти. Шииты Саудовской Аравии выступают под лозунгом «демократических» реформ за установление конституционной монархии. Компромисс саудовской власти с шиитами невозможен по определению, так как легитимность династии идет от ваххабитского духовенства. Если ситуация в Восточной провинции Саудовской Аравии выйдет из-под контроля властей, то все другие арабские «революции» покажутся детскими играми. Произойдут не только тектонические сдвиги на мировом нефтяном рынке, но и геополитическая катастрофа США на Ближнем Востоке.

В Кувейте примерно один миллион, или 30% жителей страны — шииты. В стране кризис правящей суннитской династии, начавшийся в 2006 году после смерти эмира Кувейта от инсульта. В суннитских Эмиратах численность шиитов составляет 15–20% населения, в Омане также среди гастарбайтеров значительная прослойка шиитов. В Сирии, где большинство населения составляют мусульмане-сунниты, второе место по численности занимают алавиты (13–15%), которых шииты признают своими единоверцами. Фактически у власти находится династия алавитов, берущая начало с Хафиза Асада. Отсюда традиционные тесные связи с шиитским Ираном⁵.

В отличие от большинства арабских государств, за исключением Бахрейна, в Йемене сунниты лишь незначительно превышают по численности шиитов, среди последних доминируют приверженцы зейдизма (одно из умеренных ответвлений шиизма). Политическая активность зейдитов на протяжении истории ислама неоднократно приводила к созданию государственных образований, однако больше всего они находились у власти в Йемене — с начала XX века до революции 1962 года. В настоящее время примерно 8 млн последователей зейдизма проживают в Йемене, при этом значительная их часть сосредоточена в северо-западной части страны, в провинции Саада⁶. В 2004 году шиитское движение повстанцев-зейдитов Аль-Хути начало вооруженную борьбу против центрального суннитского правительства. После гибели лидера движения борьба продолжилась.

⁵ Векуа Г. Будущее переформатирование Ближнего Востока. — Геополитика.ру

Бедность, безработица, коррупция властей создали фундамент протестных выступлений против дискриминации шиитов. Особенно обеспокоена ситуацией в йеменской провинции Саада саудовская правящая династия, которая в 2009 году осуществила крупномасштабную военную операцию против мятежников. В результате саудовская армия потерпела поражение.

Иран последовательно поддерживает шиитские общины в арабских странах. После неудачной американской агрессии против Ирака, приведшей к хаосу в стране, усиливается помощь шиитского Ирана своим братьям по религии в арабских странах. Иран поддерживает не только «Хезболлу» в Ливане, но и расширил свое присутствие в Ираке. По мнению экспертов, Тегеран оказывает помощь и йеменским шиитам. В случае усиления религиозной конфронтации Тегеран вновь может поднять вопрос о статусе преимущественно шиитского Бахрейна, который считает исторически иранской территорией. В региональной дипломатии намечаются пока еще робкие, но тенденции к усилению суннитско-шиитского диалога между аравийскими странами и Ираном на основе мусульманской конфессиональной общности.

Мирное наступление Китая. Арабские «революции» отвлекли внимание от последовательного мирного наступления второй экономической сверхдержавы, Китая, в направлении на Ближний Восток. Произошло на первый взгляд незначительное событие с возможными большими последствиями для геополитической трансформации региона. Пекин как никогда близок к реализации проекта южного направления Великого Шелкового пути. В январе 2011 года Таджикистан ратифицировал межгосударственный договор о демаркации и делимитации таджикско-китайской государственной границы. Китаю передается 1,1 тыс. кв. км, или 0,7% незаселенной горной территории республики. Китай намерен вложить в экономику Таджикистана крупные инвестиции. Но самым важным аргументом для Душанбе является предложенный Пекином совместный проект по созданию стратегических коммуникаций. Из-за конфликта с Узбекистаном, который ограничивает пропуск грузовых железнодорожных составов, пытаюсь помешать строительству Рогинской ГЭС, Таджикистан оказался в транспортной изоляции.

В конце 2010 года Китай без лишнего шума и рекламы объявил о проекте строительства трансконтинентальной железной дороги Кашгар (Китай) — Герат (Афганистан), которая должна соединить Китай и Центральную Азию с Персидским заливом. Протяженность дороги составит 2 тыс. км, из которых 392 км пройдет по территории Таджикистана. Учитывая исключительно успешную транспортную политику Китая и надежное деловое сотрудничество с Ираном, не вызывает сомнения, что этот проект будет реализован и Пекин получит выход к Персидскому заливу. В качестве конечной цели рассматривается крупный иранский порт Бендер-Аббас, занимающий стратегические позиции в Ормузском проливе.

Стратегическое партнёрство Китая с шиитским Ираном позволит при сотрудничестве с шиитами Арабского Востока (Ирак, Сирия) проложить ком-

⁶ Нечитайло Д. Призрак имама Зейда. Шииты Йемена намерены взять исторический реванш. — URL: http://religion.ng.ru/problems/2010-01-20/5_zeid.html

муникационный коридор к Восточному Средиземноморью, где в Ливане значительную роль играет шиитская «Хезболла». Наступление на Персидский залив Китай ведет и морским путем. На территории Пакистана в провинции Белуджистан создан плацдарм Китая на Среднем Востоке. Здесь Пекин в 2002–2007 годах построил и ввел в эксплуатацию морской порт Гвадар, который в будущем будет соединён с Ираном автомобильной дорогой.

Рано или поздно Соединённые Штаты вынуждены будут уступить часть своего геополитического положения в регионе Китаю. Придется делиться с набирающей мощь второй экономической сверхдержавой. США и Китай, обладающие незначительными запасами нефти, рано или поздно встретятся в зоне Персидского залива. Как и в известном советском сериале «Место встречи изменить нельзя».

Уроки геополитической перезагрузки. Потребуется время на осмысливание событий на Арабском Востоке. Но предварительные выводы уже можно делать. Очередной геополитический цикл Арабского Востока завершается не «демократическими» революциями, а контрреволюциями. Когда в результате насильственной геополитической перезагрузки высока вероятность усиления радикального ислама.

Соединённые Штаты последовательно, при молчаливом согласии российской власти, выкорчёвывают советское наследие на Арабском Востоке. Чтобы сохранить американское военное присутствие в регионе, включая, в первую очередь, зону Персидского залива, Вашингтону необходимо идти на широкое сотрудничество с местными шиитами (не только в Ираке). Но, возможно, поезд уже ушел.

Китайская Народная Республика успешно осуществляет геоэкономическую стратегию «идти вововне» на Арабский Восток путем инвестиций. Даже королевская Саудовская Аравия стремится дружить с коммунистическим Китаем. Компании Поднебесной построили метро в Мекке и, вероятно, будут строить в Эр-Рияде. Китай, сделавший ставку на такого стратегического союзника в регионе, как шиитский Иран, получил шанс на дальнейшее продвижение на Арабский Восток за счет шиитского меньшинства. При этом Пекин поддерживает успешные деловые отношения как с ваххабитской саудовской династией, так и с другими суннитскими монархиями. Что создает реальные предпосылки для реализации проекта южной ветви Великого Шёлкового пути. Но китайская модель социализма с элементами конфуцианства менее привлекательна для арабов, чем бывшая советская.

Националистические идеи панарабизма также не принесли позитивных результатов на Арабском Востоке. И началось возвращение к своим корням — исламу, в котором центральное место занимает справедливость и общинная (коллективная) солидарность. Но политический ислам также стал фактором дестабилизации. Среди среднего класса и арабской интеллигенции непривлекателен исламский режим Ирана.

Совершенных моделей государственного устройства нет. Социальная справедливость для всех остается задачей, не имеющей окончательного решения. Один из фундаментов процветания Америки — рабский дешевый труд африканских негров, Западной Европы — эксплуатация многочисленных коло-

ний. Стройки коммунизма в Советском Союзе были осуществлены и за счет рабского труда заключенных ГУЛАГа. Эмираты эксплуатируют дешевый рабский труд из бедных азиатских стран.

У арабских «революций» нет единой цели, кроме необходимости демонаполизации власти. Коррупцированные режимы не могут быть вечными, особенно в эпоху глобализации и массовых информационных коммуникаций. Происходит застой в политике даже при материальном изобилии. Демократические институты, частично законодательным порядком, ограничивают деградацию политических элит. Коммунистический Китай, также с учетом печального опыта Советского Союза, строго следит за сменой поколения политиков.

На Арабском Востоке должны быть открыты «социальные лифты» для среднего класса и всей молодежи, а не только для собственных сыновей правителей. Движущей протестной силой является средний класс, в значительной степени просвещенный и вестернизированный (торговцы, юристы, инженеры, врачи, педагоги). Но на этот процесс накладываются конфессиональные конфликты (Кувейт, Бахрейн, Саудовская Аравия) и борьба Запада во главе с США за сохранение своего угасающего влияния в регионе.

Возможно, получит дальнейшее развитие солидарная модель государства. В мусульманском мире есть примеры таких успешных «неисламских» государств — Индонезия и Малайзия. В геополитическом отношении на Ближнем Востоке возрастёт роль Турции⁷. В арабском мире популярна турецкая модель социально-экономических реформ и строительства светского государства с учетом мусульманского фактора.

На Арабском Востоке социальные сети сыграли роль детонатора, чтобы вывести бунтующую толпу на площади и улицы. Главной лидирующей силой протестов была молодёжь, использующая для координации своих действий Интернет и его социальные сети — Facebook и Twitter. Но, в целом, роль социальных сетей в арабском мире ограничена. Трудно себе представить, что египтяне, живущие в склепах на средневековых кладбищах Каира, пользуются на могильных плитах Интернетом и мечтают о демократии. Демократизация власти при значительной доле нищего населения невозможна. Одна власть военных сменится другой, а «управляемое средневековье» продолжится.

Сергей ДЕМИДЕНКО, Марина ШТОЙК

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ОГНЕ

Арабский мир пылает. Беспорядки возникают то в одной, то в другой стране Магриба и Mashrika. Рухнули режимы в Тунисе и Египте, в Ливии разрастается полноценная гражданская война, волнуются зажиточный Бахрейн и нищий Йемен, на очереди Сирия.

⁷ Дергачев В. Многопартнерская геополитика Турции // Вестник аналитики, 2010, № 3. — URL: <http://dergachev.ru/analit/191010.html>

Сегодня, по прошествии определенного времени, пришла пора проанализировать причины политической дестабилизации, охватившей арабский мир. Также необходимо оценить первые итоги арабских протестов, чтобы понять, с чем мы имеем дело — с новой находкой (пробуждением арабского мира) или же с инспирированными «третьими силами» «цветными революциями»?

Какие же причины легли в основу нынешних событий в субрегионе, который в мировой политологической практике принято именовать термином Большой Ближний Восток (ББВ)? Безусловно, важнейшей из них стало обострение социально-политической проблематики. ББВ — регион, испытывающий в своем развитии спад колониального прошлого. Большинство представленных здесь государств еще относительно молоды, и период их самостоятельного развития насчитывает не более нескольких десятков лет. На смену колониальным режимам здесь в 1950–1960-е годы пришли лидеры национально-освободительного движения, которые утвердились у власти на революционной волне и, руководствуясь лозунгами о необходимости поддержания стабильности и общественного мира, достаточно быстро создали авторитарные режимы.

Однако новая генерация региональных политиков, если и сумела стабилизировать ближневосточные общества в 1960–1980-е годы, оказалась не готова к вызовам и угрозам XXI века. Среди этих вызовов необходимо назвать демографический скачок, рост молодежной безработицы, изменение мировой экономической и политической конъюнктуры и т.д. В этих условиях созданные национальными лидерами экономические модели продемонстрировали свою полную неэффективность. Население росло, а количество рабочих мест — нет. Вдобавок костенели созданные еще в 50–60-е годы XX века политические системы, ориентированные на сохранение власти в руках одной элитарной группы (военных как таковых — в Сирии, Египте, Тунисе, Алжире или же правящего клана — в Ливии). Происходило все это под лозунгом необходимости поддержания всеобщей стабильности, которая ассоциировалась с конкретной правящей семьей или социальной группой. Результат — повсеместное засилье бюрократии, коррупция, закупорка лифтов социальной мобильности, кумовство, трайболизм, катастрофический разрыв между богатыми и бедными и т.д. Ближневосточная молодежь попросту не видела никаких реальных перспектив в обозримом будущем. Она и явилась главной движущей силой нынешних событий в арабском мире.

Однако перечисление застарелых проблем ближневосточных обществ не дает ответа на основной вопрос — почему именно в 2011 году по региону прокатилась волна «цветных беспорядков», сокрушившая «долгоиграющие» арабские режимы? Здесь свою роль, по всей видимости, сыграл мировой финансовый кризис. Последствиями кризиса стали «проседание» бюджетов нефтедобывающих государств (не будем забывать, что ТЭК является одной из важнейших отраслей экономики АРЕ), коллапс банковской системы (Бахрейн), снижение возможностей по дотированию социальных проектов (Египет, Ливия, Бахрейн и т.д.). Отдельно следует сказать, что вследствие разрастания кризиса существенный урон был нанесен туристическому сектору, который является одной из важнейших статей пополнения бюджетов Египта и Туниса. Также мировой финансовый кризис способствовал снижению при-

тока в арабские страны иностранных инвестиций, что еще больше увеличило торговый дисбаланс.

В этом контексте страной «классической революционной ситуации» стал Египет, где наблюдался целый комплекс глубочайших социально-политических противоречий. Египет сегодня является страной, переживающей мощнейший демографический скачок. Население АРЕ прирастает более чем на 1 млн. человек в год. Средний возраст египтян — 24 года. Их необходимо обучать, трудоустраивать, делать все для того, чтобы молодежь имела хотя бы видимость перспектив личного, творческого, карьерного развития. И именно здесь руководство АРЕ совершило основной просчет — его экономическая политика отставала от темпов прироста и развития населения страны. Результат — падение режима Хосни Мубарака.

Причины нестабильности в Бахрейне кроются также в первую очередь в сфере социально-экономической. В экономике эмирата, наряду с ТЭКом, традиционно сильные позиции занимают сектор услуг и банковская сфера. Именно эти две отрасли понесли наиболее существенные потери во время экономического кризиса 2008–2009 годов. Уровень безработицы в Бахрейне также в последние годы был весьма высок, приближаясь к 20%. В условиях же экономической нестабильности эта цифра стала еще более внушительной.

На проблемы социально-экономические наложилось сложности этноконфессиональные. Дело в том, что население эмирата более чем на 70% состоит из шиитов, правящая же династия представляет суннитскую конфессию. Шииты, испытывая на себе тяготы финансового кризиса, закономерно поставили вопрос об эффективности правящего суннитского меньшинства (к этому следует добавить, что королевское семейство насчитывает почти 3 тыс. человек, совершенно не согласных на существование в условиях «среднего достатка»). Осенью 2010 года в Бахрейне прошли парламентские выборы, в ходе которых религиозная оппозиция так и не сумела завоевать большинство мест в нижней палате — Совете депутатов, вследствие, как предположили ее представители, злоупотреблений и нарушений со стороны правящего дома. Этот факт еще больше озлобил население, и в совокупности с другими проблемами в конечном итоге привел к масштабным беспорядкам в Манаме, завершившимся объявлением чрезвычайного положения и вводом иностранного контингента.

Наибольший интерес для исследователя представляет ситуация в Ливии. В целом она не вписывается в стандартную схему развития арабской революции 2011 года. Эта страна, казалось, не страдала в последние годы от демографического кризиса или отсутствия свободных финансов. И действительно, Ливия, население которой не дотягивает до 7 млн человек, пользовалась всеми возможными благами, которые предоставляли ей возможности национального ТЭКа. Так, например, в Ливии все жители получают определенную долю от нефтяных доходов (в конце 80-х — начале 90-х годов XX века Каддафи даже лоббировал идею распределения среди населения 50% финансовых поступлений от торговли углеводородами), государство обеспечивает граждан бесплатным образованием и медицинским обслуживанием, в стране отсутствует безработица, цены на продукты питания, товары первой необходимости и бензин субсидируются государством (при этом что как первое, так и вто-

рое, и третье в огромных количествах закупается за рубежом), выделяются беспроцентные кредиты на приобретение жилья и т.д.

Однако и в этой стране оказалось немало недовольных, которые и взялись за оружие в феврале 2011 года. Кто же эти люди и чем они недовольны? Дело в том, что нынешнее процветание наступило не так уж давно. Благосостояние населения начало повышаться лишь с начала 2000-х годов, когда Каддафи свернул свои эксперименты в экономической области (начиная с 1987 года) и страна наконец-то избавилась от международных санкций (2004 год). Каддафи, будучи по своей сути «революционным романтиком», не имел опыта управления хотя бы крупным воинским подразделением, и его политика изобиловала шараханьями и перегибами. Начиная с 1969 года Ливия пережила большое количество потрясений. Лидер несколько раз менял экономический курс, то отказываясь от капитализма, то вновь поощряя частную инициативу. Из-за девиантной политики «полковника» ливийцам несколько раз за короткое время приходилось дополнительно «затягивать пояса», когда их страна переживала кризис в условиях падения нефтяных расценок или когда столкнулась с введением масштабных международных санкций. В условиях процветания ресурсной экономики Джамахирия не избежала таких бед, как nepoтизм, коррупция, трайболизм и т.д.

Несбалансированность, а порой и откровенный авантюризм правящей верхушки в вопросе экономическом способствовали появлению значительного количества недовольных среди всех слоев населения. Протест ливийцев был локализован рамками различного рода радикальных религиозных организаций, которые бросили открытый вызов режиму Каддафи (наиболее крупной из них считается «Ливийская исламская боевая группа»). Светская оппозиция была выдвлена за пределы страны, где постоянно подвергалась прессингу со стороны спецслужб СНЛАД. При этом состояла она, по большей части, из бывших функционеров каддафистского режима, которые по тем или иным причинам были «вычищены» «полковником» с их должностей (среди оппозиционеров числился даже экс-премьер-министр Ливии Махмуд Маграби).

И сегодня исламисты являются, вероятно, основной движущей силой ливийских протестов. По крайней мере, о серьезном их влиянии на оппозиционное движение начинают осторожно поговаривать даже западные политики⁸.

Вторая половина 1980-х годов стала для Ливии неким политическим Рубиконом. Казалось, что измученное бесконечными «выкрутасами» лидера население вот-вот восстанет. Но Каддафи проявил гибкость, выдержку и недюжинную дальновидность. Сначала он изменил экономическую доктрину, потом добился отмены международного эмбарго. За всем этим последовал «нефтяной самум» 2000-х годов. В результате отношение населения к лидеру и его режиму стало меняться — начался быстрый рост благосостояния населения.

Таким образом, сложилась ситуация, при которой большинство народа поддерживало лидера и его политику. Однако эйфория нефтяного благоденствия сыграла злую шутку с Каддафи в плане международном. Желание веду-

⁸ URL: <http://donbass.ua/news/world/2011/03/30/v-liviiskoi-oppozicii-nashli-storonnikov-al-kaidy.html>

щих европейских политиков и бизнесменов получить выгодные ливийские проекты породило откровенное заискивание Запада перед тем, кого еще не так давно в «цивилизованном» мире считали изгоем. В результате «полковник», отказавшись от попыток произвести ядерное оружие и уничтожив под международным контролем уже имеющиеся запасы ОМУ, начал применять оружие нефтяное. Он играл на заинтересованности западных государств в финансово-экономическом сотрудничестве с Ливией, применял санкции против Швейцарии, в одном из отелей которой был за дебош арестован его сын и т.д. На поклон Каддафи в бедуинский шатер ездили ведущие западные политики (в том числе и самый большой теперь недруг Триполи Н.Саркози в 2007 году совершил беспрецедентный пятидневный визит в Ливию).

Что касается ситуации в Сирии и Иордании, то там все не столь печально. Причины выступлений там все те же — тяжелое экономическое положение, засилье бюрократии, бесперспективность социальной ситуации, узурпация власти одной группой традиционной элиты и т.д. Однако развитие ситуации в этих двух странах позволяет прогнозировать, что правящие там режимы все же сумеют удержаться.

В Иордании оппозиция изначально очертила круг своих притязаний, из которого был начисто исключен пункт о кардинальной смене режима, королевская власть должна остаться неизменной. Этот факт для Аммана весьма важен, поскольку хрупкий этноконфессиональный баланс Иордании может быть просто взорван эскалацией социальных протестов. В этой связи умеренность требований оппозиционеров внушает серьезный оптимизм в плане целостности Хашимистского королевства.

В САР ситуация более сложная. Оппозиция там в большей степени состоит из исламистов, которые традиционно имеют серьезное влияние. Именно от них во второй половине XX века исходила основная опасность для правящего в стране баасистского режима. В 1981 году лидеры Объединенного исламского фронта Сирии выступили с воззванием к населению, в котором предлагалось создать в стране исламское государство. Исламисты начали против властей вооруженную борьбу, причем география столкновений тридцатилетней давности практически полностью повторила географию нынешних «революционных» событий в САР — Дамаск, Алеппо, Латакия, Хомс, Хама. Однако исламисты натолкнулись на непреодолимую преграду в лице тогдашнего лидера Сирии Хафеза Асада — политика прагматичного, жестокого, дальновидного. Итогом противостояния стала знаменитая бойня в Хаме в 1982 году, где войска под руководством брата президента Рифаата уничтожили несколько тысяч человек.

Во многом ненависть исламистов к правящей в Сирии верхушке объясняется религиозным фактором — правящая семья в этой стране принадлежит к общине алавитов, которых принято отождествлять с шиитской конфессией. При этом большинство населения исповедует ислам суннитского толка.

Что касается роли «светской» оппозиции в Сирии, то, наверное, не будет преувеличением охарактеризовать ее как минимальную. Кардинальные отличия в отношении населения к поборникам радикального ислама, в поддержку которых выступали целые города, и к сторонникам либерального курса говорят о раскладе сил в среде сирийской оппозиции. Сегодня ситуация в стране особенно не поменялась.

Нынешний правящий в Сирии режим устраивает абсолютно всех — и США с Европой, позитивно реагирующих на желание Башара Асада установить диалог с Западом, и Израиль, который устраивает безопасность на его северных рубежах, гарантируемая сегодня Дамаском. Думается, что эти обстоятельства в числе прочих и станут залогом того, что руководство Башара Асада сумеет удержаться у власти и использует сложившуюся ситуацию для проведения более глубокого реформирования (по крайней мере, сегодня «старой гвардии» будет нечего возразить против желания «молодого» президента модернизировать страну).

Каковы же общие итоги «арабской весны»? Что принесла она населению бушующих государств? Действительно ли на Востоке стало «дышать свободнее» или же все осталось, как и было?

Увы, но с сожалением приходится констатировать, что пока разговоров о переменах в арабском мире гораздо больше, нежели самих перемен. Да, народ вышел на улицы, да, рухнули режимы в Тунисе и Египте, но ключевую роль в этих событиях сыграли все же не народные массы, а военный и деловой истеблишмент.

В Тунисе генералы и предприниматели, недовольные тем, что семья Бен Али и ее присные захватили все ключевые государственные посты и ведущие позиции в бизнесе (в том числе и в области оборонного заказа), «стали на сторону народа», а позже предъявили главе государства ультиматум. На истинную сущность тунисской «жасминовой революции» проливает свет быстрый передел местного рынка, который последовал сразу после смены власти, а также факты финансирования студенческих волнений со стороны ряда влиятельных кланов⁹.

В Египте, называя вещи своими именами, произошел банальный военный переворот. Власть в стране была захвачена Высшим советом военного командования Вооруженных сил Египта, который возглавил министр обороны генерал-фельдмаршал Мохаммед Хусейн Тантауи. В состав совета вошли и экс-вице-президент Омар Сулейман, и экс-премьер-министр Ахмед Шафик (один генерал, второй маршал), начальник генерального штаба и командующие родами войск. Придя к власти, военные, однако, тут же заявили, что все принятые ими чрезвычайные меры — временные и что их задача заключается в том, чтобы безболезненно довести страну до президентских выборов, которые должны состояться в сентябре 2011 года.

Здесь необходимо сказать несколько слов о египетской элите. Во главе всей государственной конструкции АРЕ возвышалась так называемая «семья президента», ворочавшая миллиардными суммами (сам Х.Мубарак, два его сына — Гамаль и Алаа, и жена Сюзанна), а также близкие к ней чиновники, бизнесмены (старший сын президента женат на представительнице видной бизнес-династии аль-Гаммаль) и представители армейской элиты, которые не желали видеть рядом с собой никаких новых лиц. Другие влиятельные семейства многое претерпевали от коррумпированной египетской верхушки в плане нажима на их бизнес, необходимости делиться с властью преобладающими (наиболее пострадавшими всегда считались богатые копты) и т.д. Недовольны

⁹ Быстров А.А. Тунис: о реальных причинах «жасминовой революции». — URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/13-03-11.htm>

Мубараком были и представители духовенства, которые опасались, что правительство, столкнувшись с финансовыми трудностями, будет сокращать расходы на религию. В итоге — простой народ и элита выступили единым фронтом против «заевшегося» Мубарака. Военные же, видя такое развитие событий, не стали защищать своего патрона, которого посчитали (как, впрочем, и Соединенные Штаты) отыгранной фигурой. При этом «воздержавшийся» генералитет выиграл больше, чем все остальные. Власть в Египте вновь, как и на протяжении всей новейшей истории этого государства, оказалась в руках военных.

По всей видимости, в Египте в настоящий момент фактически реализуется турецкий сценарий развития событий, когда в сентябре 1980 года армейское руководство захватило в республике власть, обещая стабилизировать ситуацию, чтобы затем передать свои полномочия гражданскому правительству. Однако процесс передачи власти в Турции затянулся на годы. Лишь в 1983 году были проведены парламентские выборы. Президентом же страны стал лидер переворота Кенан Эврен, сложивший с себя полномочия начальника генерального штаба. Что-то подобное ожидает в ближайшем будущем и Египет. Военные снарядят на выборы своего кандидата. Принимая в расчет пресловутый «административный ресурс», а также традиционную популярность военных у простого населения, он же окажется и победителем. Разрозненные «гражданские» партии не смогут составить генералитету хоть сколько-нибудь серьезной конкуренции и уйдут в оппозицию. Военные сформируют правительство (может быть, его возглавит «гражданский» политик, даже оппозиционный), которое будет контролироваться Высшим советом военного командования Вооруженных сил. Словом, все как в Турции 1980 года.

Народные протесты в Тунисе и Египте были использованы группами местной элиты, которые лишь свели счеты с более удачливыми конкурентами (при этом, когда протестующие требуют перемен уже от новых властей, реакция последних более чем жесткая¹⁰). Режимы в Сирии, Иордании и Бахрейне, вероятнее всего, вообще удержатся у власти (Ливия, как это уже говорилось выше, — отдельная песня) без особенных изменений. Оазис же феодализма — аравийские монархии — переживают «арабскую весну» вообще без видимых потерь. Меняется пока лишь политический фасад арабского мира. Суть же режимов остается без изменений.

Таким образом, пока нельзя говорить о радикальных переменах на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Однако уже сейчас очевидно, что для судеб региона события зимы — весны 2011 года не пройдут бесследно. Беспорядки, требования перемен и улучшения жизни, требования реформ и свободы — все это должно натолкнуть как уцелевшие режимы, так и пришедшие на смену павшим новые власти на мысль о необходимости реформ. Арабский мир застенел в оковах архаичных политических систем и отсталых экономических стратегий, общество требует перемен. То, что не получилось сегодня, вполне может состояться завтра или через несколько лет.

¹⁰ См. напр.: URL: <http://www.segodnya.ua/news/14240304.html> или URL: <http://www.newizv.ru/lenta/143358>

Массовость акций протеста свидетельствует о повсеместной усталости арабов, ставших заложниками политических игр и авантюр собственной элиты. Если новые власти ничего не предпримут для выправления экономической ситуации, повышения жизненного уровня населения, открытия лифтов социальной мобильности, улучшения ситуации с образованием и трудоустройством молодежи (а опасения, что ничего предпринято не будет, имеются) и т.д., то по истечении некоторого исторического времени субрегион может вспыхнуть вновь и с новой силой. В какие идеологические цвета будет окрашен этот, возможно, более сильный, взрыв недовольства, пока неизвестно. Однако, думается, что влияние радикальных религиозных движений будет в нем превалирующим.

Сегодня арабский мир стоит на пороге больших перемен, и от того, какого качества будут эти перемены, зависят исторические судьбы не только Магриба и Машрика, но и всего остального человечества.

Расим АГАЕВ (Азербайджан).

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ЛЖЕРЕВОЛЮЦИЯ

17 декабря 2010 года молодой тунисец Мухаммед Буазизи из местечка Сиди-Бу-Саид облил себя бензином и... через несколько секунд на глазах любопытствующей толпы превратился в живой факел. Несчастный уличный торговец овощами (по постсоветским понятиям — лотошник) вряд ли мог предположить, что обыкновенная спичка, которую он поднес к своей одежде, опалит не только его, но и весь арабский мир. Пламя всеобщего возмущения, запольхавшее в Тунисе, перекинулось через границы, раздувая очаги народных пожаров даже там, где, казалось, не имелось видимых причин для социальных бунтов и революционных вспышек.

Началось то, что ныне в ближневосточной политической лексике получило название Великой арабской революции.

К нынешнему часу, спустя четыре месяца, по требованию негодующих народных масс вынужден был покинуть Тунис второй его президент — Зин эль-Абидин Бен Али (74 года, пришел к власти после бескровного переворота, так называемой Жасминовой революции 1987 года, сместившей Хабиба Бургибу, основателя, первого и официально объявленного пожизненным президента республики, правившего ею с 1957 года до 84 лет); оставил президентский дворец в Каире Хосни Мубарак (82 года, стал президентом в 1981 году, после убийства его предшественника Анвара Садата); перед тем же выбором оказались ливийский лидер, полковник Муаммар Каддафи, официальный титул которого переводится как Братский вождь и руководитель революции Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (ему около 70 лет, из них 42 года находится во главе страны) и президент Йемена Али Абдалла Салех (69 лет, находится у власти 32 года), король (эмир) Бахрейна Хамад II бен Иса аль-Халифа (61 год, получил власть по наследству от своего

отца в 1999 году); ожесточенными схватками охвачена Сирия, где протестующие массы требуют ухода Бишара Асада, президента молодого, но стаж пребывания во главе государства которого — совместный с отцом Хафезом Асадом — составляет почти полвека — срок, завидный и для монархов.

Политический цунами пронесся над Алжиром, Иорданией, Марокко и огненным смерчем ворвался на улицы доселе умиротворенного, как молитва правоверного, и благополучного, как нефтедоллар Эр-Риада, не на шутку встревожив королевскую династию, правящую в Саудовской Аравии с 1932 года. Его неистовые порывы докатились до Ирана, и далее — безжалостно ворвались на улицы Баку, где Ильхам Алиев только что с помощью конституционных поправок сделал свое пребывание на президентском посту нефтяного Азербайджана фактически бессрочным (постсоветские системы также оказались восприимчивыми к такому архаичному способу авторитаризма, как наследование власти. И.Алиеву власть досталась от его отца Гейдара Алиева, республиканского руководителя брежневской поры. Семья Алиевых появилась у власти в Азербайджане в те же годы, что Каддафи в Ливии, Саддам Хусейн в Ираке, Хафез Асад в Сирии).

Все свергнутые и свергаемые авторитарные режимы в один голос обвиняют в произошедшем внешние силы: кто США, действующих заодно с коварными европейцами, кто Израиль с его всемирным еврейством, кто Иран со смертниками «Аль-Каиды». Последствия кризиса — экономические, финансовые, социально-политические — трудно поддаются измерению, но уже начинают беспокоить правительства, и не только ЕС, куда хлынули потоки беженцев, обретших наконец желанный повод и прекрасный шанс приобщиться к благам европейского достатка и свобод. Мечта постсоветских республик об интеграции с европейской цивилизацией, начертанная на знаменах перестройки, реализуется инициативой тысяч афро-арабских безработных.

Мир может получить или новую глобальную революцию, или глобальный передел собственности, или глобальную гуманитарную катастрофу, если идеи своеобразного переселения народов овладеют умами безработных масс от Каира до Равалпинди.

При пристальном взгляде на происходящие события легко обнаруживаются как общие черты, так и специфичность социально-политических устремлений его потоков, обусловленных этносоциальной и в какой-то степени конфессиональной особенностью человеческого массива, охваченного смутной идеей революционного переустройства государственных систем. Очевидно, эта этнокультурная матрица и является причиной того, что пожар, которым объята огромное мегополитическое пространство, постепенно трансформируется в некую общую идеологию перемен той этнической общности, которую сами арабы и арабисты называют арабской уммой, что иногда неточно переводится как слово европейского происхождения — «нация» (nation). Тем не менее, ключом к пониманию начавшихся процессов является именно этот термин, ибо регион в целом, как и каждая страна, переживает очередной бурный этап политической модернизации, в ходе которого ускоряются процессы этнической идентификации народов, находящихся на различных стадиях, в плане своего социокультурного становления.

Политические системы, осуществляющие государственность, ныне в арабских странах являются продуктом первого мощного движения, называвшегося

ся в советской историографии антиимпериалистическим национально-освободительным движением. Оно, как известно, вдохновлялось идеей национализма, разбавленной иногда марксистской теорией социальной революции. Впрочем, на Арабском Востоке имелся и иной непосредственный побудительный мотив — Израиль. В этом смысле и заговор Насера в Египте, и приход баасистов к власти в Ираке и Сирии, и переворот, осуществленный Каддафи, являлись революционными проектами националистических сил. Не бывает революций без вождей. Вождизм ближневосточного толка явился прямым следствием реализации широких программных социально-политических целей, заимствованных из международной практики государственного переустройства, решения назревших общественных проблем общенационального или общеарабского значения. Насер не только национализировал Суэц, возродив тем честь и достоинство египтян, он, казалось, небезуспешно на практике осуществлял давнюю мечту арабов о единстве, создав, пусть и на короткое время, Объединенную арабскую республику (ОАР, в составе Египта и Сирии, 1958–1961 годы), привлек внимание мировых сил к необходимости решения палестинской проблемы. Анвар Садат, его преемник и один из активистов подпольной организации «Свободных офицеров», выведшей, в конечном счете, Египет из монархического тупика, задолго до Горбачева в Советском Союзе инициировал денационализацию экономики, введя практику либерализации, получившей название «Инфитах» — «Открытых дверей». Он нашел в себе волю пойти на кемп-дэвидские соглашения, которые открывали долгий, непростой, но реальный путь к миру.

Тот же Мубарак начинал свой первый президентский срок с решительного обуздания коррупции и поддержки среднего бизнеса. Садам Хусейн к 1975 году окончательно завершил программу национализации иракской «нефтянки». Нефтедоллары потекли в Багдад, что не могло не сказаться на резком улучшении благосостояния широких социальных слоев страны, где впервые в ее новейшей истории наступили времена стабильного развития. Хабиб Бургиба в Тунисе, опираясь на Социалистическую дустуровскую партию (нынешнее Демократическое конституционное объединение), успешно проводил в жизнь программу своей культурной революции, результатом которой явился подъем образовательного уровня населения, развитие экономики. Безусловным подъемом народного благосостояния, национализацией природных ресурсов, открытием школ, подготовкой национальных кадров ознаменовались первые годы правления полковника Муаммара Каддафи. Несомненно, на успешные социальные преобразования влияли международные рыночные факторы, конкретно — высокая конъюнктура на углеводороды и возможности для политического маневрирования, связанные со своеобразием двухполюсного мира. Последнему обстоятельству в немалой степени обязаны своим благополучием и цивилизационными достижениями Кувейт, Катар, Дубай, ОАЭ, как и высоким уровнем жизни народ Саудовской Аравии, сумевшие наиболее эффективно использовать свои возросшие валютные поступления.

Получившие независимость арабские государства, в благоприятных в целом для них условиях советско-западного соперничества, в полной мере смогли воспользоваться и возросшим значением Ближнего Востока в международных делах вообще, и во внешнеполитической деятельности США, Запада, в частности.

В глазах миллионов людей, не имевших устойчивых демократических традиций и соответствующего уровня политической культуры, с прочной мусульманской ментальностью все эти очевидные достижения независимого существования выглядели как результат революционного подъема народа, ведомого вождем. Придание устойчивости властным системам новых независимых государств на Ближнем Востоке за счет личностного фактора, культа вождизма являлось проявлением общей международной тенденции — огромный социалистический мир держался на непререкаемости власти не только коммунистических партий, но и их бессменных лидеров — от Брежнева до Мао. Мусульманскому образу мыслей свойственнее искать и находить в исторических свершениях исключительность личности, сумевшей подняться над своим временем и народом.

Эта логика становится стержневой в политике государственного управления, дает нужный эффект особенно там, где оказываются живучими традиции солидарности не классового, политического или этнического инстинкта, а скрытых от внешнего взгляда родовых, племенных или конфессиональных отношений. В Ираке после длительной череды переворотов у власти закрепилась группировка Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), которой удалось подчинить идеи панарабизма интересам сильных и влиятельных лидеров из местечка Тикрити. С выходом на авансцену политической борьбы Саддама Хусейна началась эра безраздельного господства иракцев-суннитов. Представители этой конфессиональной ветви ислама всегда олицетворяли власть в стране, но их доминантные функции обрели тоталитарность в управлении страной с введением в практику саддамовского тикритизма. В сущности, это являлось проявлением этноконфессиональной своеобразности, которая просыпается, если традиция загнана вглубь (советская система) и расцветает в условиях партийного единовластия, называемого авторитаризмом.

В те годы, когда С. Хусейн прибирал власть в Ираке с помощью назначений по всей вертикали политической системы людей из своего тикритинского клана, в Азербайджане, в сущности, тем же — в обход партийно-государственных норм и принципов — закреплялся на вершине правящей партии нахчиванский клан коммуниста Г.Алиева, в Казахстане — джуз Д.Кунаева, в Узбекистане — Р.Рашидова. В Грузии, где правил со своими земляками-гурийцами Шеварднадзе, народ предлагал переименовать здание ЦК Компартии в гостиницу «Гурия». В соседней с Ираком Сирии утвердились представители алавитской ветви шиитов из клана генерала Хафеза Асада — выходцы из небольшого городка Кардаха — родины Асадов, в Йемене клану Аль-Абдин противостояли шиитские кланы Хуту. М.Каддафи сверг короля Идриса Ас-Синуси, опираясь на поддержку группы офицеров, но укрепил свое положение с помощью соплеменников и ближайших родственников. Этот союз позже цементировался благодаря передаче бразды правления непосредственно сыновьям лидера ливийской революции. При этом сам лидер, отказавшийся от официальных постов, проводил гибкую политику союзов с шейхами племен и родов, посредством вовлечения их представителей в Народные собрания, формировавшиеся по той же модели, что советские советы или нынешние рады, думы и меджлисы в бывших советских республиках. Причем, на ежегодно собираемых сессиях Высшего Народного собрания, своеобразного совета шейхов, уже в конце 1980-х годов можно было наблюдать отнюдь не

инсценированные перепалки и резкие выступления наиболее авторитетных шейхов, ничуть не смущавшихся присутствия лидера революции.

Автор сих строк в те же годы имел возможность услышать гневную речь шейха из Киренаики, вместе с остальными заключенными покидавшего тюрьму на окраине Триполи, ворота которой были раскурочены бульдозером, за рулем которого восседал лично Каддафи. Приблизившись к лидеру революции, седобородый, экзотического вида шейх в импровизированном спитче высказал ему все, что он о нем думает, и как ни в чем не бывало удалился. Это — штрих к этническому портрету ливийцев, у которых весьма смутные представления о западной демократии, а тем более о социалистической, но зато они умеют упорно отстаивать особенности родовых, племенных и общинных принципов взаимоуважения. А гордости и упрямства, особенно киренаикцам, вечным соперникам триполитанцев, не занимать.

В условиях огромной пустыни, каковой является Ливия, с разбросанными по ней людскими островками, этнически близкими, но бесконечно далекими как социальная общность, понятие народ в практико-политическом смысле может вполне подменяться союзом шейхов крупных племен. Напомним, те, кого именуют в международной прессе повстанцами, — это в основном жители восточной части Ливии (племена саади). Свергнутый молодым офицером Муаммаром Каддафи престарелый король Идрис Ас-Синуси был с востока. Он считался лидером своеобразного ордена синусидов, влияние которого достаточно сильно и поныне. Все это наглядно продемонстрировали повстанцы, выйдя на улицы с флагами и исполняя гимн королевской Ливии. Внутренние причины гражданской войны в Ливии: давний конфликт между востоком и западом. Практически весь запад, регион, называемый Триполитанией, и центр с родным городом Каддафи — Сирт — на стороне правящего клана и его лидера. Восток — вплоть до Аджабии — стан оппозиционных политиков и племен. Современная Ливия, возникшая в 1951 году, не представляла единого целого — ни с точки зрения своей национальной, ни государственной идентичности. В ее идеологии причудливо сочетаются трайболистские устремления с панарабскими. Племенные отношения Ливии представляют собой скрываемую, плохо изученную этнополитическую проблему. Официальная точка зрения о народе Ливии как некоем едином национальном образовании так же далека от действительности, как Триполи от Бенгази. Негодование бенгазийских повстанцев, как, впрочем, некоторых других племен, подогревалось еще и тем, что клан и племенной союз Каддафи (ближний круг полковника — риджаль-аль-хайма — «мужи шатра», группа племен Варфалла) стал распоряжаться потоками нефтедолларов не как национальным достоянием, а принадлежащей ему собственностью. И тем он мало чем отличался от других правителей-авторитаристов, например, на постсоветском пространстве, некоторые из которых воспринимаются международным сообществом даже носителями либеральных идей.

Авторитаризм как способ управления обществом, связанный в каждом конкретном случае с этноконфессиональными корнями страны как неизбежный этап эволюции стран незападной ориентации, оказался достаточно удобным инструментом для проведения политики глобализации в условиях однополярного мира. В известном смысле достижение взаимопонимания, осуществление

планов взятия под контроль обширных районов, имеющих стратегическое значение для Запада, значительно облегчалось при опоре на личность, демонстрирующую способность к удержанию власти. Связи Х.Мубарака с американским политическим истеблишментом достаточно хорошо известны. Египетский президент с завидной последовательностью характеризовался несколькими американскими администрациями как гарант стабильности и надежный партнер Запада на Ближнем Востоке, что соответствовало в известной мере действительности. Так же, как и то, что значение данного фактора ценилось в международной шкале ценностей выше, чем единовластие Мубарака, повальная коррупция египетского чиновничества и забвение демократических программ развития. Нефтяной фактор являлся главной причиной достаточно широкого сотрудничества ведущих западноевропейских стран с Ираком и Ливией, несмотря на неприятие тамошних авторитаристских режимов.

Фидель Кастро ничуть не преувеличивал, когда утверждал: «Взаимоотношения Ливии и НАТО были великолепными, Ливия исправно поставляла нефть и газ, выполняла все предписания Международного валютного фонда, приватизировала общественные корпорации. Каддафи безудержно хвалили Саркози, Блэр, Берлускони».

Каддафи вернул кое-какие концессии западным нефтяным монополиям. Но он отказался приватизировать национальную нефтяную корпорацию, контролирующую большую часть добычи нефти. Ливийский лидер также заявил, что пересмотрит соглашение о концессиях и что западные компании будут получать не более 20% добываемой нефти (сейчас они получают от 20 до 52%). Эта двойственность, как и очевидный произраильский крен в политике США и ЕС, не мог оставаться незамеченным в широком арабском массиве — умме, в недрах которой вызрел резкий поворот в сторону ислама. Четыре фактора радикальным образом обусловили выход на авансцену общественной жизни ислама в качестве политической силы: поражение в войнах с Израилем и неспособность (по мнению многих арабов — нежелание) мирового сообщества урегулировать конфликт; крах СССР; дискуссии и распространение теории о неизбежности христиано-исламского противостояния; утверждение исламских моделей развития в Иране и Турции в качестве альтернативы западной демократии, равно как и социалистическим формам правления. Значение последнего фактора будет все более возрастать, что вовсе не означает правоту некоторых авторитаристов (Мубарак, Бен Али, Ильгам Алиев и др.), внушающих западным и российским партнерам мысль о собственной значимости как о силе, сдерживающей угрозу радикального ислама.

По счастью, не только в США, но и в широких международных кругах постепенно вызрело понимание того простого факта, что укрепление авторитаристских режимов с их неприятием любой формы политического плюрализма как раз и подпитывает радикальные тенденции в широком и достаточно богатом оттенками исламском движении. В каждом из цветных революций исламский фактор так или иначе проявлялся на характере, масштабах и тактике сил, вовлеченных в общественное движение. На площади ат-Тахрир это были «братья мусульмане», представители которых составляют пятую часть египетского парламента, а в Тунисе — люди исламистской партии «Ан-Нахда» («Возрождение») Рашида аль-Ганнуши. В поведении Рашида аль-Ганнуши, как и «братьев-му-

сульман» в Египте, очевидны признаки политического реализма, гибкой тактики, лучше всего свидетельствующих о возросшем уровне структуризации исламского движения. При всех известных пороках коррумпированной авторитарной власти, Тунис, как, впрочем, и Египет, прошел определенный путь модернизации. Бен Али, кстати, активно способствовал внедрению современных коммуникаций, в частности, компьютеризации страны, успехи которой продемонстрировала протестная молодежь в бурные дни «жасминовой» революции.

Движущими силами революции в Тунисе были профсоюзы и левые. В Тунисе оппозиция, хоть и карманная, допускалась в парламент последние два десятилетия. На последних выборах (2009 г.), однако, прогрессивные демократы вообще мест не получили, исламисты (даже умеренные) к выборам допущены не были вовсе. Зато Мубарак в Египте в 2005 году под влиянием Запада решился-таки на некоторые послабления, допустив к участию в выборах умеренных исламистов. Итоги «либерализации» были удручающими для правящего клана — исламисты получили 20% мандатов. В результате на последних выборах в конце 2010 года властям пришлось прибегнуть к массовым фальсификациям, оставившим за бортом и исламистов, и фактически либеральную оппозицию, что и наэлектризовало общественные настроения в и без того напряженной атмосфере всеобщего недовольства. (Все хорошо помнят, как в 1992 году в Алжире победили исламисты, после чего пришлось отменять результаты выборов и вводить в стране чрезвычайное положение. Что является трудноразрешимой проблемой для нынешней власти.)

Особую силу представляет своеобразное «молчаливое большинство» — значительные слои городского социума — секуляристы — сторонники светского пути развития арабских стран. К последним примыкает влиятельная армейская верхушка, что серьезно роднит революции в Тунисе и Египте. С точки зрения не только политических последствий — перехода власти в руки военных, но и истинной роли, которую сыграли армии в ходе революционных выступлений, события смотрятся и как плохо замаскированные военные перевороты. Социальное неравенство, нищета и повальная коррупция явились непосредственными побудителями всплеск народного негодования в Египте, Йемене и, в какой-то мере, Сирии. Но этого нельзя сказать о Тунисе, не говоря уже и Ливии, Бахрейне, Саудовской Аравии. Если б в социальном плане президенты постсоветских стран сделали для широких слоев населения столько, сколько сделал Каддафи, не говоря о некоторых арабских королях и эмирах, у их граждан не было бы причин становиться гастарбайтерами на просторах Сибири, Севера и стройках Москвы. События на Ближнем Востоке, и прежде всего в Тунисе и Египте, показали, что Интернет, говоря старосоветской фразеологией, вполне может сыграть роль коллективного агитатора и коллективного организатора, мобилизовав большие массы людей на массовые протестные акции. Целенаправленные вбросы WikiLeaks компромата (например, о коррупции, которая царит в правящем клане Бен Али и его жены Лейлы) имели не меньшее шокирующее воздействие на электролизованные массы, чем акты самосожжения. В этом смысле можно согласиться с распространенным мнением о том, что массовые беспорядки и смена власти в Тунисе и далее в прилегающем регионе явились первой, и небезуспешной, попыткой масштабного использования интернет-ресурса в революционном переустройстве государственных систем.

К традиционной политической оппозиции подключались молодые люди, прошедшие подготовку на специальных тренингах и курсах в США и европейских странах. В предшествующий революционному взрыву период (2002–2010 годы) в США, как и в целом на Западе, вплотную занялись проблемами модернизации восточных обществ. В результате были инициированы многочисленные программы демократизации в странах Северной Африки и Ближнего Востока. За последнее десятилетие произошло значительное увеличение числа арабской молодежи, прошедшей политическую «обкатку» и в США, и на основе программ публичной дипломатии США, которые осуществлялись при помощи социальных сетей. Например, только в 2008 году из Египта в США пригласили на обучение по программам в области развития демократии Госдепартамента — 148 700 (!) человек. Однако практическое воплощение идей создания новых политических систем вскрыло наличие властного потенциала у свергаемых режимов, чья уверенность в собственной неуязвимости подкрепляется наличием исключительных ресурсов, коими никогда не обладали их предшественники — монархи и вожди племен: практически неограниченные финансовые ресурсы, широкая электоральная база, хорошо подготовленные карательные силы, рычаги информационного воздействия, широкие международные связи.

Мобилизация этих рычагов режима создает реальные возможности для сохранения в том или ином виде своего преимущественного положения в обществе. Мубарак первым попытался ответить на вопросы, заданные ему «финиковой» революцией, применив те же технологии, что и скрытые и видимые вожди протестного движения. Масса его сторонников, заполнивших площади и улицы Каира, являли собой не только переодетых сотрудников спецслужб, как утверждали некоторые эксперты и подавляющее большинство телеканалов. За годы единоличного правления диктатуры создали целый класс людей, способных отстаивать свои материальные и властные интересы. То, что в революционном самосознании или в европейском понимании считается волей народа, может быть подвергнуто сомнению в арабской умме, рассматривающей правящих и правимых как единое целое ответственных за свои действия перед Всевышним, чьи законы превыше всех земных. После того как Барак Обама в Вашингтоне дал совет своему египетскому коллеге прислушаться к мнению народа, толпища, высыпавшие на площадь Ат-Тахрив в поддержку своего президента, как бы вопрошали: «А мы кто, разве не часть того же народа?»

Задолго до «финиковой» революции в Египте о том же граждане страны с совершенно иного континента Южной Америки — Чили — напомнили марксисту Сальвадору Альенде, который так и не нашел в советской теории мирного прихода к власти исчерпывающего ответа на данный вопрос. В соседней с Египтом Ливии М.Каддафи сделал то, на что не решился Мубарак, — он силой ответил на силовое давление. В условиях разноплеменной Ливии попытка удержать власть, опираясь не только на армию, но и союзные племена, притом, что повстанцев открыто поддержали США и СЕ, в Ливии не могла не разразиться широкомасштабная гражданская война, какой не видывал регион после Алжира. Военно-политическое участие США, НАТО, ряда ведущих стран СЕ в ней, чем бы ни закончилось, вызывает в Ливии и арабском мире ненависть одних и разочарование других, неоднозначную реакцию в мире в целом. Народы, в том

числе и арабские, готовы сражаться с несправедливостью и диктатурой до победного конца. Однако цели и средства борьбы в их глазах компрометируются, когда правое дело берется за них отстаивать внешняя сила, что не может не восприниматься многими как сила антинациональная, враждебная.

И все же дни М.Каддафи, как и Али Абдалла Салеха в Йемене, скорее всего, сочтены — стан президентов покидают дипломаты, министры и что симптоматично, племенные вожди. Евросоюз признал созданный ливийской оппозицией Национальный совет переходного периода «законным посредником в переговорах» и призвал Муамара Каддафи отказаться от власти. «Я не какой-то президент, эмир или султан, которого свергают. Я — революционер. Поэтому я пойду до конца». Не надо думать, что слова М.Каддафи — пустая бравада. История Ливии хранит и примеры долгой партизанской войны, и примеры истинного самопожертвования. Сделки, соглашения, как и неожиданные предательства между шейхами племен, — это одно, а вызов иноземцам, да еще проливающим кровь соотечественников — это другое. Сопrotивление авторитаристов, пожары гражданских войн, которыми сопровождаются «цветные» революции на огромных геополитических пространствах, легализуют военно-политический и финансовый механизм смены режимов — коалицию западных стран, НАТО с политической поддержкой ООН.

Действия США и ведомых ими коалиционных сил по поддержке повстанцев, по существу, являются современной модификацией перманентной революции, в свое время раздувавшейся революционной Россией. Она оказалась небезуспешной в пределах бывшей царской империи. В глобализирующемся мире, пораженном глубоким экономическим кризисом, фактическое военное вторжение в пределы признанных ООН независимых государств вряд ли окажется безболезненным для имиджа Вашингтона и европейских столиц. Действия авиации западной коалиции в интересах ливийских повстанцев являются, по сути, вмешательством в гражданскую войну в Ливии и выходят за пределы полномочий, установленных для участников операции Советом Безопасности ООН. Эту точку зрения, высказанную главой российского МИД С. Лавровым, разделяют многие.

«Иногда ход истории создает проблемы, угрожающие нашей общей безопасности... Может, это и не проблемы одной Америки, но они важны для нас, и эти проблемы стоит решать. И в таких обстоятельствах мы знаем, что самую сильную страну в мире, США, часто призывают на помощь», — таким был ответ президента США Обамы на подозрения, высказанные и невысказанные сомнения мирового сообщества.

Чем шире геополитический охват «цветных» революций, тем очевидней, что смена авторитаризма есть следствие введения новых правил существующего мирового порядка. Они должны находиться в полном соответствии с существующей диспозицией мировых сил, противоречия между которыми (США—ЕС, например) не исключают солидаризации по общей стратегии, согласования интересов. Даже самые умеренные представители американской стратегической мысли рекомендуют Соединенным Штатам вооруженное вмешательство «в случае, если на кон поставлены национальные интересы» (Киссинджер и Бейкер). Резкая реакция В.Путина на натовские атаки в Ливии была вызвана не только угрозой многомиллиардным контрактам России. Напоминание о крестовых походах отражает все

более утверждающиеся опасения в оценках многих политиков, правительств, обществ, народного массива, и не только мусульманских стран (такого рода подзрения характерны повсюду для антиглобалистов, а также некоторых политических сил и электоральных масс СНГ, Китая, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки). В глазах арабской уммы, как и значительной части мусульманского мира, свержение диктатур в принципе не вызывает возражений — происходит постепенная эрозия целей и средств революционного поворота к демократии.

Практика демократизации в масштабах широкого геополитического ареала — задача куда более сложная, чем акт свержения диктатур. Можно полагать, что эпоха бессменных лидеров, основанная на калькировании общепризнанных европейских институтов государственного управления, имитирующих демократические системы, заканчивается. Глобализирующийся мир отторгает репрессии против собственного народа, чем бы они ни мотивировались. В этом отличие современного мироощущения от прошлых времен, когда можно было публично делить диктаторов на своих «сукиных сынов» и чужих. Поставлен под сомнение общепринятый постулат о недопустимости вмешательства во внутренние дела с целью пресечения репрессивных действий авторитаристских режимов. Вероятность инфильтрации «цветных» революций на постсоветское пространство велика, и прежде всего на Южный и Северный Кавказ, республики Центральной Азии. Однако готовы ли утверждающиеся у власти новые элиты проводить последовательные демократические реформы, осуществлять на практике демократическую сменяемость власти, соблюдать общепринятые нормы толерантности и политического плюрализма? В состоянии ли они обеспечить верховенство закона, защиту прав своих граждан в этнически и конфессионально пестрых обществах?

Думается, это процесс долгий и сложный, не исключаяющий попятных движений. Путь этот может быть преодолен относительно безболезненно, каким бы долговременным он ни был, при одном непременном условии: практическом воплощении идей социальной справедливости, к которым весьма чувствительны мусульманские общества, имеющие свои канонические представления об этом. Для перевода стран из хаоса политической междоусобицы, гражданской войны и социальной разрухи на рельсы демократического развития и стабильности без разносторонней международной помощи — такой же энергичной и эффективной, как подготовка и проведение революционных акций — эти замыслы и проекты не реализовать. Движение в этом направлении будет разным. В политической практике Туниса и Египта в краткосрочной перспективе будут преобладать партии гражданского общества, удастся сохранить традиции светского государства. Два фактора, органически связанных с геополитическим феноменом, заметно влияли на весь ход, темпы и содержание вспыхнувшего движения за революционные преобразования: первый — очевидный рост авторитета и активное участие в ближневосточных делах Турции, демонстрирующей стабильность и восприимчивость к новым идеям, несмотря на исламскую окраску ее демократии, и второй — отпор, который был дан «оранжистам» в Иране, где исламская власть имеет ярко выраженный архаично-авторитаристский уклон. Влияние Ирана на определенные «родственные» точки (Сирия, Ливан) в регионе будет сохраняться. Тегеран также планирует оказать помощь радикально настроенным мусульманам-шиитам в Бахрейне и Йемене. Антииранские режимы нефтя-

ных шейхов, которые уже гарантировали США свою поддержку в случае войны против иранской теократии, иного выбора ему не оставляют. Тем более, что монархии проявляют готовность к консолидации, а сомнений относительно политических ориентаций Египта и Туниса у ИРИ нет.

В дальнейших судьбах региона влияние исламских моделей развития может стать определяющим. В определенной части исламистов возобладают взгляды, близкие к турецким «интегрстам» и «умеренным», попыткам найти синтез между исламскими ценностями и западной демократией. Стоит приглядеться в политическую эволюцию крупнейшего объединения исламистов «Братьев-мусульман». На данном этапе ее отряды выражают готовность на осуществление своей деятельности в рамках приемлемых для США и ЕС государственных систем. К тому же в кулуарах НАТО утверждается точка зрения, согласно которой применение турецкого опыта конструирования государственной модели, адаптированной к современным реалиям, позволит Египту и ряду других стран Ближнего Востока выйти из кризиса. Движение «Братья-мусульмане» уже объявило о своем решении создать в Египте политическую партию, которая будет носить название «Партия свободы и справедливости», что вполне созвучно с названием правящей ныне партии в Турции Эрдогана. И все же понадобится слишком много времени для реализации планов общественной модернизации, предполагающей тот уровень самосознания и приобщенности к современным ценностям, которые, в конечном счете, обеспечивают суверенность существования и самостоятельность социополитического выбора.

В краткосрочной перспективе движение к демократии будет не большим, чем результаты перестроечных реформ на постсоветском пространстве.

Список использованной литературы:

1. *Гусейнов В., Денисов А., Савкин Н., Демиденко С.* Большой Ближний Восток // ИСОА. — М., 2007.
2. *Примаков Е.* Большой Ближний Восток на сцене и за кулисами // Российская газета, 2006.
3. *Центральная Азия и Южный Кавказ: интеграционные процессы в сердце евразии.* — Баку, 2010.
4. Архив ИСОА, Санкт-Петербургский центр изучения Ближнего Востока. Сб. материалов. Hurriyet, март 2011.
5. *Сатановский Е.* Революция и демократия в исламском мире // Россия в глобальной политике, № 1, 2011.

Валерий БУЯНОВ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В АРКТИКЕ

Ключевым в геополитике является понятие «пространство», а контроль за ним субъектов политики составляет суть геополитической теории и практики. В ходе эволюции геополитики как науки трактовка пространства менялась, что во многом предопределило отличия «старой» и «новой» геополитики.

В классической геополитике пространство рассматривалось преимущественно в горизонтальном измерении, как пространство Суши и Моря. На этой дихотомии строились концепции многих авторов, размышлявших об извечном противостоянии континентальных и морских держав. С появлением авиации и космонавтики геополитическая мощь государства во многом оценивается уже в вертикальном срезе, при этом значение аэрократии («воздушной силы») и эфирократии («космической силы») неуклонно возрастает. В настоящее время господствуют концепции, которые трактуют геополитику как контроль над многомерным социальным пространством. Имеется в виду, что ныне важны не столько географические параметры государств, сколько их роль в информационном, экономическом, культурном и других видах глобальных пространств.

Распространенной является точка зрения, согласно которой на планете не осталось свободных пространств, все поделено между конкретными странами и народами, а посему новый «географический» передел мира маловероятен. Об этом еще несколько десятилетий назад в своей книге «Границы в их географическом и политическом значении» писал известный немецкий геополитик К. Хаусхофер: «...в наше время, когда даже ледовый мир полярных областей большей частью политически поделен... свобода действий... по расширению жизненного пространства человечества ограничена»¹. Так ли это? Так и не так. Так, потому что действительно основная борьба сейчас ведется за доминирование в различных сферах общепланетарного пространства. Не совсем так, ибо, во-первых, нельзя исключить очередной передел мира, в том числе с помощью военно-силовых методов, во-вторых, ожесточается борьба за доступ к ресурсам, где бы они ни находились: на земле и в космосе, в воде и под водой. В этом смысле особое значение приобретает Арктическое геополе, где

¹ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. — М., 2001. С. 223.

сосредоточены огромные ресурсы и чье пространство остается предметом спора между различными государствами.

Когда говорят, что разворачивается «битва за Арктику», то в этой метафоре не так уж много преувеличений.

Арктикой называют северную полярную область земного шара, примыкающую к Северному полюсу. В пределах Арктического пояса находится Северный Ледовитый океан, его окраинные моря со всеми островами, северное побережье Европы, Азии и Америки, а также северные части Атлантического и Тихого океанов. Площадь Арктики составляет около 25 млн. кв. км, из них свыше 15 млн кв. км занимает водное пространство, большей частью (11 млн кв. км) покрытое льдом. За южную границу Арктики принимается южная граница зоны тундры, а вершиной региона является Северный полюс.

С учетом огромных природных ресурсов и прогнозируемого потепления, Арктика все более становится ареной геополитической и геоэкономической борьбы между многими государствами, и прежде всего между странами «арктической пятерки» — Россией, Канадой, Норвегией, Данией (с Гренландией), США. В состав арктических государств ранее входила Финляндия, но, потеряв единственный район, граничащий с Северным Ледовитым океаном (Печенга передана СССР в годы Второй мировой войны, в 1944 году), она перестала быть арктической страной, хотя и входит в Арктический совет восьми государств.

По предположениям, в Арктике сосредоточено не менее четверти всех углеводородов Земли. Здесь добывается 91% природного газа, находится подавляющая часть мировых запасов алмазов, залежи платиноидов (98%), редкоземельных элементов (более 95%), золота и серебра (приблизительно 90%), никеля (85%), олова (более 75% запасов от уже разведанных и 50% согласно прогнозам), половина мировых запасов вольфрама, залежи ртути и титана. Разведанные запасы природного сырья, хранящегося в глубинах Арктики, оцениваются примерно в 1,5–2 трлн долл., а дальнейшее освоение этого региона, которое пока находится на стартовой позиции, может увеличить эти цифры в разы.

Северо-Восточная Сибирь и арктический шельф — два крупнейших и крайне перспективных центра добычи углеводородов на планете². По оценкам национальных энергетических ведомств (2009–2010 годы), запасы нефти и газа в национальных секторах Арктики оцениваются следующим образом (в млрд тонн условного топлива): Россия — 105; Норвегия — 65; Дания — Гренландия — Фареры — 65; Канада — 61; Аляска (США) — 40. Неудивительно поэтому, что Арктика — этот «Клондайк» углеводородных, минеральных и биоресурсов — стала объектом конкуренции указанных стран, стремящихся закрепить права на разработку шельфовых месторождений, в первую очередь нефти и газа³.

Новые возможности открываются в связи с тем, что Арктика «тает». За последние 25 лет площадь ледяного покрова Северного Ледовитого океана

² См.: *Инджиев А.А.* Битва за Арктику. Будет ли Север Русским? — М., 2010. С. 60–61.

³ См.: РГ-Бизнес. 2010, 16 ноября.

значительно сократилась, а это значит, что исчезает основная преграда для судов. Исследования свидетельствуют, что относительно скоро на поверхности этого океана не останется плотного слоя круглогодичного льда, и он станет полностью пригоден для судоходства и более доступен для добычи полезных ископаемых.

Россия имеет в Арктическом геополе жизненно важные интересы. Уже сейчас за Полярным кругом производится 11% национального продукта и 22% от всего объема российского экспорта. Притом, что в полярных широтах проживает лишь 1,5% населения нашей страны.

На государства региона (кроме России) приходится 38,7 тыс. км побережья Арктики. Протяженность же российской части побережья составляет 22,6 тыс. км. Принципиальный вопрос — право приарктических стран на участки арктического шельфа. Шельф представляет собой подводное продолжение материка в океане. Почти 20% площади водной поверхности нашей планеты приходится на территориальные воды, то есть воды, подпадающие под юрисдикцию тех или иных государств. Согласно Конвенции ООН по морскому праву, принятой в 1982 году и подписанной к настоящему времени 159 странами (Россия ратифицировала Конвенцию в 1997 году, США до сих пор не подписали ее), для прибрежного государства устанавливается 200-мильная экономическая зона вокруг исходных границ и зона территориальных вод протяженностью 12 миль, полностью находящаяся в юрисдикции данного государства. Причем это положение распространяется не только на сами воды, но и на воздушное пространство над ними, а также на морское дно и дает стране исключительное право на добычу полезных ископаемых и морских животных в пределах своего континентального шельфа. Но если к шельфу данного государства примыкает хребет на океаническом дне, то вести добычу на нем также может только это государство.

В Арктике к таким территориям относятся хребты Ломоносова и Менделеева, открытые советскими учеными в середине XX века. Считается, что эти хребты есть продолжение Восточно-Сибирской платформы, то есть продолжение российского шельфа. Площадь указанных хребтов составляет 1,2 млн кв. км (сегодня у нас 6,5 млн кв. км шельфа). Российская Федерация в 2001 году оформила в ООН заявку о примыкании указанных хребтов к российскому шельфу. США в ответ представили ноту, в которой оспаривали данные о принадлежности хребтов к континентальной окраине России, пытаясь доказать, что они являются вулканическими образованиями. Это сыграло негативную роль — заявку отложили до предоставления новых научных данных.

Одним из шагов, направленных на сбор дополнительных данных, явилась арктическая экспедиция на Северный полюс, организованная летом 2007 года. Тогда атомный ледокол «Россия» проделал во льдах огромную полынью, в которую затем погрузились на дно российские глубоководные обитаемые аппараты «Мир-1» и «Мир-2». Участники экспедиции провели исследования, собрали геологические пробы и установили на дне государственный флаг Российской Федерации из титана.

По возвращении полярников тепло приветствовали на Родине. Иным было отношение наших конкурентов. Недовольство высказала Канада, глава МИД этой страны Питер Маккей заявил: Россия ошибается, думая, что на дворе

еще Средние века и территории можно «захватить», установив свой флаг. Том Кейси, член госдепартамента США, заметил, что даже если Россия раскрасит хребты Менделеева и Ломоносова в цвета своего флага, то это никак не отразится на правовом статусе данных территорий. В свою очередь, В.В. Путин со свойственной ему спокойной иронией объяснил зарубежным коллегам, что установка флага никоим образом не значит захват территорий, напомнив Америке про установку их флага на поверхности Луны. Известный полярный исследователь Артур Чилингаров, подчеркивая права России на Арктику, отметил, что на месте России американцы вряд ли поступили бы по-другому⁴ и рядом с нашим флагом они могут поставить свой, если смогут достичь дна, благо места там много.

Геостратегическое значение Арктического геополя возрастает и потому, что в результате распада СССР существенно сократился доступ России к открытым морям. В данном контексте особую роль обретает задача воссоздания Арктической транспортной системы (АТС) и ее главной составляющей — Северного морского пути (СМП). АТС — мост между Западом и Востоком, кратчайший путь из Европы в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Так, если добираться из Мурманска в японский порт Йокогама через Суэцкий канал, потребуется преодолеть путь в 12 840 миль, но если следовать СМП, это расстояние сократится более чем в два раза.

Арктическая транспортная система, как одна из самых перспективных магистралей планеты, способна принести России неопределимую выгоду. Но для этого необходимо преодолеть разруху и запустение Севморпути, протянувшегося от Карских ворот до Берингова пролива (5600 км). Работа СМП до 1991 года была самоокупаемой, объемы перевозок в то время составляли более 4 млн тонн в навигацию. Сейчас объем сократился в 4 раза, что привело к серьезным перебоям в снабжении русского Севера. Предстоит наполнить конкретным содержанием статус Северного морского пути как единой национальной транспортной коммуникации РФ, усилить контроль государства над этой стратегической магистралью, восстановить и упрочить ее инфраструктуру.

Свои права на расширение арктического шельфа Россия подкрепляет не только дополнительными геологоразведывательными данными и нормами международного права, но использует также исторические аргументы: большинство территорий Арктики открыто и освоено русскими учеными и путешественниками, имена которых носят многие земли и водные пространства Арктики.

Огромный вклад в ее изучение и развитие арктического мореплавания внесли экспедиция под руководством В. Беринга (1733–1745), первая русская морская высокоширотная экспедиция под руководством В. Чичагова (1766–1767), экспедиция на Новую Землю и северо-восток Азии под руководством Ф. Литке и Ф. Врангеля (1820–1824), русская полярная экспедиция под руководством Э. Толля (1900–1902), гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана на судах «Таймыр» и «Вайгач» под командованием И. Сер-

⁴ Фредерик Кук в 1908 году установил американский флаг в том месте, которое он принимал за Северный полюс, а Роберт Пири в 1909 году водрузил звездно-полосатое полотнище на Южном полюсе.

геева и Б. Вильницкого (1910–1915). В арктический сектор России входит пять морей, в трех из которых — Карском море, море Лаптевых и Восточно-Сибирском море — действует режим внутренних морей Российской Федерации.

Наши соотечественники прокладывали Северный морской путь, стояли у истоков полярной авиации и ледокольного флота (из 9 существующих в мире ледоколов 6 принадлежит России), создали знаменитые СП — дрейфующие станции. СССР был лидером в океанографии и геолого-географических исследованиях морского дна. В 1962 году советская атомная подводная лодка впервые всплыла близ Северного полюса, в 1977 году сквозь мощные льды к нему пробился атомный ледокол «Арктика», в 2007 году на глубине 5 км в Северном Ледовитом океане 8 часов работали два глубоководных российских батискафа. Россия накопила уникальный опыт строительства промышленных городов за Полярным кругом, соорудила плавучие атомные электростанции, которые уже сейчас закупает ряд стран. РФ действует в Арктике в правовом поле, показывает пример сотрудничества с приарктическими странами в рамках Совета Баренцова / Евро-Арктического региона, Северного форума, Арктического совета и других международных организаций.

Надо сказать, однако, что действия России в арктической зоне не всегда кажутся оправданными с точки зрения ее национальных и геополитических интересов. Это относится, например, к продаже Аляски Соединенным Штатам Америки в 1867 году. США сделка обошлась в 7,2 млн долл., или в 14,32 млн руб. той поры. «Выкачали» же американцы из Аляски суммы несопоставимые, учитывая добычу нефти, золота и других полезных ископаемых. О военно-стратегическом значении Аляски в современных условиях и говорить не приходится. Невыгодным для России явилось и заключенное в июне 1990 года соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств, согласно которому 70% водного бассейна Берингова моря передаются Штатам.

В 2010 году был подписан, а в 2011 году ратифицирован договор между Россией и Норвегией, направленный на разграничение морских пространств в Северном Ледовитом океане. Речь идет о спорном районе («серой зоне») в Баренцевом море площадью в 175 тыс. кв. км, на который в течение последних 40 лет претендовали оба государства. В данном районе расположен один из самых перспективных участков шельфа — Свод Федьинского. Его потенциал, по некоторым оценкам, сопоставим и даже превышает запасы знаменитого Штокмановского месторождения. Согласно договору, спорная акватория разграничивается теперь примерно поровну. Но в новом соглашении нет отсылки к договору о Шпицбергене, что, как считают эксперты, является серьезной уступкой со стороны России. Суть в том, что Парижский международный договор 1920 года закрепляет суверенитет Норвегии над этим архипелагом, но с оговоркой, что все страны, участники договора, в том числе Россия, имеют равные права на экономическую деятельность (вылов рыбы) в прилегающих водах. Однако в 1977 году Норвегия в одностороннем порядке установила 200-мильную «рыбоохранную зону» вокруг Шпицбергена, серьезно ущемив тем самым интересы российской рыбопромысловой деятельности. В этом отношении спор между Норвегией и Россией не исчерпан.

Деятельность России в Арктике и ее претензии на значительную часть арктических вод встречают растущее противодействие со стороны других стран, в том числе не относящихся к арктическим. О готовности принять непосредственное участие в разработке шельфа Северного Ледовитого океана заявили уже более 20 государств. Высокоразвитые страны, такие как США, Англия, Германия, Япония, Норвегия, уже создали технологии для добычи нефти и газа в ледовой обстановке на глубинах свыше 2 км. Китайцы приобрели у Украины самый большой в мире неатомный ледокол Xuelong («Снежный дракон») и приняли решение о строительстве новых ледоколов. Дания, Норвегия и другие государства выделяют большие средства на научные изыскания в арктическом поле. США и их союзники, стремясь ограничить Россию и пользуясь правовой неопределенностью огромных территорий Арктики, все более активно выступают за интернационализацию ее вод и шельфов, считая, что «...это регион, в котором не действует закон и который способен стать источником конфликта из-за набирающей скорость «гонки за Северный полюс». Западные СМИ, тиражируя тезис о неизбежности усиления борьбы за Арктику, рисуют при этом Россию в мрачных тонах: она, дескать, хочет захватить этот регион, но в то же время не располагает ни ресурсами, ни технологиями для работы на шельфе, а жители российского Севера — это спивающиеся люди, лишённые благ цивилизации и вместе с другими разрушающие хрупкую северную природу.

В 2008 году Президентом РФ утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». Документом определены следующие задачи: использование Арктической зоны РФ в качестве ресурсной базы, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны; сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества; сбережение экологических систем Арктики; эффективное использование Северного морского пути. На первом этапе (2008–2010 годы) проводились геолого-геофизические, гидрографические, картографические и иные работы по подготовке материалов для обоснования внешней границы Арктической зоны РФ. На втором этапе (2011–2015 годы) должно быть обеспечено международно-правовое оформление внешней границы Арктической зоны РФ и реализация на этой основе конкурентных преимуществ России по добыче и транспортировке энергоресурсов, существенное улучшение структуры и системы управления коммуникациями СМП. Ожидается, что к 2013 году Россия сможет повторно направить весь пакет документов и образцов проб с океанического дна в комиссию ООН для подтверждения прав нашей страны на расширение границ российского шельфа. На третьем этапе (2015–2020 годы) должно быть обеспечено превращение арктической зоны в ведущую стратегическую ресурсную базу страны⁵.

Предстоит усилить охрану северных границ России. До 2020 года планируется предпринять дополнительные меры для защиты экономических и политических интересов страны в регионе. Речь не идет о строительстве военных баз или создании «специальных арктических войск». В документе говорится

⁵ См.: Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Российская газета. 2009, 30 марта.

об усилении пограничных войск ФСБ, улучшении береговой охраны российских арктических границ и о содержании необходимой группировки войск общего назначения.

Намеченные меры тем более обоснованы, если учесть, что в последние годы Арктика стала быстро милитаризироваться. Канада объявила о планах создания к 2012 году арктических военно-морских сил, включающих 6–8 кораблей ледового класса. Евросоюз формирует собственные военные структуры в Северной Европе и наращивает военное присутствие в Арктике. На территории Норвегии и в прилегающих арктических водах проводятся учения НАТО. В США принято решение о строительстве двух новых передовых баз на Аляске, начались поставки в войска адаптированных для действий в суровых климатических условиях многоцелевых вертолетов «Блэк Хок», рассматривается возможность постоянного присутствия в Арктике авианосной группы, наращиваются усилия по обеспечению глубоких десантных операций. Ситуация может еще более обостриться, если самый большой остров на планете — Гренландия (площадь 2,2 млн кв. км) — поставит вопрос о полной независимости от Дании.

Таким образом, отстаивать и продвигать свои интересы в Арктике и Северном Ледовитом океане России приходится в условиях накаляющейся конкурентной борьбы. Ее температура будет определяться политическим климатом в этом огромном геополитическом пространстве: либо ледящим дыханием стереотипов времен «холодной войны», либо теплым Гольфстримом доверия и сотрудничества между арктическими и неарктическими странами.

Линтон БРУКС (США)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НЕКОЕМ «ПРОРЫВЕ» В ЯДЕРНОМ РАЗОРУЖЕНИИ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ*

В апреле 2009 года президент США Барак Обама взволновал мир своей речью в Праге, в которой призвал к ликвидации ядерных вооружений. Обозначенная в Праге перспектива стала столь захватывающей, что привела к присуждению ему Нобелевской премии мира. Позиция президента Обамы была развита в «Обзоре ядерной политики США» за 2010 год. Его призыв продвигаться вперед в деле нераспространения и ядерного разоружения был поддержан другими ядерными государствами, наиболее решительно — Соединенным Королевством.

Многие заговорили о прорыве в нераспространении и разоружении. Степень поддержки той конечной цели, каковой является безъядерный мир, внутри США поразительна. Десять лет назад немногие из американских сторонников отмены ядерного рабства занимали сколько-нибудь видное положение. Ныне десятки бывших очень высокопоставленных чиновников эту отмену поддерживают. Многих, разумеется, вдохновили основополагающие статьи четырех видных государственных деятелей: бывших государственных секретарей Джорджа Шульца и Генри Киссинджера, бывшего министра обороны Билла Пери и бывшего сенатора Сэма Нанна, — их заслугой стало то, что эта тема вошла в русло самых животрепещущих.

Интерес к ядерному разоружению не ограничился речами и статьями. Есть кое-какие свидетельства, что на пути к ликвидации ядерных вооружений достигнут подлинный прогресс. Четыре из пяти основных ядерных государств сокращают свои арсеналы, а сильно разрекламированная китайская программа модернизации, похоже, нацелена на поддержание выживаемости, притом что остается минимальным уровнем сдерживания. Соединенные Штаты и Россия согласились на скромные сокращения по новому договору СНВ, и президенты обеих стран выразили приверженность к дальнейшим сокращениям.

Важной предпосылкой к разоружению является умаление роли ядерных вооружений в национальной ядерной доктрине. И здесь тоже есть основания для оптимизма. Одна из задач «Обзора ядерной политики США» состояла в

* Статья взята из «Courier of Analytics» от 10 апреля 2011 г.

ограничении роли ядерных вооружений и в уточнении того, что они суть средство, к какому прибегают в последнюю, а не в первую очередь. Соединенные Штаты втихомолку отбросили такую задачу, как сдерживание равного соперника для оправдания наличия ядерных вооружений и резко ограничили роль ядерного оружия в сдерживании химического или биологического нападения. Что касается Российской Федерации, то многие допускали, что ее обновленная в феврале 2010 года новая военная доктрина расширит роль ядерных вооружений применительно, скажем, к так называемым локальным войнам. Не расширила. Как представляется, в доктрине ясно выражено, что ядерные вооружения России также считаются средством, к которому следует прибегать в последнюю очередь. К примеру, даже позволяя использовать ядерные средства в ответ на агрессию с применением обычных вооружений, новая доктрина ограничивает такое использование случаями, «которые несут угрозу самому существованию государства».

Есть основания для оптимизма и в деле нераспространения ядерного оружия. В отличие от разоружения, где позиция Соединенных Штатов с вступлением Обамы на пост президента изменилась кардинально, нераспространение является для США давнишней целью, которую признали важной обе политические партии [Демократическая и Республиканская. — *Перев.*]. Так что для обычного американца подвижки здесь меньше поражают воображение, но, тем не менее, они — доподлинные. Состоявшаяся в 2010 году Конференция по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия была широко расценена как успешная и породила необычный план действий. Ныне более 90 стран являются участниками Инициативы по безопасности в области распространения оружия (ИБР). Международное агентство по атомной энергии ныне располагает дополнительными протоколами, вступившими в силу в 102 государствах, включая всех пятерых постоянных членов Совета Безопасности ООН. Семнадцать из этих дополнительных протоколов вступили в действие за минувшие три года. К тому же Совет Безопасности наложил более строгие санкции на Иран.

Многих все эти положительные подвижки наделяют оптимизмом в отношении будущего. В их представлении мы вступаем во времена, когда значимость ядерных вооружений (а следовательно, и вооружений вообще) попросту сойдет на нет.

Возможно, это верно, только я в том сомневаюсь. К сожалению, я убежден, что мы ни в чем не ближе к прорыву в нераспространении. В разоруженческом сообществе расхожей стала уверенность: мол, чем меньшую и меньшую роль играет ядерное оружие, тем легче предполагать его уничтожение. Защитников разоружения, таким образом, воодушевили подвижки минувших двух лет. Однако то, что мы видим сегодня, это умаление ролей второстепенных, но не главных.

Важно различать две формы сниженной зависимости от использования ядерных вооружений. Государства могут сокращать количество задач, которые они ставят перед своими ядерными силами, или могут снижать насущность ядерных вооружений в реагировании на самые значимые вызовы безопасности. Сократить количество задач легче, но это не так существенно. Соединенные Штаты, например, исторически видели в своих ядерных вооруже-

ниях, страхующих и ободряющих союзников, препятствующих гонке вооружений, сдерживающих биологическое или химическое нападение, удерживающих государства от поддержки ядерного терроризма, а также — в прошлом — компенсирующих отставание НАТО в обычных вооружениях в сравнении с европейскими наземными силами Советского Союза и Варшавского пакта. Отказ «Обзора ядерной политики» от ядерной роли в некоторых из этих задач снижает значимость ядерных вооружений в стратегической доктрине США. И все же до тех пор, пока сущностное назначение сдерживания ядерного нападения на Соединенные Штаты остается решающим, умаление этих и других задач в малой мере способно подтолкнуть Соединенные Штаты к готовности уничтожить свой ядерный арсенал. Почти наверняка то же самое верно и в отношении других государств.

Есть один важный различитель между второстепенными и сущностными целями ядерных вооружений: это степень, до которой одностороннее действие какого-либо государства может в реалистическом измерении сокращать опору на ядерное оружие. Соединенные Штаты, к примеру, могут в одностороннем порядке решить, что угрозы сокрушительного неядерного ответного удара вполне достаточно для сдерживания биологического нападения, и таким образом вывести сдерживание такого нападения из перечня задач, присущих ядерным вооружениям. И напротив, если государство, вроде Пакистана, убеждено, что ему потребно ядерное оружие, чтобы сдерживать подавляющее превосходство его соседа в обычных вооружениях, никакое одностороннее действие, им предпринятое, не устранил таковую потребность. Ядерные вооружения смогут играть менее значимую роль в безопасности такого государства лишь в том случае, если политическая обстановка изменится настолько, что сделает конфликт, угрожающий национальному выживанию, невероятным или, по крайней мере, значительно менее вероятным и тем оправдать риск ликвидации ядерного оружия.

Если смотреть в таком ракурсе, то, как представляется, есть мало того, что умаляло бы глобальную значимость ядерных вооружений. Россия, ослабленная в отношении обычных вооружений, рассматривает свои ядерные силы как средство сдерживания агрессии с применением обычных вооружений или вторжения НАТО либо Соединенных Штатов. Страны НАТО продолжают считать ядерное оружие значимым, ведя спор только по поводу того, где оно должно размещаться. Франция заявляет, что «ядерное сдерживание ограждает нас от агрессии против наших жизненных интересов... какую бы форму она ни приобрела». Некоторые аналитики улавливают в китайских писаниях намеки на расширение региональных задач для ядерных сил. И Израиль (если у него есть ядерное оружие), и Пакистан не примирились с присущим каждому (и без того далеко непримиримым) противостоянием численно превосходящим силам. Никто, кроме государств, которых это непосредственно касается, всецело не понимает мотивов Ирана и Северной Кореи, однако, как представляется, они хотят сохранить себе свободу действий, предупреждая нападение обычными силами, которое способно угрожать сохранению государственного строя.

Ничто из этого не указывает на готовность в ближайшее время отказаться от ядерного оружия. Президент Обама был прав, когда предположил в своей

пражской речи, что отмена ядерного рабства, возможно, не произойдет за время его жизни. Для того чтобы одолеть эти политические препятствия, требуется преобразовать международную систему безопасности. Только ведь, даже если и это будет сделано, останутся еще значительные технические трудности для продвижения к ликвидации ядерных вооружений. Почти наверняка первым шагом к уничтожению ядерного оружия станет очередное двустороннее соглашение о сокращении ядерных вооружений между Соединенными Штатами и Российской Федерацией. Достижение дополнительных сокращений окажет стимулирующее воздействие. Проблемы противоракетной обороны особенно трудны, но есть еще и другие вопросы, в том числе американские обычные стратегические вооружения и российские тактические ядерные средства. Большинство американских аналитиков и вдохновителей общественного мнения уверены в возможности соглашения о дальнейших сокращениях, которое отвечает интересам обеих стран, однако считают, что достичь его будет трудно и на это потребуется время.

Если на замену нового договора СНВ появится очередное соглашение, то последующий шаг потребует участия всех государств, имеющих ядерное оружие. Нет никаких признаков, что хотя бы какие-то из этих государств (возможно, за исключением Соединенного Королевства) проявят интерес. К тому же мир не располагает добротной моделью того, как помыслить о многосторонних переговорах по ядерным проблемам. Согласятся ли такие государства, как Франция и Китай, на пропорциональные сокращения, которые все же оставят Соединенным Штатам и России больше вооружений, чем имеется у них? Если нет, то готовы ли будут Россия с Соединенными Штатами сократить свои арсеналы до китайского уровня, не дожидаясь сокращений со стороны других стран? Как нам оградить себя от перевооружения? А самое главное, как нам придать законную силу будущему договору, обязывающему ликвидировать ядерное оружие?

Государствами, которые больше всего способны перевооружиться, являются пять постоянных членов Совета Безопасности. Однако эти государства располагали бы правом вето на принуждение к выполнению требований договора. Это предполагает потребность в создании нового механизма безопасности, который обходил бы вето великих держав. Я очень сильно сомневаюсь в том, что соответствующие государства (в том числе и Соединенные Штаты) с воодушевлением отнесутся к такому новому порядку, если только международная система не преобразуется до такой степени, какую мы едва можем вообразить.

На все эти вызовы, вполне возможно, есть ответы, хотя лично я настроен скорее скептически. Множество думающих людей в «Глобальном нуле»¹ и повсюду работают над такими ответами. Однако до тех пор, пока не появятся ответы, которые сделают неременным международное соглашение между всеми государствами, уже обладающими или имеющими возможность создать ядерное оружие, преждевременно говорить о прорыве в разоружении.

¹ Созданное в декабре 2008 года Международное движение «Глобальный ноль» объединяет более 300 видных политиков, военных, бизнесменов, религиозных и гражданских лидеров, а также сотни тысяч граждан из многих стран, занимающихся разработкой планомерного и контролируемого уничтожения всех ядерных вооружений во всем мире. — *Примеч. переводчика.*

А как насчет нераспространения? И здесь тоже важно не переоценивать нашего продвижения вперед. Ужесточение Советом Безопасности санкций на Иран свидетельствует о решимости международного сообщества, но оно не побудило Иран отказаться от неповиновения. Северная Корея, как представляется, поглощена вопросами преемственности руководства страной, по крайней мере, в настоящее время, и выказывает мало признаков какой бы то ни было готовности отказаться от своей ядерной программы. А в Сирии и Мьянме уже появились некоторые намеки на возможность распространения ядерного оружия в будущем. Наши шансы избежать подобного распространения частично зависят от успешности наших действий с Ираном и Северной Кореей. До тех пор, пока эти две трудности не окажутся разрешены, также преждевременно говорить и о прорыве в битве за ядерное нераспространение.

Было бы утешительно прийти к заключению о том, что мы добились прорывов в разоружении и нераспространении ядерного оружия. Только это было бы неправильно. Надежная политика требует надежного анализа, а такой анализ требует, чтобы мы воспринимали мир таким, каков он есть, а не таким, каким нам хотелось бы, чтобы он был. Значимость ядерных вооружений не убывает. Скорее, она сосредоточивается в высшем пределе на существующих угрозах государствам, обладающим ядерным оружием (и, по крайней мере, в случае с Соединенными Штатами — их союзникам и партнерам), а в нижнем пределе на противодействии непрекращающейся угрозе распространения ядерного оружия и недавно признанной угрозе ядерного терроризма. Таким образом, международному сообществу не пристало говорить о несуществующих прорывах. Вместо этого ему следует продолжать неторопливую, не-уклонную, трудную работу по преодолению и обратимости распространения ядерного оружия, продолжая одновременно работать над разрешением международных политических затруднений, стоящих на пути дальнейшего продвижения к разоружению.

Эберхард ШНАЙДЕР (Германия)

НОВАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАТО

На саммите НАТО 19 ноября 2010 года в Лиссабоне руководители государств и правительств стран — членов альянса согласовали новую стратегическую концепцию, третью по счету после окончания «холодной войны»¹. Новая концепция не должна анализироваться в отрыве от декларации Лиссабонского саммита², а также общего заявления Совета России—НАТО, сделанного там же 20 ноября³.

История разработки

Заказ на разработку новой стратегической концепции был дан на юбилейном (по поводу 60-летия альянса) саммите НАТО в 2009 году, прошедшем в Страсбурге и Кельне. Разработка проекта была поручена группе экспертов под руководством бывшего госсекретаря США Мадлен Олбрайт. Заместителем руководителя стал президент Dutch Shell (до 2009 года) Йерун ван дер Веер. Кроме того, в группу вошли бывший британский министр иностранных дел Великобритании Джефф Хун⁴, действующие или бывшие послы Италии, Канады, Турции, Испании, Германии, Латвии, Польши и Греции, а также президент Национальной библиотеки Франции.

Группа экспертов проводила семинары с ключевыми фигурами, учеными и журналистами, консультировалась с многочисленными международными организациями и государствами, не являющимися членами НАТО. Россия — единственная страна за пределами НАТО, которую экспертная группа посетила в полном составе. Одновременно заинтересованные лица в рамках структурированного обсуждения на сайте НАТО в Интернете в режиме on-line излагали свои представления о новой стратегии НАТО. 17 мая 2010 года группа экспертов представила свои рекомендации генеральному секретарю НАТО Андерсу Фог Расмуссену.

Затем пришло время закрытой дипломатии. Относительно короткий и лаконично сформулированный документ не появился бы, если бы была пред-

¹ URL: <http://www.nato.int/lisbon2010/strategic-concept-2010-eng.pdf>

² URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm

³ URL: http://www.nato.int/cps/en/SID-E3851424-BC3DF7AC/natolive/news_68871.htm

⁴ Джефф Хун (Geoff Hoop) в 2006–2007 годах был министром по делам Европы в Форин офис, в 1998–2005 годах — министром обороны Великобритании. — *Примеч. перев.*

принята попытка согласования его в растянутом на месяцы диалоге между 28 членами НАТО. Поэтому генсек НАТО Расмуссен принял решение разработать проект новой стратегии на основе доклада экспертной группы. Этот проект в конце сентября 2010 года был направлен руководителям государств — членом альянса. Они рассмотрели проект негласно, так что даже депутатам национальных парламентов — за редким исключением — об этом не было известно⁵.

Хотя Генсеку НАТО Расмуссену и удался «трудный эквилибристический трюк с учетом различных интересов государств — членом альянса, факт, что каждый союзник находит в документе отражение своих стержневых интересов, еще не означает, что содержание концепции в целом интерпретируется, а значит, и осуществляется, всеми нациями одинаковым образом»⁶.

Содержание стратегии

Новая стратегия НАТО под названием «Активное участие, современная оборона» состоит из 38 пронумерованных разделов (статей). НАТО не рассматривает ни одну страну в качестве своего противника (№ 16). В стратегии альянс признает себя ответственным за решение «трех существенных ключевых задач» — коллективная оборона в рамках статьи 5 Вашингтонского договора, кризисное урегулирование и коллективная безопасность (№ 4 а–с).

Угрозы

Изменение структуры новой стратегии безопасности проявляется в анализе угроз. Хотя, как и прежде, на первом месте среди угроз стоит возможность нападения без применения ядерного оружия, вероятность такого нападения оценивается достаточно низко (№ 7). Распространение ракетных технологий, напротив, рассматривается как «реальная и растущая угроза» (№ 8). Как в высшей степени острая проблема определяется распространение ядерного оружия и других средств массового уничтожения в самых неустойчивых (нестабильных) регионах мира (№ 9).

Список новых угроз начинается с терроризма. Эта угроза особенно возрастает, если террористам удастся овладеть ядерным, химическим, бактериологическим или радиологическим оружием массового уничтожения (№ 10). Границам альянса угрожают нелегальная торговля оружием, наркотиками и людьми (№ 11). Новую угрозу представляют кибератаки, такие, как, к примеру, в 2007 году против Эстонии. Посредством таких атак могут быть парализованы государственный аппарат, экономика, сервисные службы для населения (№ 12). Еще одну вероятную угрозу создают нападения на международные торговые коммуникации (№ 13). Следующая угроза — разработки в области производства лазерного оружия и технологий, препятствующих доступу к

⁵ Katioulis, Christos, Die neue NATO-Strategie. Kompromiss auf Zeit. Analyse der Friedrich-Ebert-Stiftung. (Новая стратегия НАТО. Компромисс по требованию времени. Анализ Фонда Фридриха Эберта.) — Берлин. 2011. С. 2.

⁶ Rühle, Michael, Die NATO im Zeitalter der Globalisierung (НАТО в эпоху глобализации), in: Denkwürdigkeiten. Berlin, Nr. 71, 2011, S. f. (Михаэль Рюле — руководитель отдела энергобезопасности в секции новых вызовов безопасности НАТО в Брюсселе.)

космическому пространству, а также электронная война (№ 14). На безопасность стран — членов НАТО в будущем могут также оказывать влияние изменение климата, нехватка водных и энергетических ресурсов (№ 15). Среди членов экспертной группы велись дискуссии о том, должна ли безопасность энергоснабжения стать для НАТО темой военного характера. Однако мнение некоторых восточноевропейских и прибалтийских стран, выступавших за это, не нашло поддержки большинства.

Коллективная оборона

В новой стратегической концепции, как и в предыдущей, нет точного определения, когда именно наступает необходимость применения статьи 5 Вашингтонского договора для обороны альянса. На поддержании «для перестраховки» соответствующего оборонного потенциала на случай войны без применения ядерного оружия настаивали восточноевропейские страны, имея при этом в виду Россию. Это требование, противоречащее цели стратегического партнерства альянса с этой страной, было оспорено⁷.

Страны — члены НАТО согласились на «адекватном сочетании ядерных и обычных потенциалов» в качестве основного элемента своей обороны (№ 17). «Высшая гарантия безопасности» НАТО обеспечивается, как и прежде, стратегическими ядерными вооружениями США и независимыми стратегическими ядерными силами Великобритании и Франции (№ 18). Условия, при которых применяются ядерные вооружения, стратегия формулирует следующим образом: «Обстоятельства, при которых может потребоваться рассматривать перспективу применения ядерного оружия в какой-либо форме, в высшей степени маловероятны». Тем не менее, пока существует ядерное оружие, НАТО останется альянсом, имеющим ядерные вооружения (№ 17).

Партнеры по альянсу должны «с максимальной широтой» вовлекаться в процесс коллективного планирования ядерной обороны (№ 19), которое охватывает согласованное размещение ядерного оружия в мирное время, а также соглашения о командовании, контроле и консультациях (система управления и связи с ядерными силами США СЗ — command, control&communications). Фоном для этой формулировки стали острые дискуссии перед Лиссабонским саммитом по поводу согласованного размещения в мирное время американского субстратегического (тактического. — *Примеч. перев.*) ядерного оружия на территории Германии, Бельгии, Голландии, Италии и Турции. «В то время как Германия и ее соседи — страны Бенилюкс хотели отразить приверженность к реформе размещения ядерного оружия НАТО, в том числе и для того, чтобы поддержать инициативу президента Барака Обамы о мире без ядерного оружия и способствовать укреплению режима нераспространения, Франция и некоторые восточноевропейские страны-союзники настаивают на полномасштабном устрашении»⁸.

⁷ Richter, Wolfgang/Tettweiler, Falk, Verteidigung — Krisenmanagement — Kooperation. Zum neuen strategischen Konzept der NATO. (Оборона — Менеджмент в кризисных ситуациях — Кооперация. К новой стратегической концепции НАТО.) — Berlin, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit der Stiftung Wissenschaft und Politik, Dezember 2010 (= SWP-Aktuell 87), с. 2.

⁸ Там же, с. 3.

Управление кризисными ситуациями

В управлении кризисными ситуациями в своей новой стратегии НАТО делает ставку на комплексное применение военных и политических мер. Это реакция на новые угрозы безопасности невоенного характера. Такой подход к тому же несколько ограничивает значение военных средств. Спектр воздействия на кризисную ситуацию должен охватывать все поле манипулирования кризисом, т.е. фазу, предшествующую возникновению кризиса, собственно период развития кризиса, а также период преодоления послекризисных явлений (№ 4в). НАТО извлекла уроки из Афганистана и Восточных Балкан, показавшие, что для эффективного управления кризисной ситуацией необходимы «полномасштабные политические, гражданские и военные мероприятия» (№ 21). Так, альянс планирует организацию «гражданского кризисного менеджмента в умеренных размерах» и создание потенциала для обучения местных сил безопасности в кризисных регионах. Во время совместных операций НАТО планирует предоставить больше прав участвующим в них партнерам. С этой целью должны проводиться консультации на всех фазах управления кризисом (№ 25).

Коллективная безопасность

Политические события и события в сфере безопасности, происходящие за пределами альянса, могут оказывать воздействие на альянс. Поэтому НАТО будет принимать активные меры в их отношении (№ 4с). Эта совместная стратегия безопасности охватывает контроль над вооружениями, расширение альянса и сотрудничество (партнерство).

Контроль над вооружениями. Стратегия признает альянс ответственным за создание мира без ядерного оружия и ссылается при этом на Договор о нераспространении ядерного оружия. В дальнейших сокращениях ядерных вооружений целью альянса должно стать соглашение с Россией, обеспечивающее большую прозрачность в отношении российских ядерных вооружений в Европе. Должно быть достигнуто соглашение о размещении этих вооружений на большем расстоянии от территории стран — членов НАТО. При всех дальнейших шагах по разоружению необходимо учитывать существенное превосходство России в количестве ядерных ракет ближнего действия (№ 26).

Альянс признает себя ответственным за контроль над обычными вооружениями, при этом Договор об обычных вооружениях в Европе не упоминается (№ 26). НАТО не разделяет мнение России о том, что ее ядерное оружие компенсирует нехватку в обычных вооружениях.

Расширение альянса. Раздел о расширении альянса, получивший новую формулировку «Открытые двери», краток. Подчеркивается, что двери НАТО остаются открытыми для всех европейских демократических систем, которые признают ценности альянса и имеют желание и способность взять на себя ответственность и обязательства члена альянса, и вступление которых в альянс внесет вклад в общую безопасность и стабильность (№ 27). К ценностям альянса относятся свобода личности, демократия, права человека и соблюдение принципов правового государства (№ 2).

Партнерство. В разделе о партнерстве освещается отношение НАТО к сотрудничеству с ООН, ЕС и Россией, поднимается проблема «Партнерства во имя мира».

ООН. Со ссылкой на декларацию НАТО—ООН 2008 года альянс намеревается углублять сотрудничество с ООН и совершенствовать практическое взаимодействие в сфере управления кризисами, в которых задействованы обе организации (№ 31).

Евросоюз. Большинство европейских стран являются как членами НАТО, так и членами ЕС. НАТО признает значимость сильной и действенной европейской обороны. Для «стратегического партнерства» НАТО и ЕС необходима максимальная активность обеих организаций.

Для поддержки стабильности и безопасности в мире обе организации должны поддерживать и дополнять друг друга. Практическое сотрудничество в операциях по преодолению кризисов должно расширяться, создание новых мощностей должно производиться сообща, дублирование разработок должно сводиться к минимуму (№ 32).

Россия. Об отношении НАТО к России в группе экспертов велись жесткие дискуссии⁹. В новой стратегической концепции в отношении России заявлено, что НАТО не представляет угрозу для России, а напротив, стремится к «настоящему стратегическому партнерству». Сотрудничество НАТО с Россией демонстрирует вклад в построение «общего пространства мира, стабильности и безопасности». Политические консультации и практическое сотрудничество должны осуществляться в областях взаимных интересов, таких, как противоракетная оборона, борьба с терроризмом, наркоторговлей и пиратством, а также содействие широкомасштабной международной безопасности. При этом в полной мере должен использоваться потенциал Совета Россия — НАТО (№ 33–34).

Заслуживает внимания внесение в список общих задач НАТО и России противоракетной обороны. Это, во-первых, означает отказ от запланированной предыдущим президентом США Джорджем Бушем чисто американской противоракетной обороны с размещением в Польше и Чехии, которая подвергалась резкой критике со стороны русских. Во-вторых, противоракетная оборона должна теперь стать аспектом совместной работы с Россией.

В совместной декларации Совета Россия — НАТО (СРН) 20 ноября подчеркивается, что 29 партнеров — 28 государств-членов НАТО и Россия — являются «равноправными партнерами», в противовес прежней формуле — 28 (НАТО) + 1 (Россия). Стороны подчеркнули свою приверженность обязательствам в том, что «громадный потенциал СРН посредством постоянного дальнейшего развития политического диалога и практического сотрудничества на основе равных интересов будет использован в максимальной степени».

На фоне приостановки со стороны НАТО деятельности СРН после войны в Грузии осенью 2008 года — хотя как раз в этот момент заседание СРН было бы в высшей степени необходимо — особенно ценна фраза о том, что «СРН в любое время и при любых проблемах является форумом для политического диалога, даже в том случае, если у нас разная точка зрения» (выделено авт.).

⁹ Член экспертной группы с немецкой стороны, посол Ханс-Фридрих фон Плетц, 22 марта 2011 года в Берлине.

Намерения участников СРН «вести диалог о сотрудничестве в области противоракетной обороны» совпадают. Они согласились дать совместную оценку угрозы от баллистических ракет и оставаться в диалоге по этому вопросу. Кроме того, СРН намерен возобновить совместную работу в области ПРО на театре военных действий. СРН должен также выработать «всеобъемлющий совместный анализ будущих рамок сотрудничества по противоракетной обороне». Первые результаты этого анализа должны быть представлены на заседании министров обороны стран СРН в июне 2011 года.

Прочие программы НАТО по партнерству и сотрудничеству. В этом разделе упоминаются программы НАТО по Евроатлантическому партнерству, Партнерству по поддержанию мира, Средиземноморскому диалогу, углубление сотрудничества в регионе Персидского залива и Стамбульская инициатива сотрудничества. (Совет евроатлантического партнерства (СЕАП) был основан в 1997 году по инициативе США. В него входят 28 стран — членов НАТО и 24 европейские страны, не входящие в НАТО: Австрия, Швейцария, Финляндия, Ирландия, Швеция, Мальта, Кипр, четыре бывшие части Югославии: Сербия, Черногория, Македония, Босния-Герцеговина, а также все 12 стран СНГ, граничащих с НАТО. В Средиземноморский диалог НАТО входят сопредельные государства Средиземноморья¹⁰. Стамбульская инициатива сотрудничества¹¹ образует второй эшелон активности НАТО в Средиземноморском регионе и также имеет целью поддерживать и расширять образованные в результате сотрудничества связи со странами Ближнего Востока, а в особенности устанавливать связи с отдельными членами Совета сотрудничества государств Персидского залива).

В Совете евроатлантического партнерства должны расширяться консультационная работа и практическое сотрудничество в военной сфере. Средиземноморский диалог должен быть углублен и открыт для прочих стран этого региона. Со странами Залива, которые Стамбульская инициатива сотрудничества рассматривает как своих партнеров, должны быть установлены глубокие партнерские взаимоотношения в области безопасности. Должны также развиваться партнерские отношения с Украиной и Грузией (помимо России только эти две страны, не входящие в НАТО, упоминаются поименно в новой стратегии — в рамках комиссий: НАТО — Украина и НАТО — Грузия), с учетом «евро-атлантической ориентации и желания этих государств» (№ 35). При этом дается ссылка на решение саммита НАТО 2008 года в Бухаресте, на котором Украина и Грузия не были включены в план подготовки к членству в НАТО (Membership Action Plan).

Оценка

Новая стратегическая концепция, на которую возлагаются большие надежды, более не является сконцентрированной на Европе, как ее предше-

¹⁰ В Средиземноморском диалоге НАТО (начат в 1994 году) участвуют семь государств: Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Мавритания, Марокко и Тунис. — *Примеч. перев.*

¹¹ Начало Стамбульской инициативы сотрудничества было положено на саммите НАТО в Стамбуле в 2004 году. — *Примеч. перев.*

ственница 1999 года, она определяет роль НАТО в первую очередь в глобализированном мире. НАТО взаимодействует с партнерами в масштабе всей планеты, без учета географических границ¹². В концепции предприняты два изменения структурного характера. Первое касается определения ряда угроз невоенного характера. Второе ограничивает значение военных средств в международной политике безопасности. Это является не последним фактором в возрастающем значении тесного сотрудничества между военными и гражданскими акторами.

В стратегической концепции не приведен ряд важных определений, поскольку, очевидно, не был достигнут консенсус по соответствующей тематике. Эти неопределенности создают почву для потенциальных конфликтов в будущем, и по ним рано или поздно должны быть приняты результирующие решения. Это касается таких проблем, как:

- противоракетная оборона;
- финансирование обороны;
- управление кризисами.

Противоракетная оборона

При работе над вопросом общей противоракетной обороны необходимо иметь в виду, что, вообще говоря, кроме США лишь немногие государства в состоянии использовать в ней национальные способности. В случае ракетного удара на реагирование будет отпущено всего несколько минут. Поэтому «необходимо установление в рамках НАТО общего командования и наделение его согласованными на политическом уровне обязательными правилами принятия решения на пуск противоракет»¹³.

Было бы необходимым также разъяснить положение, связанное с вовлечением России в создание евроПРО. Должны ли существовать две совместимые и координируемые друг с другом системы противоракетной обороны — НАТО и России — для защиты собственных территорий от ракетной атаки при соблюдении принципа автономности механизмов принятия решения? Или должно быть выработано интегрированное решение с общим руководством и контролем, чего хотелось бы России? В декларации, принятой на саммите, НАТО дает понять, что альянс является сторонником варианта с двумя отдельными системами, прежде всего, из-за в высшей степени малого времени предупреждения в случае нападения: «Мы подтверждаем готовность альянса пригласить Россию к совместному углубленному изучению потенциала для объединения наших существующих и планируемых противоракетных систем в подходящее время взаимно выгодными способами» (№ 38).

Германия в споре с Францией не смогла отстоять свою точку зрения в вопросе противоракетной обороны. Немецкое правительство предлагало

¹² Olshausen, Klaus. NATO and its New Strategic Concept. Aspirations and Limitations in a Sphere of Ambiguity. (НАТО и новая стратегическая концепция. Стремления и ограничения в условиях неопределенности.) — Berlin, 2001. Paper des Instituts für Strategie-, Politik-, Sicherheits- und Wirtschaftsberatung). Клаус Ольсхаузен — генерал-лейтенант в отставке, в прошлом — представитель Германии в военных комитетах НАТО и ЕС в Брюсселе.

¹³ См. Richter/Tettweiler a.a.O. С. 8.

интерпретировать противоракетную оборону как начало избавления НАТО от ядерных вооружений. Париж, напротив, хотел закрепить понимание того, что евроПРО служит дополнением к ядерному арсеналу¹⁴.

Финансирование обороны

Ни слова не сказано в новой стратегии о все осложняющейся ситуации с финансированием обороны ввиду экономического и финансового кризиса. Стратегическая концепция требует лишь необходимого финансирования оборонных бюджетов: «Мы будем... поддерживать необходимый уровень расходов на оборону так, чтобы наши вооруженные силы располагали ресурсами в достаточном объеме»¹⁵ (№ 19). Касательно экономии дается лишь упоминание в разделе об отношениях НАТО и ЕС, которое гласит, что при создании военного потенциала необходимо стремиться к более тесной кооперации, исключению дублирования и максимальной эффективности расходов (№ 32).

Управление кризисами

В положениях стратегии о партнерстве НАТО предполагается углубленное сотрудничество с ООН. Однако в разделе об управлении кризисными ситуациями, что входит в число основных задач НАТО, отсутствует четкое положение о том, что применение мер для устранения кризиса возможно только на основании мандата Совета Безопасности ООН.

НАТО вполне может получить проблему на практике при менеджменте кризисных ситуаций, если будет стремиться достичь поставленной цели привлечением гражданских сил. При этом альянс вступает в конкуренцию с ООН и ЕС, не говоря уж о том, что нанять соответствующих специалистов и без того представляет большую проблему.

* * *

В глобализованном мире военный альянс имеет будущее только в том случае, если он уделяет внимание также и угрозам невоенного характера, взаимодействует со странами-партнерами по всему миру без географических ограничений и тесно сотрудничает с гражданскими акторами. Новая стратегическая концепция НАТО обозначает пути для этого, но не более того.

¹⁴ См. Katsioulis a.a.O. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 6.

Владимир КОЗИН

ЕВРОПРО: ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ И УЧАСТИЯ В НЕЙ РОССИИ. ПРОВЕРКА ИСКРЕННОСТИ США И НАТО

В заявлении саммита Совета Россия—НАТО (СРН), состоявшегося 20 ноября 2010 года в Лиссабоне, главы государств и правительств 29 входящих в него стран зафиксировали следующую формулировку: «Мы поручили СРН разработать всеобъемлющий совместный анализ будущих рамочных условий сотрудничества в области противоракетной обороны. Прогресс в работе над этим анализом будет рассмотрен на встрече министров обороны стран — членов СРН в июне 2011 года». Как развивается этот процесс? Что уже достигнуто в этой области?

В португальской столице Россия и НАТО одновременно договорились провести совместную оценку угроз применения баллистических ракет и продолжить диалог в этой области, а также условились, что СРН возобновит сотрудничество по ПРО ТВД, но его форма и сроки претворения в жизнь не оговаривались.

За время, прошедшее после лиссабонского саммита, состоялось несколько встреч экспертов заинтересованных сторон, в том числе на уровне начальников генеральных штабов и послов стран — участниц СРН. В ходе дискуссий были обсуждены лишь первоначальные варианты реализации планов возможного совмещения их интересов по проблеме гипотетического перехвата баллистических ракет с различных направлений, в том числе в отдельных географических зонах или секторах, на чем настаивает Москва, считая, что именно такой способ не позволит одной из сторон подрывать интересы другого участника договоренности.

Проблемы остаются

Переговоры пока не привели к значительным результатам. Да и идут они с трудом, как это публично признают руководители российской делегации. Главная причина такого положения заключается в том, что стороны придерживаются диаметрально различных подходов к урегулированию этой сложной проблемы, не имеющей прецедента своего разрешения в прошлом. Даже взаимодействие в деле создания и отработки элементов ПРО в рамках НАТО осуществляется лишь между небольшой группой ведущих государств — в

основном Великобританией, Испанией, Италией, Нидерландами, Францией и ФРГ.

Среди участников проходящей внутринатовской дискуссии до сих пор не преодолены разногласия относительно того, каким по охвату должен быть создаваемый «противоракетный щит»: быть ли некоей региональной конструкцией, создаваемой с Россией и только прикрывающей европейский континент от Атлантики до Урала, или же он будет представлять собой более широкую трансконтинентальную структуру, простирающуюся над территорией Европы и США одновременно, то есть быть глобальной системой ПРО, охватывающей территорию от канадского Ванкувера до Владивостока, в которой Вашингтон намеревается играть роль «первой скрипки», а России будет уготована функция «второстепенного игрока». А об этом еще говорилось в политическом заявлении, принятом по итогам юбилейного саммита трансатлантического союза в Страсбурге/Келе 4 апреля 2009 года.

Не утихли споры и по другой теме: предусматривать ли в создаваемой совместной системе ПРО потенциальное использование российских ударно-боевых средств или только информационно-разведывательную составляющую? Большинство военно-политического руководства трансатлантического блока до сих пор придерживается точки зрения, что участие нашей страны в создании совместной противоракетной архитектуры необходимо ограничить лишь получением информационно-разведывательных данных. В НАТО заявляют о невозможности развития более широкого сотрудничества с Москвой, ссылаясь при этом на пятую статью Вашингтонского договора о создании НАТО, которая касается вопроса обеспечения коллективной обороны блока по принципу: «один за всех и все за одного». Вспоминают и то, что Россия не является участницей блока.

Генеральный секретарь альянса Андерс Фог Расмуссен, например, прямо заявил в феврале этого года, что НАТО и России не следует создавать технически интегрированную систему ПРО, поскольку это, мол, «было бы довольно сложно». Комментируя сделанное 3 марта 2011 года в Вашингтоне заявление официального представителя альянса Джеймса Аппатурая, согласно которому, альянс «не готов пойти на создание единой с Россией системы ПРО, основанной на секторальном принципе», руководитель блока через три дня на пресс-конференции публично признал: «Это заявление лишь повторяет нашу позицию, принятую еще на саммите НАТО в Лиссабоне».

Андерс Фог Расмуссен считает, что альянс не может поручить кому бы то ни было противоракетную защиту его территории и населения. Из штаб-квартиры блока в Брюсселе звучит лишь единственное пожелание: надо, мол, развивать некую «координацию» или «кооперативный подход» в информационном обмене. Но при этом в Пентагоне не перестают повторять, что российские РЛС ПРО несовместимы с американскими сенсорами. В чем же тогда будет заключаться «сотрудничество» или «кооперация» в деле выстраивания совместной системы ПРО?

Немаловажным фактором является и то, что военно-политическое руководство НАТО не завершило детальную проработку концепции создания совместной системы противоракетной обороны. Пока имеется лишь общее понимание того, что верховные главнокомандующие сторон будут пользоваться

исключительным правом нажатия только своей национальной кнопки «пуск», дающей команду на применение боевых противоракетных средств.

Но проблемы, которые предстоит решить, не ограничиваются только этими препятствиями. Сторонам еще придется урегулировать на самом высшем уровне значительное количество сложных военно-политических, инженерно-технических, финансово-экономических, организационно-штатных и управленческих вопросов¹. В штаб-квартире альянса считают, что решение об участии или неучастии России в системе ПРО будет приниматься после того, как будут урегулированы все эти вопросы.

Есть вероятность того, что страны — участницы НАТО в общих чертах выработают согласованный подход к своей «противоракетной инициативе» только к заседанию министров обороны стран — участниц альянса в июне этого года, которое будет предшествовать встрече руководителей оборонных ведомств стран — участниц СРН, также намеченной на этот месяц.

Взгляд из Вашингтона

Многие высокопоставленные представители американской администрации не перестают отмечать высокое значение реализации предложения США и НАТО о создании системы ПРО вместе с Россией.

Однако как соотносить их слова с тем, что Вашингтон по-прежнему не отказывается от масштабных планов создания собственной глобальной системы ПРО стратегического назначения и в Европе, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе? Так, в январе 2011 года военное командование НАТО запустило первую командно-управленческую структуру ПРО ТВД в Европе, а в марте ВМС США направили в Средиземное море очередной боевой корабль, оснащенный многофункциональной системой ПВО/ПРО «Иджис» (крейсер УРО «Монтерей»), что представляет собой первые конкретные действия Вашингтона по реализации поэтапного плана развертывания национальной американской системы ПРО на европейском континенте и вокруг него. В начале марта этого года готовность Пентагона к установке в Польше новых элементов системы ПРО, которые прикроют американские истребители F-16, также размещаемые в этой стране, подтвердила государственный секретарь США Хиллари Клинтон.

Нынешняя американская администрация по-прежнему считает, что программа «Поэтапный адаптивный подход» о развитии американской системы ПРО в Европе до 2018–2020 годов, провозглашенная Бараком Обамой в сен-

¹ Бывший начальник Главного штаба РВСН генерал-полковник в отставке, профессор Виктор Есин выделяет шесть крупных проблем, стоящих на пути реализации совместной системы ЕвроПРО: расхождения сторон в оценках ракетных угроз, относительно участия сторон в построении этой системы, в определении принципов ее построения и архитектуре; дефицит доверия сторон друг к другу; обеспечение технологической совместимости интегрируемых средств наблюдения и анализа разведывательно-информационной системы создаваемой ЕвроПРО, а в перспективе средств наведения и поражения баллистических ракет, а также необходимость институализации американско-европейского сотрудничества с Россией в обеспечении противоракетной защиты Европы. См. Есин В. Состоится ли проект ЕвроПРО? // Военно-промышленный курьер, № 2, 19 января 2011 года.

тябре 2009 года, дополнит существующие противоракетные средства НАТО, а натовские элементы ПРО, в свою очередь, усилит аналогичные американские компоненты. По словам руководителя Агентства по ПРО США генерал-лейтенанта Патрика О'Рейлли, эта программа позволит «с использованием противоракетных средств Соединенных Штатов Америки и Европы усилить защиту наших друзей, союзников, наших средств передового базирования...», а также «обеспечит более мощный потенциал ПРО для НАТО, укрепит национальную систему ПРО США и будет применима для других театров военных действий по всему земному шару с целью противодействия угрозе использования баллистических ракет»².

При вынесении решения о ратификации Договора СНВ-3 американские сенаторы настойчиво рекомендовали Бараку Обаме не сворачивать реализацию его поэтапного плана о развертывании системы ПРО США в Европе. И он дал им твердое согласие на этот счет: его «Поэтапный адаптивный подход» по ПРО будет реализован в полном объеме, причем с улучшением «количественных и качественных показателей»³.

На создание мощного американского противоракетного «щита» уже запланировано выделение огромных средств. Только на 2011 финансовый год расходы на различные программы ПРО США составят: 9,9 млрд долл. на модернизацию континентальной системы ПРО (что на 700 млн долл. больше, чем в прошлом финансовом году); 2,7 млрд — на региональную систему ПРО (модернизацию системы ПВО/ПРО «Иджис», тактической системы ПРО и ракет-перехватчиков SM-3); 1 млрд — на реализацию поэтапного плана размещения ПРО в Европе и создание командно-штабного центра управления противоракетными средствами нового поколения, а также еще 1 млрд долл. — на обслуживание противоракетной инфраструктуры⁴.

В целом же средства на эти цели в ближайшее десятилетие превысят 150 млрд долл. Это позволит США совершить прорыв в сфере развертывания глобальной противоракетной структуры, которая прикроет остающееся после сокращений по пражскому Договору СНВ-3 еще значительное количество их стратегических наступательных ядерных вооружений⁵. На их модернизацию будет израсходовано еще свыше 85 млрд долл. Страны — члены НАТО уже вложили 1,1 млрд долл. на разработку и создание собственной «Активной эшелонированной системы ПРО ТВД», действующей с марта 2005 года. Но и она потребует еще дополнительных ассигнований.

Вполне очевидно, что потенциальное создание совместной системы ПРО в Европе с участием США, России и ряда стран — членов НАТО может перевести наши отношения со странами Запада из разряда связей «стратегического партнерства» в отношения «стратегических союзников», ведь хорошо известно, что противники таких чувствительных систем не создают.

² Patrick J.O'Reilly, Lieutenant General, Director, US Missile Defense Agency. Statement before the Senate Armed Services Committee. 24 September 2009, Washington, 2009, p.1.

³ Barack Obama. Message from the President on the New Start Treaty to the Senate of the United States. The White House, Washington, 2 February 2011, p. 2.

⁴ Investments in Ballistic Missile Defense. Fact Sheet. Bureau of Arms Control, Verification and Compliance. Washington, 13 December 2010, p.1.

⁵ Казимиров В. Глобальная ПРО: с кем и против кого? // Красная звезда, 1 апреля 2011 года.

Проверкой искренности инициативы США и их союзников по НАТО реализовать на паритетных началах амбициозный проект создания ЕвроПРО совместно с нашей страной может быть:

- «отказ от развертывания национальной американской противоракетной системы вблизи от границ с Россией в странах Восточной и Южной Европы;
- «отказ от применения ядерного оружия США и НАТО против России в первом ударе;
- «пересмотр наступательных военно-стратегических планов НАТО с использованием ядерных и обычных видов вооружений в отношении России;
- «отказ от развертывания ударных космических вооружений (противоспутниковых систем) и ударно-боевых средств ПРО США и их союзников в космическом пространстве.

Раз уж в Белом доме хотят видеть Российскую Федерацию в качестве «стратегического союзника», то разве не логично ведущим странам — членам НАТО во главе с США отказаться от столь дестабилизирующих военно-политических схем?

С их стороны также потребуются разъяснения и по так называемому «списку Расмуссена» — составленному генеральным секретарем НАТО реестру из 30 стран, располагающих потенциалом создания и запуска баллистических ракет, против которых должна быть задействована американско-натовская система ПРО. Иран и КНДР уже давно были названы в этом списке. Кто же остальные государства, против которых должна создаваться совместная система ПРО? Это — не праздный вопрос.

Подход Москвы

В вопросе возможного создания совместной системы ПРО российская сторона исходит из того, что эта структура должна быть смонтирована только как «европейская система противоракетной обороны». В частности, об этом прямо говорится в указе президента Дмитрия Медведева о назначении постоянного представителя России при Организации Североатлантического договора своим специальным представителем по вопросам взаимодействия с альянсом в области ПРО. Термин «европейская система противоракетной обороны» употреблен и в распоряжении главы российского государства относительно создания Межведомственной группы при кремлевской Администрации по вопросам взаимодействия с НАТО в противоракетной сфере. Оба документа были подписаны и вступили в силу 18 февраля этого года.

Некоторые российские эксперты и представители академических кругов высказывают мнение, что предстоящее развертывание системы ПРО США в Восточной и Южной Европе не представляет никакой угрозы стратегическим ядерным силам (СЯС) Российской Федерации. Они также утверждают, что Пентагон вообще не создает глобальную систему ПРО, а ограничивается лишь ее региональными проектами. Так ли это?

Действительно, в настоящее время американская система ЕвроПРО в ее нынешнем виде вряд ли представляет непосредственную угрозу для СЯС России. А в перспективе? В перспективе представит, ведь «Поэтапный адаптивный план» развертывания системы ПРО США в Восточной и Южной Европе,

провозглашенный Бараком Обамой в сентябре 2009 года, еще не закончился, а только начал. Напомним, что он предусматривает размещение ударно-боевых и информационно-разведывательных средств США в четыре этапа в ряде европейских государств, а его конечный срок реализации определен 2020 годом.

Примечательно, что на третьем и четвертом этапе его претворения в жизнь (2018 и 2020 годы), а возможно, и раньше, размещенные в этих частях европейского континента американские ракеты-перехватчики близ границ нашей страны будут способны перехватывать и уничтожать как раз российские МБР наземного базирования. Это вытекает из признаний руководителя Агентства по ПРО США генерал-лейтенанта Патрика О'Рейлли, который заявлял в Конгрессе, что ракеты-перехватчики SM-3 Block IIА, которые будут использоваться «для защиты всей Европы» и смогут сбивать баллистические ракеты «за многие сотни километров», появятся на европейском континенте к 2018 году, а в 2020 году на нем будут установлены еще и перспективные ракеты-перехватчики SM-3 Block IIВ, способные уничтожить не только тактические, но и стратегические МБР.

Кроме того, следует учитывать еще одно крайне принципиальное обстоятельство: противоракетный план Барака Обамы не будет ограничен только четырьмя заявленными этапами. Применительно к Европе будет осуществлен новый проект с дополнительными фазами развертывания еще более мощных и высокоэффективных средств ПРО. Об этом уже всерьез поговаривают в Вашингтоне.

При формулировании своей точки зрения на монтаж совместной системы ПРО в Европе Москва неизменно исходит из того, что столь ответственная оборонительная структура не должна создавать препятствий для конструктивного и взаимовыгодного развития отношений между Россией и НАТО, а также угрозу российским СЯС. Почему только «российским стратегическим ядерным силам»? Да по той причине, что Москва не размещает и не собирается размещать свою национальную систему ПРО у рубежей США, в то время как последние не намерены отказываться от своих планов по развертыванию и третьего, и четвертого позиционных районов системы ПРО недалеко от границ с нашей страной.

Причем в вопросе предоставления гарантий безопасности российским СЯС Россию интересуют не устные заверения, как это было сделано со стороны США в недалеком прошлом в отношении отказа от расширения НАТО в восточном направлении. Требуются письменные политико-юридические обязательства о том, что планируемая к развертыванию в указанных регионах Европы система ПРО не будет направлена против национальной безопасности России и ее оборонного потенциала. Такие гарантии нужно оформить в самом начале выхода на договоренность о создании совместной противоракетной системы, не дожидаясь реализации конечных этапов развертывания элементов ПРО США в Европе. Нельзя забывать, что и тактическая, и стратегическая системы ПРО — это солидная составная часть военной машины США, они располагают крупнейшим силовым потенциалом. Не вызывает сомнения, что и американская европейская, и глобальная системы ПРО будут использованы в тесном взаимодействии с СНВ США, Великобритании и Франции, а также с ТЯО США и НАТО в Европе.

Принципиально важно сделать и так, чтобы совместная «ЕвроПРО» не вызвала беспокойства у третьих стран, в частности, у Индии и КНР, имеющих ядерные и противоракетные средства, и с которыми Россия поддерживает тесные военно-политические связи. Крайне актуально добиться того, чтобы создание такой системы вообще не привело к гонке наступательных ядерных и противоракетных вооружений в глобальном масштабе, к какому-то новому «Кубинскому противоракетному кризису». Кооперация в области ПРО должна быть открытой и понятной для всех будущих «противоракетных партнеров», навсегда оставаться только равной и равноправной, а не предусматривать деление на «первостепенных или второстепенных игроков».

Планируемая система должна иметь прочные связи взаимного управления и действовать в условиях реального времени, иначе страны НАТО во главе с США будут принимать важные решения стратегического характера на применение противоракетных систем без участия России, что может привести к опасным последствиям для дела мира и глобальной безопасности. Заинтересованные государства должны иметь постоянно действующий канал надежной связи между высшим военно-политическим руководством с целью устранения озабоченностей, которые могут возникать при использовании общих элементов ПРО.

Очевидно, что должны быть созданы два постоянно действующих органа оперативного взаимодействия сторон: военно-технический штаб в виде Единого российско-европейского центра обнаружения и контроля за полетом запускаемых баллистических ракет, а также военно-политическая структура, например, Единый российско-европейский центр принятия ответственных военно-политических решений на применение противоракетных средств. Разумеется, все ударно-боевые и информационно-разведывательные средства сторон должны находиться под их полным военным и политическим контролем и применяться по обоюдному согласию. Конечно же, каждая сторона имела бы право самостоятельного использования национальных противоракетных средств каждой стороной — в зависимости от развития стратегической ситуации в мире и появления ракетных угроз.

Какие же объективные препятствия стоят на пути создания ЕвроПРО?

Во-первых, наша страна не является членом НАТО и не относится к числу военных союзников США и их ближайших партнеров по альянсу, да и не стремится в него. Во-вторых, сомнительно, что США и их «привилегированные» союзники по трансатлантическому блоку поделятся самыми сокровенными секретами по ПРО с Россией, если учесть, что они предпочитают скрывать их от многих других членов альянса. В-третьих, по выступлениям высокопоставленных западных представителей уже сейчас видно, что в создаваемой ЕвроПРО (или ПРО НАТО в Европе) России будет уготована только роль поставщика информации, не принимающего никакого участия в принятии стратегически важных решений на применение противоракетных средств. В-четвертых, для решения проблемы создания совместной ЕвроПРО потребуются решить огромное количество проблем военно-политического, инженерно-технического, финансового и кадрового характера, к рассмотрению которых руководство США и ведущих стран — членов Североатлантического союза пока явно не готово, а ограничивается только рассуждениями общего порядка. В-пятых,

возможное приглашение нашей страны в «противоракетный клуб» Запада к 2020 году, то есть к моменту полномасштабного развертывания системы ПРО США и НАТО в Европе около границ с Россией, выглядит крайне сомнительным. В-шестых, наблюдается неготовность представления России со стороны США твердых гарантий неприменения ядерного оружия против нее в первом ударе, а также солидных гарантий неиспользования американско-натовских средств ПРО против российских СЯС.

Все это вызывает больше подозрений, чем уверенности в развитии равноправного партнерства в этой сверхчувствительной сфере.

В своей окончательной конфигурации вся эта наземная, морская и воздушная, а со временем и космическая структура глобальной системы ПРО ведущих стран Запада, будет представлять собой многоуровневую совокупность систем перехвата баллистических ракет на малых и больших высотах, включать средства дальнего радиолокационного обнаружения и радиолокационные средства ближнего радиуса действия, структуры управления боевыми действиями, командования, управления войсками, связи и разведки (сокращенно на английском ВМСЗІ), а также различные ракеты-перехватчики, дальность стрельбы которых будет постепенно наращиваться.

Возможное вхождение России в совместную систему ЕвроПРО неизбежно приведет к ее участию в глобальной структуре ПРО ведущих стран Запада, поскольку первая структура органически связана со второй и входит в нее в качестве составной части. Не приведет ли все это к радикальным изменениям в военно-стратегической обстановке в мире?

Реальная политика и конкретные дела США и их ближайших союзников по НАТО в области совершенствования тактической и стратегической систем ПРО, модернизации стратегических наступательных и тактических ядерных вооружений, а также в сфере наращивания обычных и развертывания космических вооружений, должны находиться под неослабным вниманием российских военно-политических, научно-исследовательских и общественных кругов.

В упоминавшемся выше распоряжении президента Российской Федерации о создании Межведомственной рабочей группы по взаимодействию с Североатлантическим альянсом в области ПРО одним из приоритетных направлений ее деятельности определена подготовка предложений о конкретных направлениях такого взаимодействия «в целях обеспечения интересов Российской Федерации при создании европейской системы противоракетной обороны».

Именно национальные интересы Российской Федерации должны оставаться определяющим фактором как при сокращении и ограничении различных видов вооружений, так и при налаживании возможного межгосударственного взаимодействия в области развития и совершенствования оборонительных противоракетных систем. Структура ЕвроПРО с участием России и НАТО должна также создаваться исключительно на основе принципа равенства и одинаковой безопасности всех сторон, которые будут участвовать в этом грандиозном проекте.

Максим БРАТЕРСКИЙ

ПОДЪЕМ ИРАНА?

На первом плане среди внешнеполитических приоритетов Ирана стоит обеспечение безопасности, укрепление собственных политических позиций в районе Залива и выход из относительной международной изоляции, возникшей вокруг него в результате международных санкций. Сегодня сложилась ситуация, когда арабский мир нужен Ирану больше, чем сам Иран арабскому миру. Вместе с тем, сохраняется ситуация, когда нежелание Ирана идти на существенные уступки и твердое намерение выстраивать отношения с арабскими соседями на своих условиях усиливают неравномерность и хаотичность ирано-арабских отношений. Эта хаотичность транслируется и на отношения Ирана со своими крупными соседями и единственной сохранившейся сверхдержавой мира.

В ряде внешнеполитических вопросов Иран по-прежнему проводит весьма напористую агрессивную политику, что видно из его позиций как в международных, так и в региональных делах. Консервативное иранское духовенство, находящееся сегодня у власти, продолжает декларировать лозунг «Смерть Америке» и оказывать поддержку экстремистским организациям, среди которых и шиитская «Хезболла», и суннитский «Хамас». Иран по-прежнему не признаёт права государства Израиль на существование. Тем не менее, логика экономического и политического развития требует от Ирана развития отношений с Западом, причём как с США, так и с ЕС, так как именно эти игроки (за исключением Японии и Южной Кореи, возможно) являются источниками получения современных технологий для топливно-энергетического комплекса страны. Эти же страны являются крупнейшими потенциальными инвесторами в экономику Ирана.

Иран и США — идеологическая несовместимость

Все последние администрации США действовали и действуют в отношении Ирана в рамках внешнеполитической идеологии, разработанной еще при администрации Б. Клинтона, которая, в свою очередь, продолжила развитие обозначившейся во внешней политике США линии на более активное вмешательство во внутренние процессы, происходившие в зарубежных странах. Последним серьезным шагом в развитии понимания Соединенными Штатами

природы угроз, исходящих от «стран-изгоев», в частности, Ирана, стало принятие в 2002 г. новой Стратегии национальной безопасности США. Мировой терроризм и поддерживающие его режимы (в американском понимании — «страны-изгои») были признаны в этом документе главной и непосредственной угрозой безопасности Соединенных Штатов; были уточнены признаки, по которым США причисляют страны к категории «изгоев». Это те страны, кото-
рые:

- жестоко обращаются со своим собственным народом и расточительно тратят национальные ресурсы в личных интересах правящей верхушки;
- демонстрируют неуважение к международному праву, угрожают своим соседям и грубо нарушают подписанные ими договоры;
- настойчиво пытаются овладеть оружием массового уничтожения и современными военными технологиями, с тем чтобы использовать их для угроз и агрессии в процессе достижения своих целей;
- поддерживают терроризм по всему миру;
- отвергают основные человеческие ценности, ненавидят США и все, что они представляют.

Основные угрозы своим национальным интересам Соединенные Штаты и сегодня видят в действиях репрессивных режимов, которые пытаются повысить свой международный статус силовыми методами, добиваются доступа к оружию массового уничтожения, грабят свои народы для личного обогащения, развертывания новых военных программ и осуществления внешнеполитических авантюр. В условиях роста глобальной взаимозависимости США теперь рассматривают как угрозу международной стабильности, а следовательно, своим интересам, также потерю управляемости внутренними процессами в отдельных странах мира, что превращает последние в рассадник терроризма и преступности, приводит к внутренним конфликтам, генерирует гуманитарные катастрофы.

Эти соображения стоят в основе политики США в отношении Ирана и сегодня, а проблема иранской ядерной программы является от них производной — ведь в США никого не беспокоит доказанное наличие ядерного оружия у Израиля и Индии, например?

Иран в Персидском (Арабском?) заливе

Традиционный приоритет внешней политики Ирана — укрепление своих политических и экономических позиций в Персидском заливе. Вместе с тем, это и одна из сложнейших задач для Исламской Республики. ИРИ — крупнейшее государство региона, исторически Иран всегда боролся за доминирование в регионе, но сегодня он вынужден искать компромиссы со своими соседями как в военно-политической, так и в экономической области.

Одна из важнейших задач Исламской Республики — укрепление своего военного потенциала. Это понимание существенно укрепилось после череды крупных военных конфликтов последних десятилетий. В регион пришло осознание того, что никто не застрахован от того, чтобы «быть следующим», и единственная гарантия от такого развития событий — собственные мощные вооруженные силы, а желательно еще и ядерное оружие. Исходя из своего

опыта и опыта соседей по региону, Исламская Республика категорически против присутствия американских и английских войск в Персидском заливе. Безопасность региона, с её точки зрения, должна быть обеспечена исключительно силами прибрежных государств и с обязательным участием Ирана.

Такая постановка вопроса, в свою очередь, ведет к другой проблеме — нарушению внутрорегионального баланса сил и вооружений. Активное усиление Ирана вызывает недовольство членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). По их мнению, Иран стремится стать региональной сверхдержавой. При заключении договора о региональной безопасности роль ИРИ, учитывая её военный, экономический и людской потенциал, будет настолько велика, что станет нежелательной и даже опасной для других государств Персидского залива, и в первую очередь для Саудовской Аравии, которая сама стремится играть роль регионального лидера. Исходя из этого, Ирану постоянно отказывается во вступлении в ССАГПЗ и в другие объединения арабских государств. Арабские монархии Персидского залива (Саудовская Аравия, Кувейт, Оман, ОАЭ, Бахрейн и Катар) опасаются мощного соседа и пытаются изолировать ИРИ, тем более, что страны ССАГПЗ — союзники США.

На сегодняшний день экономическую инициативу в Персидском заливе перехватил его арабский берег и продолжает развивать свой интеграционный блок. ССАГПЗ включает шесть стран: Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Бахрейн, Катар и Оман. В декабре прошлого года в Кувейте состоялся саммит ССАГПЗ, давший старт целому ряду интеграционных проектов в регионе: формированию валютного союза, созданию коллективных сил быстрого реагирования (без Ирана, естественно), созданию единой энергетической системы и крупным железнодорожным проектам.

Валютный союз уже создается. На нынешнем этапе четыре страны (ОАЭ и Оман пока воздержались от участия в этой инициативе) формируют Монетарный совет ССАГПЗ, который постепенно трансформируется в Центральный Банк с соответствующими полномочиями. В обозримом будущем планируется ввести и единую валюту. К середине 2011 года планируется объединить энергетические системы стран-участниц, стоимость проекта оценивается в 1,6 млрд долл. В 2012 году в рамках ССАГПЗ намечено построить скоростную железную дорогу, которая соединит все шесть стран.

Из отмеченного видно, что Персидский залив интегрируется без участия Ирана.

Тем не менее, трудности во взаимоотношениях Ирана с арабскими монархиями Персидского залива вовсе не означают тупика для Ирана на этом важнейшем для него направлении. В центре взаимоотношений Ирана с арабскими монархиями находятся ирано-саудовские отношения. С одной стороны, постоянное соперничество Тегерана и Эр-Рияда, использование ими в своих интересах региональных экстремистских структур, несомненно, накаляют обстановку в Заливе. С другой, именно конкуренция между региональными центрами силы сохраняет «статус-кво», поддерживает региональную стабильность в целом, поскольку не позволяет ни одной из сторон возвыситься и стать региональным гегемоном.

Иран на Большом Ближнем Востоке

Главными союзниками Ирана в арабском мире по-прежнему остаются Сирия и Ливан. В какой-то степени к друзьям Ирана можно отнести и Судан. Для Сирийской Арабской Республики (САР) чрезвычайно важна финансовая помощь Ирана и, главное, поддержка Тегераном сирийских позиций в Ливане. Следует также принять во внимание, что Сирия является единственной арабской страной, в которой у власти находятся шииты. Это определяет совершенно уникальный характер ирано-сирийских отношений, поскольку именно «особые» отношения с шиитским Ираном позволяют алавитскому руководству в Сирии удерживаться у власти. Постоянные попытки Ирана усилить своё присутствие в Сирии и стремление Исламской Республики влиять на внутривнутриполитическую ситуацию в стране вызывают опасения сирийского руководства.

Говоря об Ираке — стране, которая всегда считалась ключевым арабским государством Ближнего Востока, следует отметить следующее. Иран был первым государством, кто официально признал Временный управляющий совет Ирака (ВУСИ) после свержения Саддама Хусейна. Сегодня позиции Ирана в Ираке подорваны американским присутствием ИРИ, будучи шиитской державой, до сих пор оказывает громадное влияние на иракских шиитов, составляющих 60% населения страны. Возможно, после окончательного ухода американцев из Ирака именно Иран сможет стать самой действенной стабилизирующей силой в стране. В такой перспективе ослабление иранского влияния в Ираке следует рассматривать как временное, и будущее укрепление позиций ИРИ в соседнем Ираке видится неизбежным в силу неспособности внутренних сил урегулировать ситуацию самостоятельно.

Самым болезненным и неприемлемым для международного сообщества аспектом иранской политики является отношение Ирана к государству Израиль. Иран не признает за Израилем права на существование, и такое неприятие составляет основу всего палестинского направления ближневосточной политики Тегерана. По этой причине Исламская Республика торпедировала международный проект урегулирования израильско-палестинского кризиса «Дорожная карта», разработанный Россией, США, Европейским союзом и ООН. Позиция Ирана состоит в том, что разблокирование ближневосточного мирного процесса может привести к изменению баланса сил в регионе не в пользу ИРИ. Иран заинтересован в том, чтобы, с одной стороны, не дать изолировать себя от участия в важнейших процессах на Ближнем Востоке (в том числе и от участия в палестинской проблеме), с другой — постоянно усиливать свое присутствие в регионе. Тегеран продолжает поддерживать исламское сопротивление на юге Ливана и в Палестине, что является, по сути, его главным методом проведения своего влияния в регионе. Смягчение бескомпромиссной позиции Исламской Республики по этой принципиальной проблеме в обозримой перспективе представляется невозможным.

Иран и крупные соседи по региону: Индия, Пакистан, Россия

Середина 2000-х годов характерна усложнением системы отношений между тремя новыми региональными державами — Индией, Пакистаном и

Ираном — и превращением ее в сложный комплекс связей, характеризующихся как сотрудничеством, так и соперничеством.

Учитывая развитие событий в регионе, Тегеран обратил большее внимание на отношения со своими соседями на Востоке. С одной стороны, он пытается компенсировать американское военное присутствие в Ираке и Афганистане улучшением отношений с Индией и Пакистаном, с другой — развивает связи с Китаем и Россией.

Исторически ирано-пакистанские отношения полны противоречий. До конца 1970-х годов Иран и Пакистан поддерживали хорошие отношения, входили в один военный блок и выступали в «холодной войне» на одной стороне. Эти отношения, однако, были нарушены антишахской революцией в Иране в 1979 году, когда на первый план в отношениях двух стран вышли противоречия.

Обе страны, и Иран, и Пакистан, исламские, однако Иран является в основном шиитской страной, а Пакистан — суннитской. С приходом к власти в Пакистане генерала Зия-уль-Хака Пакистан сделал акцент на исламизации внутренней жизни и внешней политики страны. С точки зрения Ирана, однако, пакистанская политика отражала лишь специфическое суннитское видение проблем и была неприемлема для шиитов. В Пакистане и в прилегающих территориях рос суннитский экстремизм, и обеспокоенный Иран стал, в свою очередь, экспортировать шиитский экстремизм, чтобы сбалансировать рост влияния суннизма в регионе. Обострившиеся взаимоотношения между соседями еще более ухудшились с началом войны в Афганистане. Иранский режим абсолютно не устраивала политика Зия-уль-Хака, который стал проводником американского военно-политического присутствия в Пакистане и Афганистане, но в той же степени Тегеран противился и военному присутствию СССР в Афганистане.

Иран вооружал и поддерживал шиитские партизанские отряды, воевавшие против СССР, и сохранил с ними связи и после вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. Приход к власти в Афганистане суннитского «Талибана» еще более усилил подозрения Ирана по поводу растущего влияния Пакистана в регионе и обострил отношения между Ираном и Пакистаном.

Иран, Индия (и Россия) поддерживали во внутриафганском конфликте Северный альянс, что еще более укрепило Пакистан в его антииранской политике. В свою очередь, Иран был крайне возмущен тем, что Пакистан не предпринял никаких мер с тем, чтобы предотвратить убийство талибами группы иранских дипломатов в г. Мазари-Шарифе в 1998 году.

После свержения в Афганистане режима талибов и пересмотра Пакистаном своей проталибской политики в ирано-пакистанских отношениях появились элементы сотрудничества (были проведены совместные военно-морские учения, две страны поддерживают проект газопровода из Ирана в Индию через территорию Пакистана), но элементы соперничества все же преобладают. Иран обвиняет Пакистан в американском военном присутствии в Афганистане и в Средней Азии, подозревает его в сотрудничестве с США, направленном против Ирана. Пакистан, в свою очередь, видит руку Ирана в постоянных беспорядках в провинции Белуджистан. Несмотря на отдельные элементы сотрудничества, Иран и Пакистан являются соперниками в течение десятилетий, и в этом контексте весьма трудно объяснить пакистанско-иранское ядер-

ное сотрудничество — имеется в виду передача главой пакистанского ядерного проекта Абдул Кадир Ханом технологии обогащения урана Ирану в 1980–1990-х годах. Не исключено, что объяснение этому сотрудничеству следует искать самое простое: Иран был готов заплатить большие деньги за технологии обогащения, а пакистанские военные хотели заработать и «наказать» США за то, что те прекратили сотрудничество с Пакистаном после вывода советских войск из Афганистана.

Ситуация в регионе существенно зависит также от политики Индии и КНР. В последние годы Индия кардинально улучшила свои отношения с Пекином, выйдя на уровень «стратегических отношений». Страны приступили к разрешению своего давнего территориального конфликта и поставили целью существенно увеличить товарооборот — в 2010 году на Китай приходится уже половина внешней торговли Индии.

Пакистан, обеспокоенный индийско-китайским сближением, поспешил обновить свои давние дружеские отношения с КНР. Исторически Пакистан и КНР рассматривали друг друга как союзников в противостоянии Индии в Южной Азии, Пакистан получил от КНР конструкцию атомной бомбы, КНР строит в Пакистане объекты ядерной энергетики. В то же время в Исламабаде посчитали, что пакистанско-китайским отношениям требуется новый импульс, и заключили в 2005 году с КНР Договор о дружбе, а также начали с Китаем переговоры о создании совместной зоны свободной торговли.

Иран также настроился на развитие отношений с КНР. Пекин удовлетворяет 13,6% своих потребностей в энергии за счет поставок из Ирана и предполагает увеличить эту долю в результате новых договоренностей. Пекин и Тегеран подписали предварительное соглашение, оцениваемое в сумму от 70 до 100 млрд долл., согласно которому КНР будет покупать иранские нефть и газ, а также примет участие в освоении Ядавранского месторождения на границе с Ираком. Ранее КНР обязалась закупить в Иране в течение 25 лет сжиженного газа на сумму в 25 млрд долл. В обмен КНР поставляет в Иран промышленные товары. КНР — ценный для Ирана политический партнер, так как является членом СБ ООН и эффективно противостоит антииранским резолюциям, инициируемым Вашингтоном.

Другим направлением укрепления диалога в регионе является сотрудничество между Индией и Ираном. Обе страны разделяют общий взгляд на проблемы политики в Средней Азии и активно сотрудничают в энергетической сфере. В январе 2005 года государственная индийская компания Indian Oil Corp заключила договор с иранской Petropars о развитии гигантского газового месторождения Южный Парс. В то же время Индия сотрудничает с Ираном в обеспечении безопасности судоходства в Персидском заливе и расширяет иранский порт Чахбабар. Последнее сильно раздражает Пакистан, который также пытается превратить свой соседний порт Гвадар в региональный перевалочный пункт.

Иран и Индия в настоящий момент заняты осуществлением проекта строительства крупнейшего газопровода из Ирана в Индию через территорию Пакистана. Данный проект стоимостью в 4,5 млрд долл. может существенно укрепить отношения между тремя региональными державами и предложить больше экономических стимулов для укрепления сотрудничества. Госсекре-

тарь К. Райс отмечала, что Вашингтон беспокоит этот проект. Индия не принимает критику США и продолжает двигаться в направлении осуществления проекта. Между Индией и Ираном существуют и некоторые военные связи — в марте 2003 года двумя странами были проведены совместные военно-морские учения, Иран заинтересован в помощи Индии в обслуживании своего военно-морского и авиационного оборудования. В то же время основную массу военных закупок Иран делает в КНР.

Укрепление отношений между Ираном и Индией беспокоят не только Исламабад и Вашингтон, но и Тель-Авив. И, наконец, Пакистан также рассматривает индийско-иранское сближение как угрозу.

В перспективе развития отношений в этом сложном регионе можно ожидать дальнейшее сближение Ирана с КНР, Индией и Россией и дальнейшее укрепление связей между Исламабадом и Вашингтоном. В то же время, с относительным ослаблением значимости афганской проблематики в региональных делах, значение Пакистана в глазах США будет падать, а важность Ирана в мире — расти. Будущая роль Ирана будет зависеть от множества факторов, в том числе от того, насколько быстро энергоресурсы Каспия будут представлены на мировом рынке.

Иран и ШОС: попытка выйти из международной изоляции

Четыре года назад Иран был принят в Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве наблюдателя. С одной стороны, он надеялся заручиться поддержкой влиятельных членов организации перед лицом Запада, с другой — его связывали с Россией и КНР многочисленные интересы в области энергетики. Ирану также импонировала возможность стать членом объединения, почти открыто выступающего против американского присутствия в Средней Азии¹. Иран был настроен на полное членство, но в начале 2010 года на саммите ШОС министр иностранных дел Лавров сказал, что это невозможно, пока Иран находится под режимом международных санкций.

Чем Иран может быть полезен для ШОС? С включением Ирана в ШОС организация превращается в крупнейший в мире энергетический кооператив по производству и потреблению энергии. Общие запасы ШОС составили бы половину мирового газа и 18% мировой нефти². КНР и Россия получили бы еще более открытый доступ к инвестициям в Иран (КНР — в нефть и газ, Россия — в атомную энергетику). У ШОС появилась бы и новая роль в области стратегии: она стала бы стратегическим альянсом, эффективно препятствующим дальнейшему продвижению Запада на Восток в лице США и НАТО. Следует отметить, что такая линия органично вписалась бы во внешнюю политику Ирана: столкнувшись с ясными пределами расширения своего присутствия на «Западе», последние годы иранская официальная линия все чаще говорит о «повороте на Восток»³. Вступление в ШОС очень важно для Ирана. Оно

¹ Grand Ambitions, The Economist: Business China, 3 July 2006, EBSCOhost MegaFILE, p. 1.

² «Iran», CIA World Factbook. — URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html>

³ Brummer, The Shanghai Cooperation Organization. — P. 192.

означает прорыв международной изоляции, членский билет в клуб стран, где Иран не будут критиковать за характер его внутреннего режима, определенные (непрямые) гарантии безопасности, доступ к инвестициям и партнерам, которым Иран может доверять.

Несмотря на сильное желание Ирана, процесс интеграции Ирана в организацию затормозился. Причины этого достаточно очевидны: многие члены ШОС не согласны с методами проведения Ираном своей внешней политики, не приемлют его агрессивность и не желают видеть Иран ядерной державой. Можно утверждать, что отказ в полноправном членстве в ШОС стал для Ирана частью международных санкций, но санкций относительно дружеских — с обещанием не просто отменить репрессалии в случае «исправления поведения» Ирана, а обещанием вполне осязаемых благ и интересных перспектив.

* * *

Кризис вокруг Ирана пока сконцентрирован на его ядерной программе, но это единственное, в чем международное сообщество более или менее едино. Пока работа идет через механизмы ООН и «шестерку», и в отсутствие прогресса на переговорах с Ираном следующим логическим шагом будет дальнейшее усиление международных экономических санкций против Ирана. Серьезного давления на Иран путем экономических санкций оказать не удастся, что объясняется, по крайней мере, тремя причинами. Во-первых, ни Россия, ни КНР не поддержат по-настоящему жестких санкций против Ирана (во всяком случае, сразу); во-вторых, Западная Европа не готова сократить потребление иранской нефти и провести пару-тройку холодных зим, альтернативная же политика энергопотребления, которая сделает Европу еще более зависимой от российских поставок, также не очень устраивает Париж и Берлин. И, наконец, даже в режиме официальных санкций, как это было во время ирано-иракской войны, или неявных санкций со стороны Запада в конце 1990–2000-х годов, Иран продемонстрировал умение не только использовать разного рода лазейки и экспортировать свою нефть через третьи страны, но и способность разрабатывать современные системы оружия (ракетные системы, торпеды, собственный боевой самолет).

Представляется вполне вероятным, что решение о принципиальных шагах в отношении Ирана будет отложено нынешней администрацией Белого дома на будущее и будет зависеть не только от ситуации с иранской ядерной программой, ситуацией в Ираке и Афганистане, но и от внутривосточного расклада, который сложится в США. Обама может отказаться от принятия некоего принципиального решения и оставить американской администрации свободу рук в иранском вопросе. Такое положение откроет определенное «окно возможностей» в американо-иранских отношениях и поставит США и «шестерку» перед принципиальным выбором: либо продолжать силовую политику в отношении Ирана, либо последовать древнему совету: «если ты не можешь уничтожить врага, договорись с ним».

И в Вашингтоне, и в западноевропейских столицах сегодня укрепляется точка зрения, согласно которой Иран своей ядерной программой преследует вполне определенную политическую цель и на самом деле требует признания

себя важнейшей региональной державой Персидского залива. Ядерное оружие в данном контексте используется как инструмент, и, возможно, Иран согласится обменять свою ядерную программу (или, скорее, как-то ограничить ее) на признание себя реальным центром силы региона со стороны ведущих мировых держав. Требование Ирана — весьма амбициозно, и принять его Западу, особенно Соединенным Штатам, будет очень нелегко, так как такой поворот американской политики потребует коренного пересмотра американской стратегии в регионе и перетасовки практически всей системы союзнических отношений на Большом Ближнем Востоке — прежде всего отношений с Израилем и Саудовской Аравией. Будет поставлен крест на итогах всей политики США в регионе после окончания «холодной войны», придется выдвинуть принципиально новый внешнеполитический проект. Предположить, что Америка уже готова вычеркнуть из истории пятнадцать лет своего владычества в Персидском заливе и уступить свою роль региональным державам, пока трудно.

Такой поворот возможен лишь в условиях наступления новой волны изоляционизма в американской внешней политике и отступления США с завоеванных в «холодной войне» рубежей.

Валерий БОНДАРЕНКО (Белоруссия)

РОССИЯ — БЕЛАРУСЬ: УРОКИ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Строительство Союзного государства (СГ) Беларуси и России, как принято считать, «затягивается». Но при любых оценках и прогнозах этот непростой процесс имеет серьезное обучающее значение, причем не только для двусторонних отношений.

Характеристику сегодняшнего состояния белорусско-российских отношений многие могли бы начать сакраментальной фразой: «Отношения России и Беларуси «словно капля воды» отражают основные достижения и промахи российской геополитики и геоэкономики». Возможно, именно в этом главный урок. Теперь по порядку, по основным «предметам».

1. Уроки правоведения: «Кто неправильно застегнул первую пуговицу, уже не застегнется, как следует». (И.В.Гете).

2. Уроки новейшей истории: «Основной инстинкт Запада — вытеснение России».

3. Уроки новейшей экономической истории: «О вреде и пользе кремлевской диеты: мухи и котлеты отдельно».

4. Уроки историософии: «О роли личности в истории» и «Феномен недогвороспособности».

5. Уроки геополитики: «Логика «холодной войны» за постсоветское пространство» и «Ссоры с Кремлем как средство понравиться Западу».

6. Уроки политтехнологий в геополитике и в геоэкономике: «Россия — щедрая душа», Запад — «дешево, но сердито».

7. Уроки «public relations (PR)» или связи с общественностью: «Будь проще — и к тебе потянутся люди, включая электорат».

8. Факультатив по обществоведению: «Заработать в России — и ПМЖ на Западе» и «Если олигархи живут, как гастарбайтеры...»

Домашнее задание: Провести Гражданский форум и/или создать Общественную Палату Союзного государства (подробнее — см. шп. 1–6)

1. Уроки правоведения: «Кто неправильно застегнул первую пуговицу, уже не застегнется, как следует» (Иоганн Вольфганг Гете).

12–15 лет назад в качестве основополагающих «учредительных документов» были предложены, по сути, протоколы о намерениях, декларации. Они

не имели — и не имеют — некой обязательной силы, никого и ни к чему не обязывают. Более того: эти документы допускали — и допускают — *принципиально различное понимание* именно основ построения СГ. Так, РБ настаивает на соблюдении прописанного в упомянутых документах принципа «равенства сторон». Для Российской Федерации этот принцип в его буквальном процедурном толковании, похоже, неприемлем по ряду причин.

Эта же правовая «особенность» — или небрежность? — является первопричиной «братских торговых войн»: они возникают именно по причине существования между РБ и РФ во многих сферах «скорее братских», нежели правовых отношений. Эти войны начинаются и прекращаются, как говорится, «по понятиям», что и вызывает «братские обиды», реальное или мнимое непонимание, различного рода кривотолки.

Правовое обеспечение основ СГ: «15 лет без права переписки» или «цугцванг». В правовом контексте *основы принципиальных разногласий* двух государств — Беларуси и России — по важнейшим вопросам союзного строительства и по многим другим вопросам двусторонних отношений заложены именно в основополагающих договорах и соглашениях о создании СГ, подписанных еще 12–15 лет, в годы «великой дружбы» и доверия двух президентов. Эти договоры и соглашения составлены таким образом, что *фактически существует возможность разночтений, возможность совершенно различного толкования основополагающих принципов создания СГ.*

Так, не предусмотрены, как известно, какие-либо *надгосударственные* органы, решения которых были бы обязательны к исполнению. Не предусмотрены также *механизмы реализации* как соглашений в целом, так и важнейших составных частей этих соглашений, например, о введении единой валюты, о принятии Основного закона СГ и др. Разработать эти «детали» решили «как-нибудь потом», в рабочем порядке... Такова была политическая культура и правовая грамотность в те уже далекие времена... (Подробнее см. [1] и [2])

О механизме принятия решений в действующих соглашениях: «Даешь суверенное равенство сторон!». Таков был лейтмотив соглашений о создании СГ и, ранее, о создании Союза двух государств. Так, в ст. 3 «*Договора о создании СГ (1999 г.)*» декларирован именно принцип «суверенного равенства сторон». На этом правовом основании Беларусь обоснованно понимала и *понимает политический «принцип равенства сторон»* как процедурный принцип «равного количества голосов» стран — участниц СГ в процессе принятия решений по основным вопросам союзного строительства и функционирования СГ, включая создание и функционирование высших органов управления СГ. (В ЕС, как известно, гораздо более сложная процедура «голосования» по основным вопросам.)

Другой аспект «равенства сторон» и «равного количества голосов». Россия, как известно, является ядерной державой, что налагает на нее известные международные обязательства и заставляет с особой тщательностью анализировать все механизмы процесса принятия решений в возможном СГ, в Союзе государств и т.п. В Евросоюзе нет этой проблемы, поскольку он — ЕС — находится «под зонтиком» НАТО. Хорошо это или плохо — другой вопрос, но в любом случае опыт этого самого успешного интеграционного образования в данном случае неприменим. Конечно, в сфере нераспространения ядерного

оружия существуют другие международные соглашения, но едва ли они предусматривают сценарий создания «Союзного государства», в котором один из участников является ядерной державой. Получается, опять нам приходится обогащать мировую цивилизацию своим опытом. Что ж, это мы можем... Такова была «правовая грамотность» 15 лет назад, такова была «стратегическая культура»...

В начале нового тысячелетия российскому руководству (как сейчас принято говорить, «властной элите») стало понятно, что для ФЕДЕРАТИВНОГО государственного устройства России создание Союзного (!) государства с такими полномочиями даже для самого уважаемого союзника — это нонсенс, это практически невозможно. Например, другие субъекты Федерации в этом гипотетическом сценарии были бы вправе задать сакраментальный вопрос: «А чем мы хуже?»... То есть нечто типа «ты меня уважаешь?» и, вполне вероятно, с аналогичными последствиями. Но 15 лет назад в России было как-то не до интеграции: потоки нефтедолларов, «семибанкирщина», залоговые аукционы и упоительный передел огромной собственности... В этой ситуации Беларусь совершенно справедливо отстаивала свои национальные интересы!

Казалось бы, эти соглашения «взять — и переписать!»... Что ж, теоретически это представляется возможным. Но практически... Кто возьмет на себя смелость объявить, например, о «денонсации» прежних договоров, как это предлагает часть белорусской оппозиции?.. Пока никто не осмеливался даже озвучить имеющиеся варианты некой «Конституции СГ», которая долго и трудно обсуждалась когда-то парламентариями двух стран... Вопрос «о переписке» соглашений о СГ остается скорее открытым, чем закрытым. Едва ли кто-то из партнеров заявит об отмене этих соглашений — это никак не улучшит ситуацию. *В шахматах аналогичное положение называется «цугцванг»: любой ход игрока ухудшает его же позицию.* Но в политике ход можно не делать, что мы и наблюдаем...

...Президент Д.Медведев на встрече с белорусскими журналистами 23.11.2009 г. (в резиденции Майнсдорф) выразил очень осторожный оптимизм относительно перспектив СГ, отметив при этом возможную целесообразность «современных подходов» к разработке соответствующих соглашений. Позже в Минске президент А.Лукашенко сказал, что вся эта встреча была «абсолютно бессмысленной» и «...получилась абсолютно пустая встреча» (*цитируется по газете «Комсомольская правда» в Беларуси», 26.11.2009, № 225*). Впрочем, к перспективам СГ эта оценка прямо не относилась...

2. Уроки новейшей истории: «Основной инстинкт Запада — вытеснение России».

Заметны такие исторические параллели или «совпадения»: сближение Минска и Москвы — резкая критика Западом «режима Лукашенко»; отдаление Минска от Москвы — «мэсэджи» Запада тому же «режиму» о возможном сближении.

Середина 1990-х годов. Минск — Москва: эффектные шаги по созданию СГ. Запад — Минск: Запад объявляет А.Лукашенко «последним диктатором в Европе».

Начало 2000-х годов. Минск — Москва: «торговые» войны, В.Путин предлагает Минску «кремлевскую диету» — «мухи и котлеты отдельно». А.Лукашенко впервые открыто и довольно резко критикует Кремль. Беларусь объявляет о «многовекторной» внешней политике.

Запад Минску миролюбиво и гостеприимно предлагает «12 условий» сближения и нормализации отношений. Условия очень неконкретные и безобидные, скорее, для соблюдения приличий.

2009 год — декабрь 2010 года. Минск — Москва — Минск: острейшие конфликты в сфере масс-медиа и «типа» в геополитике: непризнание Абхазии и Ю.Осетии, «оригинальная» позиция Минска по вопросу ОДКБ, «последнее танго с К. Бакиевым», сериал о «Крестном Батьке», выступление М. Саакашвили по БТ и, как обычно, «торговые войны».

Запад — Минск: «Восточное партнерство» и — октябрь 2010 года, в канун президентских выборов в РБ — визит в Минск президента Литвы: «Пообещайте нам, что зарегистрируете всех кандидатов в президенты, и ЕС окажет всяческую помощь». И — знаковая фраза: «Нам не нужна здесь вторая Россия»...

Декабрь 2010 года. Минск — Москва (9 декабря): почти сенсационные соглашения Минск — Москва; Запад — Минск (после 19 декабря, т.е. после выборов и событий на площади в Минске): крайне резкая реакция Запада и очередное обострение отношений ...

Вот такие совпадения... Конечно, еще античные философы заметили, что «после этого» — не означает «вследствие этого», но ощущение «дежа-вю» присутствует...

3. Уроки новейшей экономической истории: «Раздельное питание по «кремлевской диете» — мухи и котлеты отдельно»

В результате деятельности в рамках «старого» Таможенного союза (ТС) в начале 1990-х годов российские нефтебароны и примкнувшие к ним чиновники получили западнее Смоленска нечто типа «оффшорной зоны» и гнали нефть на Запад без российской пошлины. Так же поступали с российской нефтью и белорусские экспортеры. Вообще-то соглашения о «старом» ТС предусматривали некие «понятия» о возврате в российскую казну части дохода, полученного на белорусско-польской границе. Но российская сторона как-то не очень требовала, а белорусская, соответственно, тоже не очень настаивала... Зачем настаивать, если партнеров это устраивает? Неких наднациональных органов, решения которых были бы обязательны, не было, документы по ТС были составлены в стиле вышеупомянутых Союзных соглашений, т.е. декларативно и малоконкретно. Все было хорошо или почти хорошо: беспощинная нефть приносила хороший валютный доход, дешевый российский газ поддерживал всю белорусскую экономику и ЖКХ. Дефицит платежного баланса РБ — «бич белорусской экономики» — был сравнительно невелик. Удалось обеспечить, в целом, достойный уровень жизни населения. Многим казалось, что белорусская модель экономики — образец для подражания. В белорусских СМИ появились сравнения типа «белорусская экономика —

новый восточноевропейский тигр» (по аналогии с НИС Юго-Восточной Азии).

...Но в начале века в Кремле появился человек в хорошей спортивной форме, как оказалось, сторонник «раздельного питания» типа «мухи и котлеты — отдельно»... Различного рода «скрытые субсидии» для Беларуси не прекратились — все-таки союзное государство, но стали постепенно сокращаться — все-таки другое государство... Далее см. «Уроки новейшей истории».

В ноябре 2009 г. были подписаны «новые» соглашения о ТС, главная особенность которых — именно создание *наднационального органа* — *Таможенного союза* Беларуси, Казахстана и России. В контексте данной статьи принципиально важно следующее: *ранее существовавшие соглашения о ТС все-таки «переписали»!.. И сделано это было в рамках ТРОЙСТВЕННОГО союза!* Уместно напомнить, что эта большая работа была очень оперативно проделана С.Глазьевым под руководством премьер-министра РФ В.Путина.

Важных и весьма ощутимых для экономики РБ разногласий в этом «новом варианте» ТС остается немало, но Россия предлагает решать их на *последующих* этапах интеграции (в рамках ЕЭП). (Подробнее о позиции белорусской стороны см. www.mfa.gov.by — официальный сайт МИД РБ.)

4. Уроки историсофии: «О роли личности в истории», или «Феномен недоговороспособности»

На постсоветском пространстве исключительно велика *«роль личности в истории»*. Поэтому субъективные факторы изрядно разнообразят даже самые, казалось бы, рутинные процедуры, придают им большую долю оригинальности и непредсказуемости. В целом это, конечно, обогащает практику, способствует развитию методики и даже методологии интеграции.

Понятие «недоговороспособность» возникло, кажется, именно в контексте интеграционных процессов. Примерно пять-шесть лет назад в контексте интеграции многие заметили: *если трудно договориться двум партнерам — «надо искать третьего», более договороспособного...* В других вопросах, более житейских, это было подмечено гораздо раньше... «Сообразить на троих» — видимо, по известной нашей традиции — в сфере интеграции получается легче, хотя, казалось бы, троим договориться сложнее. Это показывает, например, трудный, но в целом конструктивный опыт создания «нового» Таможенного союза (Беларусь, Казахстан, Россия): этот Союз все-таки создан. Как видим, данная тактика работает.

Здесь вспоминается хорошо забытый принцип одного из министров иностранных дел во времена Петра I: *«Дружи не токмо с соседом, но и через соседа»*.

5. Уроки геополитики: «Логика «холодной войны» на постсоветском пространстве», или «Ссоры с Кремлем как средство понравиться Западу»

Пространство СНГ по-прежнему является ареной «холодной войны» между Западом и Россией за сферы влияния. Традиционная ориентация стран СНГ на Россию по-прежнему не устраивает Запад, и он всячески *поощ-*

ряет «нетрадиционную геополитическую ориентацию» неверных российских партнеров. Многие лидеры и личности в странах СНГ сообразили, что можно неплохо зарабатывать на соперничестве Запада и России, причем зарабатывать не только политический капитал. Правда, последние год-два, после августа 2008 года, Запад заметно охладел к идее «холодной войны» с Россией и в очередной раз объявил, что «холодная война — таки закончилась» (об этом объявили на этот раз на Лиссабонском саммите «Россия — НАТО», ноябрь, 2010 года). Ранее такие объявления звучали неоднократно, что само по себе интригует: сколько же раз можно заканчивать то, что вроде бы уже заканчивали?.. При этом в других регионах нашего нескучного мира Запад весьма гостеприимно приглашает Россию к самому тесному сотрудничеству, например, в Афганистане...

Геополитические и геоэкономические приоритеты и стратегические цели различных стран, союзов или блоков длительное время остаются постоянными и определяют их долгосрочную стратегию. При этом конкретные действия и, тем более, заявления официальных лиц могут быть весьма различны и даже противоречивы (см. [3] и [4]).

Приоритеты Запада. Для Запада (ЕС и США) главным приоритетом в данном регионе является максимальное расширение сферы и степени своего влияния. Понятно, что конечной целью таковой стратегии может быть включение стран региона (кроме России, конечно) в состав НАТО и ЕС. Однако это сопряжено с очень большими расходами и рисками (экономическими, социальными, внешне- и внутривнутриполитическими), поэтому Запад ограничивается обещаниями и различными инициативами, проектами, программами подготовительного или промежуточного характера: «Восточное партнерство», «Новые соседи» или «Расширенная Европа» и др. Сами по себе эти инициативы выглядят вполне аполитично и содержат немало позитива, что является к тому же хорошим PR-ходом.

Но СНГ — это традиционная, исторически обусловленная сфера влияния России, сфера ее «жизненных интересов». (Хорошо это или плохо, правильно или неправильно — в данном случае совершенно иной вопрос). Поэтому *расширение сферы и степени влияния Запада в СНГ объективно может происходить только за счет ослабления позиций и влияния России, за счет ослабления российского присутствия*. В этом суть геополитической динамики на постсоветском пространстве и суть довольно острого и, вероятно, непримиримого конфликта интересов России и Запада.

Приоритеты России. Очевидно и вполне понятно стремление России как минимум сохранить и, по возможности, укрепить свое политическое и экономическое влияние в странах СНГ, которые когда-то были частями одной великой страны. На практике это выражается в следующем: защита интересов крупнейшего российского бизнеса, защита военно-стратегических интересов России (военные объекты, сотрудничество в военно-стратегической области и другие формы военного присутствия). Это понятно и естественно, но как это выглядит с позиций пропаганды и популизма? *Ответ очевиден: как «имперское давление»...* Россия не имеет такого же большого количества гуманитарных инициатив, программ, проектов сотрудничества, как это практикуется Западом. В результате имеем тот имидж России, который всем хорошо изве-

стен: даже те, кто охотно использует «широту российской души» и обширные российские ресурсы, не менее охотно разглагольствуют о ее «имперском давлении»!

Логика «холодной войны». Разумеется, Россия против такого «влияния» Запада, против ослабления своей роли и влияния и последнее время все более жестко отстаивает свои национальные интересы. Западу, конечно, это не нравится. «Главный приоритет Запада (*«основной инстинкт»*) в данном регионе — это нанесение максимального ущерба России», — так считают многие российские политики и эксперты (впрочем, не только российские). Западные дипломаты и прозападные политики, конечно, возражают против такого понимания политики Запада, говорят о своей поддержке демократии, о «стабилизирующей» и прогрессивной роли НАТО, США и ЕС. В результате в мире и, особенно, в Восточной Европе и в СНГ по-прежнему заметны довольно серьезные элементы противостояния Запада и России, элементы и логика казалось бы забытой «холодной войны». Понятно, что многие хотят этим воспользоваться...

Приоритеты Белоруссии очевидны: *обеспечение стабильности сложившейся политэкономической системы страны и ее устойчивое социально-экономическое развитие*. Разумеется, для этого необходимы благоприятные внешние условия и, как полагают в Минске, необходима *многовекторная* внешняя политика. Беларусь стремится к развитию добрососедских отношений и на Западе, и на Востоке. Но реально ли это?..

6. Уроки политтехнологий в геополитике и в геоэкономике: «Россия — щедрая душа», Запад — «дешево и сердито»

Степень *малоуправляемого* экономического влияния России в регионе традиционно очень высока: внешняя торговля и огромный российский рынок сбыта, трудовые миграции, энергоносители, российский капитал и др. Но средства и возможности *управляемого геополитического влияния* довольно ограничены или, точнее, не развиты (подробнее см. [3] и [4]). В результате совокупные затраты России на различного рода помощь и поддержку, на так называемые «скрытые субсидии» соседним государствам (включая Беларусь) весьма велики и, по оценкам, значительно превосходят аналогичные затраты Запада на свои «восточные программы». Но политическая и геополитическая эффективность этих безадресных и нецелевых российских затрат... Более того, они нередко воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, как некая «плата за невраждебность», как нечто типа «геополитического рэкета».

Геополитика или, точнее, «геополиттехнология» Евросоюза и США в этом отношении более активна, нацелена на перспективу и на последовательное создание институциональных структур и условий для проведения своего влияния. Посредством этих структур, например, оказывается прямая или косвенная поддержка конкретным лицам, которые проводят такое влияние, формируют общественное мнение: негосударственная и «независимая» пресса, «независимые» эксперты и журналисты, НПО/НГО и лидеры оппозиции.

А Россия лишь реагирует на какие-либо события, не пытаясь их конструировать. Можно сказать, что в ближнем зарубежье высока степень влияния России, но не Кремля. *Экономическая зависимость сама по себе не является*

средством управления. В дальнем зарубежье — обратная ситуация: влияние или, точнее, мнение Кремля сравнительно велико, а России в целом — нет. Создается впечатление, что Россия в своей геополитике не имеет современных «высоких технологий». Как и в других сферах, практикуемые сегодня *российские геополиттехнологии высокочатратны и малоэффективны.* Россия: а) платила и по-прежнему щедро платит деньгами и/или ресурсами «за любовь и дружбу»; б) ориентируется исключительно на «высокую роль личности», недооценивает роль институциональных (правовых) факторов влияния и полагается на понятия типа «великой братской дружбы»; в) практически не работает с оппозицией (во всяком случае — открыто) или с гражданским обществом.

Запад в своих политтехнологиях по всем правилам PR (Public Relations) отдает предпочтение обещаниям и «общечеловеческим ценностям»: о демократии, о гражданском обществе, о «Восточном Партнерстве» и др. При этом Запад создает *институциональные основы долговременного и предсказуемого влияния.* Очевидно, что западные политтехнологии: а) гораздо дешевле; б) ориентированы на создание институциональных предпосылок для долговременного влияния и сотрудничества, для предсказуемости отношений; в) ориентированы на ослабление непредсказуемых авторитарных режимов, на уменьшение «роли личности в истории», на поддержку «гражданского общества».

Внедрение западных политтехнологий в геополитике обойдется России никак не дороже тех средств, которые она фактически направляет на эти цели.

**Домашнее задание по курсу:
Провести Гражданский форум
и/или создать Общественную Палату Союзного государства**

Все сказанное выше и не сказанное приводит к такому предложению: *создать Гражданский форум Союзного Государства (ГФ СГ) и/или нечто типа Общественной Палаты, например, при Высшем Госсовете СГ.* (Предложение о создании Общественной Палаты обязательно возникнет на этом Форуме, если он, конечно, состоится.)

Основные положения этой идеи таковы. Во-первых, перспектива Форума придаст двусторонним отношениям (и не только двусторонним) более конструктивное, а не политиканское содержание. Цивилизованные дебаты и разумные аргументы, в том числе с участием оппозиции — это достойно.

Во-вторых, это гражданский, а не официозный обмен мнениями, т.е. не «зашоренный» диалог. Это даст возможность цивилизованно, креативно и, если угодно, по-европейски демократично обсудить проблемы и все варианты их разрешения, при *европейском* уважении к гражданскому обществу. Общественное мнение Европы все-таки чего-то стоит (в том числе для европейских политиков), а такой Форум может действительно улучшить имидж участников и особенно имидж того, кто его организует.

В-третьих, геополитическая ситуация в мире сейчас — на фоне пан-арабского кризиса — такова, что роль СГ Беларуси и России, как и роли ЕврАзЭС

и ОДКБ, объективно возрастает. Интеграционные образования — это серьезная защита от внешних и внутренних угроз. Хотя Устав ОДКБ пока не предполагает вмешательство в случае внутренних угроз и «цветных революций», но в скором будущем, видимо, найдутся сторонники этой идеи. Как говорит известный сатирик: *«Большая беда нужна, чтобы мы объединились!»*

В-четвертых, на фоне усиления интеграционных образований в СНГ (с участием России) трезвые политики на Западе, возможно, задумаются, что их привычная установка на «выдавливание России» напоминает известную древнекитайскую стратегию: *«Обмануть императора, чтобы он переплыл море»...*

Наконец, кроме гласности, демократичности и креатива Гражданский форум и/или Общественная Палата имеют еще одно достоинство — они никого и ни к чему не обязывают. А мы так не любим обязательства...

Инна ШУМИЛИНА

ИМИДЖ США И БАРАКА ОБАМЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: МЕЖДУ СЛОВОМ И ДЕЛОМ¹

Ирак и Иран: информационная «война» Барака Обамы

В соответствии с предвыборными обещаниями 1 сентября 2010 года Барак Обама официально объявил о завершении боевой операции армии США в Ираке. Преобладающие экспертные оценки этого решения, однако, сводились к тому, что данный шаг выглядит достаточно спорно в плане своевременности, готовности иракских внутренних сил поддерживать порядок в стране и т.д. Оценка большинства аналитиков оказалась вполне однозначной: вывод части боевых подразделений США из Ирака *более всего походит на пиар-акцию, приуроченную к промежуточным выборам в американский Конгресс*. Упомянутые оценки учитывали и мнения, преобладавшие на тот момент в правящих кругах арабских стран и Израиля, а именно — США оставляют Ирак «на произвол судьбы», «подталкивают страну к гражданской войне всех против всех», которую до сих пор сдерживало присутствие американских войск. Неудивительно, что противники США в регионе — например, руководство Ирана и «Аль-Каиды» — воспользовались этой акцией Обамы в своем пропагандистском ключе, объявив ее «победой исламского мира над Америкой»². Администрация, стремясь избежать негатива от подобных заключений, пыталась сопроводить вывод американских войск соответствующей медийной поддержкой — через пресс-конференции в самом Белом доме, сообщений официальных лиц в СМИ и на телевидении фиксировалось внимание на связке «вывод войск из Ирака — Барак Обама — президент, выполняющий свои предвыборные обещания». К примеру, это легко «просматривалось» в текстах выступлений (за несколько месяцев до окончательного вывода контингента) замсоветника президента по национальной безопасности Бена Родса³

¹ Окончание. Начало см. Вестник аналитики № 1, 2011.

² В частности, так характеризует ситуацию президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский (см. Эксперт: вывод войск из Ирака — пиар-акция Обамы // Актуальные комментарии, 1.10.2010. URL: <http://actualcomment.ru/news/15098>).

³ В Ираке не будет американских войск после 2011 года, Барак Обама подтвердил ранее объявленное решение о прекращении участия американских войск в боевых операциях в Ираке.

или высказываниях вице-президента Джона Байдена⁴ или генерала Рэя Одиерно⁵.

В том, что касается Ирана, то попытка Барака Обамы вступить в виртуальный диалог с руководством и простыми гражданами этой страны (уместно вспомнить обращения Обамы к иранцам в начале 2009 года по целому ряду поводов — от поздравлений с Новым годом до...) сошла на нет из-за развернувшихся летом того же года событий после президентских выборов. Масштабные демонстрации протеста в крупных городах Ирана против фальсификации результатов голосования вынудили Белый дом занять ясную позицию в поддержку противников Ахмадинежада. В июне 2009 года в обращении к иранцам Обама лично осудил жесткость действий проправительственных организаций, разместив на видеоблоге Белого дома соответствующее заявление с переводом на арабский и фарси⁶. Ответ на это команды Ахмадинежада также был резким. Информационная война между Вашингтоном и Тегераном усилилась в 2010 году. Ее пик пришелся на осень: широкий резонанс получила ответная акция Обамы в СМИ и СМК, связанная с выступлением Ахмадинежада перед Генассамблеей ООН с утверждениями о том, что за терактами 11 сентября 2001 года стояли «некоторые люди из американского правительства», которые хотели таким образом «спасти от падения мировую экономику и сохранить сионистский режим на Ближнем Востоке». Пресс-служба Белого дома на следующий же день обнародовала фрагмент интервью Обамы новостной службе «Би-би-си», вещающей на фарси, в котором лидер США назвал высказывания Ахмадинежада «оскорбительными», «непростительными» и «полными ненависти». Затем на брифинге в связи с этим интервью представитель американской администрации сделал разъяснение для журналистов, что выбор СМИ, которому было дано интервью, был не случаен, а делался с учетом его популярности в Иране и рассматривался прежде всего как «эффективная платформа для диалога с иранской аудиторией». Отметим, что «BBC Persian» действительно имеет многомиллионную аудиторию в Иране: это теле- и радиовещание с внушительным числом зрителей и слушателей, а также Интернет-сайт, имеющий широкую популярность не только в Иране, но и в регионе всего Ближнего Востока. Нарастивая информационное воздействие на иранскую аудиторию, команда Обамы начала регулярно размещать короткие новости из Овального кабинета в социальной сети Twitter и значимых, с точки зрения администрации, заявлений президента на видеосервисе YouTube⁷, в которых отражается отношение или позиция американского лидера по многим вопросам, касающимся ситуации в Иране и вокруг него.

Стратегия нацбезопасности США: смягчение «войны с террором»

В конце мая 2010 года, после 16 месяцев своего президентства, Обама обнародовал новую Стратегию национальной безопасности. В этом 52-страничном

⁴ U.S. withdrawal from Iraq will be on time, Vice President Biden says // The Washington Post, May 27, 2010.

⁵ Fox News, 28 июня 2010 года; CNN, 28 июня 2010 года.

⁶ The President's Opening Remarks on Iran, with Persian Translation // The White House Blog, June 23, 2009. — URL: <http://www.whitehouse.gov/blog/The-Presidents-Opening-Remarks-on-Iran-with-Persian-Translation/>

⁷ URL: <http://twitter.com/whitehouse>; <http://www.youtube.com/watch?v=E55kZe9RxTc>

документе нашли отражение некоторые новые реалии внешней политики США, в первую очередь — *приоритет дипломатических методов над силовыми*. Стратегия Обамы предложила широкое понимание того, на чем в данный момент основывается американская национальная безопасность: военное превосходство должно быть сохранено, отмечается в документе, и «Соединенные Штаты остаются единственным государством, способным вести крупномасштабные военные операции на дальнем расстоянии». Вместе с тем, в документе больше говорится о важности партнерских и союзнических отношений. «Когда мы злоупотребляем нашей военной мощью, — подчеркивается в документе, — или не используем дополнительные инструменты, или действуем без партнеров, то наши вооруженные силы чрезмерно напряжены. Американцы несут тяжелую ношу, а наше мировое лидерство слишком ассоциируется лишь с военной силой»⁸. В Стратегии выделены четыре «постоянных национальных интереса», неразрывно связанных между собой: безопасность, процветание, ценности и международный порядок. «Краеугольным камнем» взаимодействия США с миром — в соответствии с новой Стратегией — являются отношения между Соединенными Штатами и «близкими друзьями и союзниками в Европе, Азии, Западном полушарии и на Ближнем Востоке, которые основаны на общих интересах и общих ценностях», а также служат взаимной безопасности»⁹.

Таким образом, особенностью новой Стратегии нацбезопасности США стало заявление об отказе от превентивных военных ударов по тем странам, которые не несут прямой угрозы Соединенным Штатам, и в то же время подчеркивалось, что никаких принципиальных изменений в отношении США к угрозе терроризма не произошло, и основную угрозу для США по-прежнему представляют «Аль-Каида» и ее сторонники. «Обеспечивая взятие под охрану самого опасного в мире оружия, — говорится в документе, — мы ведем войну с широко раскинувшейся сетью ненависти и насилия. Мы будем выводить из строя, демонтировать и уничтожать «Аль-Каиду» и ее филиалы в рамках всеобъемлющей стратегии, которая лишает их убежища, укрепляет мощь партнеров на передовых рубежах, обеспечивает внутреннюю безопасность в нашей стране, осуществляет правосудие с помощью надежных судебных средств и противопоставляет обанкротившейся платформе экстремизма и убийств платформу надежды и возможностей»¹⁰. Жесткие термины и формулировки времен Буша относительно исламского радикализма и «войны с терроризмом» ко времени выхода Стратегии 2010 года явно претерпели значительные коррективы или были изъяты вовсе, и уже не встречаются в тексте нового документа, что свидетельствует о планомерном стремлении администрации Обамы сгладить «острые углы» и убрать раздражающие моменты в отношениях с исламским миром — (термин «террористы» заменен на смягченное «воинствующие экстремисты»). Таким образом, стремление дать «успокаивающие» сигналы в отношении дальнейшей политики Белого дома на Ближнем Востоке просматриваются и в этом документе.

⁸ National Security Strategy // The White House, June 1, 2010 - http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Особенности медиастратегии команды Обамы

Ускорение роста экономики США, сокращение в стране масштабов безработицы и дефицита федерального бюджета станут для Барака Обамы основными приоритетами второй половины президентского срока. Об этом заявили в эфире телекомпаний CNN и NBC старший политический советник американского президента Дэвид Аксельрод и пресс-секретарь Белого дома Роберт Гиббс. То, что оба представителя администрации в своих высказываниях не упомянули о внешней политике, сразу же отметили все СМИ. Однако, если иметь в виду понижающийся рейтинг Обамы в своей стране и поражение демократов на промежуточных выборах в начале ноября, то такие установки выглядят понятными и логичными. Обама, согласно медиаконцепции Аксельрода, пришел в Белый дом как президент «перемен к лучшему». Таким и должен оставаться имидж президента.

Скорее всего, не будет меняться и вектор медиастратегии администрации применительно к внешнеполитической сфере. Усилия по «перезапуску» и «перезагрузке» отношений с исламским миром и с Россией на протяжении двух последних лет возымели некоторый успех, и об этом говорят цифры приведенных выше опросов, подтверждающие улучшение имиджа США за рубежом в целом. Важно, однако, что во многом это стало возможным благодаря активному задействованию личного потенциала американского президента. Тем самым можно говорить об успехе разработанной Аксельродом концепции «делать ставку на личность Обамы» («Будущее политики — за личностью, с ее историей и мифологией»¹¹). Реализация этого потенциала — личное обаяние Обамы, его человеческие качества, ораторские возможности, его безупречная репутация — и стала тем «локомотивом», который подтянул вверх и имидж США.

Сегодня можно констатировать некоторые промежуточные результаты реализации упомянутой медиаконцепции. Обама был весьма убедителен, обращаясь к исламскому миру из Каира, обосновывая добрые намерения США и общность ценностных ориентиров. Ему удалось повысить общественные ожидания, что сразу же стало поводом для обсуждений в экспертной среде. Весьма показательно, что год спустя после каирской речи начали появляться критические оценки с акцентом на отсутствие результатов. Вместе с тем очевидно, что созданные «наработки» пока действуют в медиасреде, создавая положительные поводы для обсуждений. Так, в Вашингтоне в мае 2010 года был проведен международный симпозиум на тему «Отношения США с исламским миром: год после Каира». Его целью стала оценка текущего состояния этих отношений и обсуждение наиболее эффективных способов исполнения каирских обещаний президентом США. Общим выводом для политических экспертов, собравшихся там, стало мнение о том, что «внешняя политика Соединенных Штатов по-прежнему вызывает немало раздражения, особенно в отношении израильско-палестинского конфликта»¹². То есть, иными словами, мусульманское население по-прежнему ждет «дел» от США

¹¹ David Axelrod: Political strategist // The Independent, 25 October 2008.

¹² Каирская речь Обамы: год спустя // Voanews, 4.05.2010. — URL: <http://www.voanews.com>

и президента Обамы, в первую очередь — выполнения обещания по разрешению этого конфликта.

Подчеркнем, что процесс выстраивания позитивного имиджа США на Ближнем Востоке значительно активизировался еще в последние годы президентства Буша — особенно на фоне событий в Ираке. В него были вовлечены все ведущие ведомства в Вашингтоне. Концептуально видение проблемы не изменилось и при Обаме. Однако если в риторике при Буше ее «ядром» был общий для всех враг — международный терроризм, противостояние которому определяло и общность интересов всех стран мира, то при Обаме этот акцент был ослаблен, и на первый план была выведена общность человеческих ценностей.

Важно также подчеркнуть, что администрация Обамы сохранила все ключевые тезисы PR-стратегии своих предшественников, разработанные после событий 11 сентября 2001 года. А именно: 1) что американцы не настроены враждебно по отношению к исламу; 2) что нельзя допустить, чтобы террористы и экстремисты «довели до реального конфликта цивилизаций»; 3) что США поддержит своих партнеров и союзников на Ближнем Востоке. Неизменными остались и каналы имплементации этой имиджевой триады, предназначенной для воздействия на широкие слои исламского населения: через телекоммуникационные сети, предназначенные для арабской аудитории специальные информресурсы, а также кинематограф и специальные PR-мероприятия.

В прежнем же ключе с акцентом на ближневосточную проблематику действуют и такие структуры, как Агентство международного развития (финансирующее обучение и стажировки журналистов, содействует развитию СМИ) и Национальный фонд за демократию (традиционно финансирует организации гражданского общества, исследовательские центры, группы правозащитников и прочие НПО). Остался задействованным в прежнем объеме и такой инструментарий продвижения положительного имиджа США на Ближнем Востоке, как электронные СМИ, вещающие на регион. Еще в 2004 году PR-команда администрации США реализовала проект с запуском арабоязычного телеканала «Аль-Хурра» — в соответствии со стратегией «овладения умами и сердцами арабов» в качестве главного компонента создававшегося медиахолдинга «телеканал-радиостанция-журнал» («Аль-Хурра», радио САВВА, журнал «Хай»). Целевая аудитория у канала (а это зрители 25–35 лет) сохранена, и канал демонстрирует большое количество программ американского и западного производства, снабжая их арабскими субтитрами. Новостные программы «Аль-Хурры» отличаются от теленовостей популярных каналов в регионе как контентно, так и по форме, но телеканал по-прежнему не предоставляет эфир представителям организаций, входящих в «черный список» Конгресса США, воздерживается от антисемитских обличений и, конечно, антиамериканских выпадов. В качестве ньюсмейкеров на канал приглашаются видные политики, как ближневосточные, так американские и израильские. Согласно официальным данным, на сегодняшний день телеканал смотрят 25% владельцев спутникового телевидения на всем Ближнем Востоке.

Менее идеологизированный, но значимый компонент американской медиатриады, выведенной в эфирное пространство Ближнего Востока, —

радиостанция «Савва», запущенная американцами в марте 2002 года. Вещание ведется на арабские страны в диапазоне длинных и средних волн. Станция также ориентирована на молодежь, поэтому большое место в программах занимает трансляция западной и арабской поп-музыки. Однако в сетке вещания присутствуют и новостные блоки с арабскими дикторами; в них же, в свою очередь, «вплетаются» сообщения о последних событиях в регионе.

Повышенное внимание администрации Обамы к мусульманской аудитории вызывает неоднозначную, нередко критическую реакцию со стороны израильтян (как на уровне руководства страны, так и в широких слоях населения), а также среди активных сторонников Израиля в мире. Например, президент Всемирного еврейского конгресса Рональд Лаудер заявил, что инфорпроекция «нового американского мира» вызывает «волну слухов и беспокойства»¹³. Преобладающим стало мнение о том, что администрация Барака Обамы не в состоянии предложить что-то новое за столом переговоров.

Подытоживая результаты информационных и идеологических усилий администрации Обамы на Ближнем Востоке, отметим следующие тенденции:

а) некоторое ослабление накала антиамериканизма на «арабской улице», что напрямую связано с положительным восприятием большинством людей там личности Барака Обамы, которую простые арабы склонны «отделять» от политики США в регионе (позитив приписывается лично Обаме, а негатив — его оппонентам в Вашингтоне, включая Конгресс, еврейское лобби и т.д.);

б) симметричное падение рейтинга Обамы и его администрации в Израиле, что привело к новому феномену — заметному усилению критики лично американского президента в СМИ, включая сатирические жанры на телеканалах. Одна из главных критических линий там — акцентирование склонности Обамы «не решать, а заговаривать» самую острую проблему, связанную с ядерной программой Ирана.

Вместе с тем, ряд американских аналитиков (например, Барри Рубин, директор исследовательского центра Global Research in International Affairs (GLORIA Center) полагают, что смягчение подхода администрации Обамы к исламским радикалам (помимо того, о чем говорилось выше, здесь следует упомянуть и весьма спорную позицию Обамы в поддержку строительства исламского центра неподалеку от Граунд Зеро на Манхеттене) дало импульс явно негативным тенденциям. Во-первых, многими на «арабской улице» такое смягчение было воспринято как «победа исламских радикалов» над США в целом. Из этого, во-вторых, проистекает тенденция к усилению поддержки «арабской улицей» радикалов в регионе, включая Иран. В-третьих, этот тренд оборачивается проблемами для арабских элит, которые вынуждены подстраиваться под него, выбирая, по выражению Рубина, «условия своей капитуляции»¹⁴. При этом недостаточно убедительная информработа на иранском направлении не позволила как-то переориентировать преобладающее мнение в арабских странах против угрозы со стороны Ирана, как того хотели

¹³WJC President urges Obama to change stance on Israel / WJC, 15 April 2010. — URL: <http://www.worldjewishcongress.org/en/petition/show/2?lang=ru>

¹⁴Rubin B. Can You Handle The Truth?: Poll Shows The Shocking Reality of Arab Public Opinion // GLORIA Center, 20 August? 2010. — URL: <http://www.gloria-center.org>

бы элиты в умеренных арабских государствах. В результате сохраняют свою действенность прежние — традиционные — стереотипы, которые формируют преобладающее в арабских массах мнение о том, что их главными противниками были и остаются Израиль и США, а вовсе не Иран.

Противоречивые тенденции в оценках деятельности администрации Обамы формируются в Европе. С одной стороны, представители высших эшелонов политического истеблишмента, немалая часть экспертов и аналитиков склонны воспринимать нынешнюю политику Вашингтона на европейском направлении как «вторичную» и отчасти «производную» от якобы доминирующих ее векторов — Ближний Восток и Россия. Преобладающие в этом плане оценки сформулированы в прессе так: «Ни один из недавних президентов не придавал так мало значения союзу Америки с Европой»; Обама, очевидно, «решил спустить отношения со Старым Светом на тормозах»¹⁵. Противоречива и реакция европейцев на значимые решения Обамы в отношении их общих проблем — Ирака и Афганистана. Обилие положительных оценок в политических кругах вызвало решение Вашингтона вывести войска из Ирака, в то время как увеличение военного присутствия в Афганистане отозвалось сдержанно негативной реакцией. На этом фоне в июле 2010 года председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу высказался весьма резко, подчеркнув, что отношения Барака Обамы с Европой «не оправдывают свой потенциал»¹⁶ и что «новая эра Белого дома рискует стать для Европы упущенным шансом»¹⁷.

С другой стороны, среди рядовых граждан Евросоюза (особенно в сегменте «Старой Европы») Обама по-прежнему воспринимается положительно, с существенным отрывом от рейтинговых показателей его предшественника Джорджа Буша-младшего. Это обстоятельство позволяет говорить о существенном снижении уровня «европейского антиамериканизма». В странах же Восточной Европы накал критики в отношении политики Обамы заметно повысился (во многом из-за его отказа от размещения элементов ПРО там, что нередко интерпретируется как «уступка России»).

В России же имидж президента США и его администрации формируется главным образом с подачи официальных СМИ. Основные его параметры таковы: Обама — «анти-Буш»; Обама принимает в расчет большую часть «интересов России»; Обама склонен «взаимодействовать» с Россией в партнерском ключе; России выгодно «помогать Обаме» на условиях взаимности в урегулировании основных конфликтных ситуаций (Афганистан, Ирак, Иран, Ближний Восток). Расхождения между Москвой и Вашингтоном по Грузии в основном обходятся в российских СМИ молчанием. Такая «подача» образа Обамы официальными СМИ и стала главным условием повышения его рейтинга среди россиян.

¹⁵ По материалам прессы — см. Europe's Bush Nostalgia // The Wall Street Journal, February 4, 2010, p. A18; Deihl J. Obama's retreat from the global stage // The Washington Post, February 8, 2010.

¹⁶ Barack Obama's relationship with Europe 'not living up to its potential' // Telegraph, July 15, 2010

¹⁷ Charter D., Whittell C., Bremner C. Europe warns Obama: this relationship is not working // The Times, July 15, 2010.

В целом же пиар-команда Обамы, бесспорно, привела администрацию к некоторым успехам в формировании положительного образа Америки, явно опираясь на теорию создания успешного бренда: «публика» была вдохновлена Обамой, вовлечена, и потому произошла некоторая отдача. Заметим также, что объективно немаловажную роль в формировании имиджа США играет Голливуд. С учетом традиционных симпатий многих кинематографистов с голливудских холмов к Демпартии, Обама, в этом смысле, располагает большим ресурсом. И президент побуждал кинематографистов к взаимодействию. Например, со стороны администрации выдвигалась инициатива ослабить налоговый пресс на «фабрику грез» (в размере 246 млн долл. в рамках льготного «стимулирующего пакета», который язвительно характеризовался некоторыми сенаторами-республиканцами как «подарок» Голливуду¹⁸), практикуется использование кинозвезд в качестве «послов мира» (актера Джорджа Клуни — в Дарфуре, менеджеров и группу актеров — в Иране¹⁹ и других).

Повышенное внимание администрация Обамы уделяет сети Интернет. При Буше-младшем информстратеги обратились к этому инструменту, исходя главным образом из намерения воздействовать на информационные потоки в глобальной паутине — с учетом того, что все телевещатели имеют онлайн-версию своих каналов, размещая там как текущие новости, так и архивные материалы. На многие популярные сайты, в частности, в регионе Ближнего Востока, американские информационщики «забрасывали» свои тексты, обычно без обозначения источника. Теперь — при Обаме — Интернету придается еще большее значение, и это — не временный имиджевый ход, а осмысленное задействование информационной технологии, которая уже принесла явную выгоду. Сеть дает не только практически неограниченные возможности «вброса» информации, но и «обратную связь», открывает дополнительные возможности действовать «на опережение».

Вопрос улучшения имиджа США стал для администрации нынешнего американского президента политически важнейшим. Даже свое первое эксклюзивное интервью в качестве президента Обама дал телеканалу «Аль-Арабия», широко вещающему на исламский мир. Произошло это через неделю после инаугурации — в январе 2009 года. В нем он обозначил контуры проблематики, вокруг которой США намереваются вести дальнейший диалог с мусульманами. Главной опорной идеей, которую американский президент попытался донести до зрителей, как раз и стала мысль о том, что «американцы — не враги мусульманского мира»²⁰, и что, «независимо от веры, люди имеют общие надежды и мечты»²¹. То есть те тезисы, которые впоследствии были

¹⁸ В частности, сенатор Том Кобурн. См. Hurt C. Stimulus Bill Help Hollywood / New York Post. 3 February 2009.

¹⁹ Иран посетила делегация в составе нынешнего президента Американской киноакадемии Сиды Гейниса и экс-президента, кинорежиссера Фрэнка Пирсона, продюсеров Уильяма Хорберга и Тома Поллака, оscarовских номинанток — актрис Аннет Бенинг и Элфри Вудард. Формально — по приглашению организации «Иранский Дом кино», действующей под эгидой исламского правительства. Это была первая поездка видных американских кинематографистов в исламскую республику после разрыва дипотношений в 1979 году и рекомендательных ограничений Госдепартамента для граждан США в отношении посещений Ирана.

²⁰ Obama tells Al-Arabiya peace talks should resume // Al-Arabia News Chanel, January 27, 2009. — URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2009/01/27/65087.html>

²¹ Ibidem.

развернуты в каирской речи. Идею о том, что «США и западный мир должны лучше узнать ислам», Обама акцентировал в своем первом же интервью западным (французским) СМИ²².

Значительную роль в реализации курса на обновление отношений США с Ближним Востоком в информационном плане играет главным образом Госдепартамент. Ключевыми фигурами администрации в этом стали госсекретарь Хиллари Клинтон и ее заместитель по вопросам публичной дипломатии Джудит Макхейл. По мнению Макхейл, исправление имиджа Америки — долгосрочная цель, однако движение начато. «Сам факт того, что президент имеет африканские корни, а в детстве несколько лет провел в Индонезии, частично объясняет широту его кругозора и его симпатии к другим народам, что те, несомненно, чувствуют; они чувствуют, что Америка заинтересована в диалоге с ними», — акцентирует Макхейл²³.

Макхейл считает, что для достижения поставленных целей нет необходимости менять коммуникационную стратегию, однако следует прибегнуть к «новым инструментам» — в первую очередь к задействованию современных коммуникационных технологий. «Надо добиться того, чтобы мы могли обращаться буквально к миллиардам людей по всему миру, а это никак не получится, если не использовать все инструменты, какие есть в нашем распоряжении. Мы должны использовать технологии. Мы должны понять, какие технологии уместны на том или ином конкретном рынке», — поясняет замгоссекретаря²⁴. По ее мнению, сейчас — тот самый «редкий момент, когда есть возможность подтвердить взаимодействие нашей страны с людьми во всем мире и восстановить нашу репутацию в качестве глобальной силы для благих дел»²⁵.

Однако, судя по всему, последующие два года президентства Обамы в этом смысле окажутся еще более сложными. Тем более теперь — после изменения политического баланса в Вашингтоне в пользу республиканцев.

²² Les Etats-Unis, un des plus grands pays musulmans // Le Figaro, 2 June 2009.

²³ Opening Statement by Under Secretary-Designate Judith McHale / Testifies before May 13 Senate Foreign Relations confirmation hearing, 13 May 2009. — URL: <http://www.america.gov/st/texttransenglish/2009/May/20090515152219eaifas0.4332697.html>

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibidem.

Вагиф ГУСЕЙНОВ

КОНЦЕССИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ

В настоящее время, когда страна усиленно ищет наиболее эффективные способы ускорения экономического развития, хотелось бы поднять старую и в то же время актуальную тему концессий, которые, кстати говоря, являются одним из проявлений модного на сегодняшний день государственно-частного партнерства.

Тема, действительно, не нова, поскольку концессионные формы хозяйствования применяются в мире уже около 150 лет. Но по-прежнему актуальна, так как на современном этапе концессии активно используются для управления государственной собственностью более чем в 100 странах. Подтверждением этого служит и то, что в 1990-х годах законы о концессионной деятельности были приняты даже в таких, казалось бы, бедных на концессионные ресурсы странах, как Черногория (1991 год), Хорватия (1992 год), Киргизия (1992 год), Молдавия (1995 год), Болгария (1997 год), Сербия (1997 год), Коста-Рика (1998 год), Украина (1999 год).

В России же, имеющей наибольший в мире потенциал для развития такого рода деятельности, закон «О концессиях» был принят только 21 июля 2005 года. И даже спустя уже почти 6 лет после принятия закона число заключенных, не говоря уже о реализованных, более или менее значимых концессионных договоров можно сосчитать по пальцам. Между тем, по подсчетам экономистов, на основе концессий не только месторождений нефти и газа, но и леса, сельхозугодий, водных бассейнов наша страна способна освоить производственные технологии стоимостью 7–8 трлн долл.

Такая ситуация представляется тем более ненормальной, что Россия имеет достаточно продолжительную историю концессионной практики и накопила в этой области уникальный опыт в условиях различных общественно-политических формаций, чем не может похвастаться большинство стран. Как известно, иностранные концессии играли заметную роль в развитии многих отраслей экономики ещё в царской России. Они использовались в обрабатывающей и добывающей промышленности, сельском хозяйстве, железнодорожном строительстве.

Концессионная политика в советское время, разумеется, отличалась от той, которая проводилась до революции.

Так, вместо протекционистской политики по отношению только к промышленным товарам в царское время, в советское время были введены высокие таможенные тарифы на все товары.

Если в царское время иностранные предприниматели, вкладывая капиталы в российскую промышленность, успешно выходили на международные рынки, то в советской экономике все выглядело иначе. Концессионеры, работая на внешние рынки и конкурируя с предприятиями других стран, почувствовали, что в силу поставленных советским правительством жестких условий, в частности, в социальной области, эта задача им будет не по плечу. В результате некоторые из них ушли из концессий.

Одним из крупных инвесторов в советское народное хозяйство были лесные концессионные предприятия «Русанглелес», «Русголландлес», «Руснорвеголес», которые с энтузиазмом взялись за работу и в первый же год-полтора затратили значительные средства на пуск лесопильных заводов, устройство лесных бирж и т. д. Вместе с тем уже вскоре после начала деятельности они столкнулись с серьезными трудностями в реализации своей продукции за границей, связанными с кризисным состоянием европейского рынка лесоматериалов. Однако главная причина неуспехов заключалась в сложных условиях работы в СССР, что подорвало их конкурентоспособность и вынудило в 1928–1929 годах «сойти с дистанции».

Иное положение было у тех концессионных предприятий, которые работали на внутренний советский рынок. Они работали в условиях монопольного положения на рынке при неограниченном спросе и высоких ценах, практически не встречая конкуренции со стороны отечественных производителей, что было в принципе исключено при царском режиме.

В легкой промышленности размеры концессионной деятельности жестко ограничивались государством, поскольку свою продукцию текстильные и иные концессии реализовывали на внутрисоюзном рынке в условиях высоких цен, осуществляя вывоз прибылей в основном в денежной форме.

Для иностранного капитала в Советской России особое значение имел абсолютный контроль со стороны государства в силу его монополии на внешнюю торговлю и валютные операции. Этот контроль создавал определенные технические трудности для деятельности концессионера. Коммерческий успех и концессионный договор отнюдь не гарантировали концессиям выживания, единственной гарантией существования концессии в СССР была заинтересованность в ней самого государства. Как только эта заинтересованность исчезала, концессия была обречена.

Абсолютно противоположная картина наблюдалась в случае с государственным контролем предприятий в царской России, где государство выполняло функции поддержки и защиты прав иностранных предприятий.

И все-таки необходимо отметить, что большевики при всей своей прямолинейности были реалистами и в рамках проводимой ими политики — прагматиками. Многие из тех, кто стоял у власти в 20-е годы прошлого столетия, подолгу жили за границей и имели тот или иной опыт решения экономических вопросов, и они умели добиваться результатов.

Был создан специальный орган, ведающий вопросами концессий, — Главный комитет по делам о концессиях и акционерных обществах (ГКК) при Совете Труда и Обороне (СТО).

Как следствие, новая экономическая политика сразу же принесла с собой концессионные договоры. Уже в конце 1921 года такие договоры были заключены с Большим северным телеграфным обществом и Объединенной американской компанией (на добычу асбеста на Урале). Почти в то же время были созданы и первые концессионные смешанные общества — «Дерулюфт» и «Дерутра». Кстати, условия этих договоров явились в большей своей части исходными для договоров последующих. Всего же за период с 1922 года по 1 ноября 1927 года поступило 2 211 концессионных предложений.

По числу поступивших предложений первое место занимала Германия (35,3% всех предложений), следом за ней шли Англия (10,2%), Соединенные Штаты (9,4%) и Франция (7,9%). В числе соискателей концессий были и граждане СССР (5%), предложения которых также рассматривались Главным концессионным комитетом. Последний пример, кстати, говорит о том, что НЭП существовал не на словах.

Любопытно также, что в числе соискателей были страны, признавшие СССР как де-юре, так и де-факто, а также те, которые не признали его вообще. Это еще раз подтверждает старую истину, что капитал мало считается со всякого рода юридическими и политическими принципами там, где видна возможность солидной наживы.

В результате рассмотрения всех этих предложений было заключено всего 163 концессионных договора, т.е. 7,5% от общего числа поступивших предложений. И этот факт, скорее, свидетельствует в пользу советских властей. Конечно, СССР крайне внимательно и зачастую, возможно, излишне осторожно подходил к сдаче того или другого объекта. Почти 50% концессионных предложений были отклонены потому, что касались объектов, которые СССР по тем или иным причинам сдавать в концессии не хотел. Кроме того, СССР с чрезвычайным вниманием подходил к соискателям концессий, и 35% предложений были отклонены по причине отсутствия у соискателей концессий достаточных капиталов. Наконец, 15% предложений было отклонено вследствие неприемлемости условий, предложенных соискателями концессий.

Что касается неравномерного поступления концессионных предложений по годам, то оно объясняется менявшимся внутренним и международным положением СССР, а также надеждой капиталистического мира на то, что СССР не справится со своим хозяйством и будет делать все большие и большие уступки капиталу.

Именно поэтому до 1925 года первое место занимали предложения по работе в области торговли, хотя в целом наибольшее количество концессионных предложений поступило в области обрабатывающей промышленности (31,9%). Это подтверждает то, что в последние годы в СССР шли более солидные и серьезные предприниматели, чем в первые годы концессионной политики, поскольку обрабатывающая промышленность, в отличие от торговли, требует более длительных вложений капитала, при которых предприниматель не сразу получает значительную прибыль.

Свою роль сыграл и ряд внешнеполитических факторов. Так, в 1923 году советское правительство сбросило концессии со счетов после того, как на Генуэзской конференции России было отказано в восстановлении ее в правах члена международного экономического сообщества.

Вместе с тем конец 1924 года ознаменовался частичным неурожаем хлеба и сближением внутренних цен на него с ценами мирового рынка. Если раньше доходы от экспорта хлеба позволяли закупать за границей оборудование и сырье для нужд восстановления, то теперь промышленность садилась на урезанный паек. Нельзя было более строить новое общество путем выжимания последних соков из деревни.

На этот раз был принят ряд мер, предназначавшихся для того, чтобы поставить концессионную работу в СССР на новый уровень. Так, в 1925–1926 годах органы государственного управления демонстрировали весьма благожелательное отношение к концессионерам, в ряде случаев шли навстречу их пожеланиям и оказывали определенную помощь.

Данное улучшение инвестиционного климата в СССР способствовало росту интереса к советской экономике за границей. Пик притока иностранных инвестиций приходится как раз на конец 1920-х годов.

К 1928 году советское правительство нашло более эффективный способ развития промышленности, нежели концессии, а именно — заключение индивидуальных контрактов с западными фирмами и отдельными специалистами. Запад мог отказывать СССР в кредитах, крупные фирмы — в поставках, но он не мог запретить инженерам ехать в СССР на заработки.

Противоречивость концессионной политики советской России середины 1920-х годов получила отражение в правительственной директиве от 10 июня 1925 года. В ней признавалось, что благодаря концессиям увеличивается количество рабочих мест, образуются новые промышленные центры, привлекается новая иностранная техника, а также улучшается организация производства, подготовка квалифицированных кадров для индустрии, сказывается благотворное влияние конкуренции, улучшается валютный баланс страны, расширяются международные отношения страны.

Одновременно в этой же директиве правительства отмечалось, что концессионные предприятия являются конкурентами государственных и, обладая рядом преимуществ (новое оборудование, более высокая техника, организация), способны подорвать гегемонию госпредприятий на внутреннем рынке, затруднить общее планирование хозяйства СССР. Концессионные предприятия воспринимались проводниками влияния иностранного капитала, способными группировать вокруг себя частный капитал и влиять на население, создавая этим некую политическую угрозу.

Говорилось, что эта опасность особенно значительна в тех районах, где иностранные концессии могут служить орудием колонизации края (в частности, японские концессии на Сахалине), очагом шпионажа, опорным пунктом для неприятельских сил в случае военных столкновений и пр. Высказывалось опасение, что концессионные предприятия способны отвлекать от государственного сектора промышленности ограниченные запасы того или иного вида сырья, привлекать к себе квалифицированную рабочую силу, увеличивать потребности страны в импортируемом сырье. К тому же они вывозят из страны прибыль.

Быстрый переход к политике индустриализации страны в конце 1920-х годов предрешил судьбу как концессионной политики, так и уже действовавших в СССР концессий.

В условиях взятого курса на форсирование социалистического строительства создаваемые концессиями политические неудобства превысили скромные выгоды, которые эти предприятия приносили государству. Началась ускоренная ликвидация существующих концессий.

Конец иностранным концессиям положило постановление СНК от 27 декабря 1930 года, согласно которому все прежние договоры о концессиях были аннулированы (за некоторыми исключениями).

К концу 1920-х годов в СССР остались только 59 концессий, 6 акционерных обществ и 27 «разрешений на деятельность». К 1933 году были ликвидированы все промышленные концессии, а к середине 1930-х — все торговые, кроме датской телеграфной концессии, концессий, полученных Японией на рыбную ловлю и разработку угольных и нефтяных месторождений на Дальнем Востоке, и концессии Standart Oil.

Наряду с ликвидацией концессионных предприятий, стала свертываться и сама концессионная политика. Начиная с 1928–1929 годов новые договоры уже не подписывались. В 1930–1931 годах ГКК был низведен до положения юрисконсульта при наркоматах по делам оставшихся концессий, а 14 декабря 1937 года — упразднен.

Говоря о российской концессионной политике на современном этапе, следует отметить, что в постсоветские годы вплоть до недавнего времени в России были использованы все формы ГЧП, за исключением концессий. Несмотря на все имеющиеся условия, концессионная политика и сейчас реализуется в минимальной степени, а правительство продолжает опираться в основном на классические экономические отношения, потенциал которых во многом исчерпал себя.

Между тем в смещении акцентов с прямой или косвенной инвестиционной деятельности на непосредственную работу в России на основе концессионных форм хозяйствования, которые снимут большинство трудностей для иностранных компаний, заинтересованы не только иностранные концессионеры, но, прежде всего, наша страна. На наш взгляд, преимущества здесь очевидны.

Во-первых, с государства снимается значительная финансовая нагрузка, поскольку иностранная компания непосредственно осуществляет финансирование, управление и текущий ремонт сооружений, переданных в концессию.

Во-вторых, концессионное соглашение устанавливает жесткие, долгосрочные, юридически оформленные отношения между государством и концессионером.

И, в-третьих, концессионные соглашения позволяют привлекать частный капитал, в том числе иностранный, без потери со стороны государства стратегического контроля над важными объектами страны.

Особо хотелось бы остановиться на российской инфраструктуре, традиционно являющейся слабым местом в нашей стране. За период с 1990 по 2006 год, то есть до принятия закона о концессиях, в России было реализовано всего 14 проектов в транспортной отрасли. При этом общая сумма инвестиций составила 0,66 млрд долл. В то же время в других странах на автодорожную отрасль приходится максимальное количество проектов ГЧП и наибольший объем привлеченных средств.

Как известно, предметом первого концессионного конкурса в этой области стала автомобильная дорога в Санкт-Петербурге «Западный скоростной диаметр». После этого на основе концессий с использованием средств Инвестфонда было запланировано строительство ряда автомагистралей на юге страны, развитие транспортной инфраструктуры портов, железнодорожных веток в удаленных районах страны, богатых полезными ископаемыми. Не менее интересными для бизнеса оказались и проекты строительства платных автодорог вблизи Москвы. Здесь планируется строительство Центральной кольцевой автомобильной дороги в Московской области и части новой автомагистрали Москва — Санкт-Петербург на участке с 15-го по 58-й километр. К сожалению, на пути осуществления последнего проекта возникли препятствия экологического порядка, в основном имеющие надуманный характер.

Но причина слабости концессионной политики не в них. Имеется ряд объективных проблем, тормозящих концессионные проекты. Среди них остающиеся нерешенными некоторые организационно-правовые вопросы, а также некоторые проблемы в области порядка финансирования концессионных проектов. Эти проблемы обуславливают высокие риски и неопределенность концессионных проектов для частного капитала. А самое главное — не ощущается стремления активно развивать это направление.

Значит, к решению концессионных проблем в нашей стране необходимо подключить экономистов, политиков, юристов, представителей отечественного и зарубежного бизнеса. Это тем более важно, что уже первые итоги концессионных конкурсов показали, что и российские, и зарубежные инвесторы весьма заинтересованы участвовать в подобных проектах.

Хочется закончить словами, прозвучавшими на одной из представительных конференций на тему концессионной политики: «Механизм концессий жизнеспособен и очень перспективен для привлечения значительного объема внебюджетных инвестиций для развития транспортной инфраструктуры, планируемого правительством. При этом значительная роль в применении концессий должна отводиться регионам и местным органам власти, где есть большая потребность и потенциал для реализации инфраструктурных проектов».

Валерий ПАУЛЬМАН (Эстония)

О СПЕКУЛЯЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Спекуляция возникла вместе с рынком тысячи лет тому назад. Возможно, первыми спекулянтами были купцы и ростовщики Месопотамии или Древнего Египта. Как утверждается в энциклопедическом словаре Ф.В.Брокгауза и И.А.Ефрона, *всякая торговая сделка, каков бы ни был ее объект, является спекулятивной, ибо она всегда основана на стремлении получить барыш на разнице в цене*. Не ставя под сомнение сказанное в словаре, давайте оставим обычных торговцев товарами и услугами в покое и обратимся к той категории сделок, единственной целью которых является скупка и перепродажа товаров или иных ценностей с целью наживы.

Изоощренный ум спекулянтов изобрел сотни видов такого рода сделок. Многовековая история спекуляций изобилует удивительными аферами. Считается, что одним из первых объектов масштабной спекуляции были луковицы тюльпанов, завезенные в 1562 году в голландский порт Антверпен из Константинополя. К 1636 году одну луковицу уже можно было поменять на карету с двумя лошадьми и полным набором упряжи. А одним из первых финансовых гениев-спекулянтов, несомненно, был шотландский картежник Джон Лоу (John Law). В 1716 году по его инициативе были основаны Королевский Банк (Banque Royale), который выпустил бумажные долговые расписки для погашения долгов правительства Франции, а также компания «Миссисипи», которая якобы добывала золото в Луизиане (французской колонии в Северной Америке). Акциями мифической компании стали торговать в лучших отелях Парижа. Вся выручка от продажи акций шла не на разведку золота (которого и не существовало), а на выплаты по погашению старых долгов правительства. Афера длилась до 1720 года, когда обманутые вкладчики учинили давку перед входом в Королевский Банк, в ходе которой 15 человек были затоптаны насмерть.

Однако в данной статье я собираюсь писать не об истории афер, а о роли спекуляции в современной экономической жизни. Обобщая, можно утверждать, что в период продолжающегося уже пятый год глобального кризиса четко обозначилась *тенденция возрастания масштабов спекулятивных сделок, в связи с чем усилилось их влияние на процесс воспроизводства товаров, услуг и капитала* как на уровне отдельных стран, так и в глобальном измерении. Сегодня, пожалуй, нет ни одной области экономической жизни общества, где спекулятивные сделки не задавали бы тон. Это — покупка и прода-

жа акций, облигаций, сырья, валюты, коллекционных предметов, недвижимости, производных ценных бумаг (деривативов) и т.д.

Государства во всем мире в той или иной мере пытаются бороться со спекуляциями и лицами, их совершающими, однако этот феномен настолько могуществен и живуч, что искоренить это зло не удается нигде и никому. Однако, справедливости ради, следует заметить, что если бы не было вмешательства государств и их усилий как-то упорядочивать и регулировать проявления рыночной стихии, порождающей спекуляцию, то она, наверняка, парализовала бы нормальное течение всей жизни на земле, вызывая одну катастрофу за другой.

Рассмотрим сначала на примере России недавние спекуляции в области торговли нефтепродуктами на внутреннем рынке. На заседании правительства в феврале 2011 года премьер-министр В.Путин вынужден был констатировать, что в конце 2010 — начале 2011 года от 23 до 55% роста цен на нефтепродукты было необоснованным. С января по декабрь 2010 года цены на дизельное топливо выросли в стране более чем на 35%. Федеральной антимонопольной службе (ФАС) было поручено провести специальное расследование. Кроме того, власти страны также были обеспокоены тем, что в ряде регионов рост тарифов на электроэнергию вдвое, а то и втрое превышает установленный 15%-ный норматив. Премьер привел примеры по Астраханской области, где электроэнергия подорожала почти наполовину, а также по Омской, Саратовской и Курской областям — там цены выросли более чем на 30%.

«По горячим следам» ФАС возбудила *третью* волну антимонопольных дел против крупнейших нефтяных компаний страны за завышение цен на топливо. Результаты проведенных проверок были рассмотрены Высшим арбитражным судом, который признал правоту ФАС России. Согласно решению Суда «Газпром Нефть» обязан перечислить в бюджет 4,67 млрд руб. штрафа за нарушение антимонопольного законодательства. Аналогичные дела ФАС России возбудила в отношении трех других крупнейших нефтяных компаний — ОАО «ТНК-ВР Холдинг», ОАО «НК «Роснефть», ОАО «ЛУКОЙЛ», которые вместе с ОАО «Газпром нефть» занимают доминирующее положение на оптовых рынках автомобильных бензинов и авиационного керосина в границах Российской Федерации. В ходе судебных разбирательств ОАО «ТНК-ВР Холдинг», ОАО «НК «Роснефть», ОАО «ЛУКОЙЛ» признали факт нарушения антимонопольного законодательства. В 2009 году по факту нарушения ОАО «ТНК-ВР Холдинг» перечислило в федеральный бюджет более 1,1 млрд руб. штрафа, ОАО «НК «Роснефть» — более 2 млрд руб., дочка ОАО «ЛУКОЙЛ» — ООО «ЛУКОЙЛ — Нижегороднефтеоргсинтез» — 659 млн руб. штрафа (еще два завода ОАО «ЛУКОЙЛ» также должны перечислить в бюджет «оборотный штраф»).

А если бы правительство и его структуры не вмешивались регулярно в бурную спекулятивную предприимчивость гигантов российского нефтяного рынка и не призывало бы их к умеренности, то трудно даже себе представить, насколько подскочили бы цены на бензин, дизельное топливо, авиационный керосин и топливный мазут в стране, которая является одним из ведущих государств мира по добыче нефти. На каком уровне соотношение спроса и

предложения установило бы цены на нефтепродукты на «свободном» рынке? Наверное, на очень высоком.

Можно предположить, что предел росту был бы поставлен лишь тогда, когда значительная часть потребителей уже не в состоянии были бы их приобретать, а баснословные доходы корпораций в результате сокращения продаж стали бы уменьшаться. Можно не сомневаться, что масса покупателей нефтепродуктов при неконтролируемом росте цен еще долгое время «раскидывала» бы по цепочке дополнительные затраты на конечных потребителей, а те, в свою очередь, руководствовались бы своими неотложными потребностями, приобретая дорожающие нефтепродукты. Например, потребление бензина машинами скорой помощи вряд ли прекратилось бы, а повышение цен компенсировалось бы за счет сокращения затрат на «обычные» виды медицинских услуг или путем увеличения бюджетного финансирования.

Вряд ли государство допустило бы возникновение такой ситуации, когда техника оборонного ведомства или полиции встала бы на прикол из-за опустошенного кошелька соответствующих министерств. Однако, несомненно, то, что спекулятивный рост цен вызвал бы резкий скачок потребительских цен, галопирующую инфляцию. Возросло бы число бедняков, обусловив дальнейшую деградацию населения.

Объектами масштабных спекулятивных сделок в России, с которыми правительство постоянно вынуждено вести борьбу, являются продовольствие, медикаменты, услуги ЖКХ и т.д.

Что же касается мирового рынка, то наблюдающиеся значительные колебания цен на энергоносители и сырье обусловлены не столько объективными процессами (рост объемов производства товаров и услуг, увеличение потребления электроэнергии и топлива населением), сколько спекулятивными операциями. *Достаточно отметить, что в 2008 году цены на полезные ископаемые, руды и металлы, по данным ЮНКТАД, превысили уровень 2000 года почти в 3,5 раза.* То же самое можно сказать и про динамику цен на продовольствие. В прессе вновь замелькали сообщения о том, что мировые цены на продукты питания поднялись до критического уровня. В феврале 2011 года появились сведения о том, что за последние четыре месяца они повысились на 15%.

Если обратиться к данным по России, то цены на крупы и бобовые возросли за 2010 год почти на 70%. Овощи за год подорожали вполтину. Цена на картофель с начала сентября до конца года 2010 года выросла почти в три раза. В числе лидеров инфляционной гонки также и такой важный продукт, как сахар — рост на 20%. Конечно, в повышении цен свою роль сыграли аномальные погодные условия лета 2010 года (и не только в России, но и в других странах — холодная погода в Китае, засуха в Бразилии, наводнения в Австралии). Однако, как показали проверки ФАС, свой немалый «вклад» внесли спекулянты — оптовики, которых подозревают в сговоре. Так, например, общая наценка оптовых баз, посредников и розничных магазинов при продаже картофеля с начала сентября 2010 года по конец января 2011 года выросла в 2,8 раза — с 6 до 17 руб. за каждый кг, а в феврале 2011 года она достигла 80% относительно первоначальной закупочной цены, говорится в сообщении Центросоюза России (<http://news.mail.ru/econo>

mics/5241735/). В этом же сообщении отмечается, что если в сентябре надбавка оптовых баз к первоначальной закупочной цене на картофель составляла 8%, то сейчас она достигает 25%. Соответственно в розничной торговле надбавка относительно закупочных цен за тот же период согласно средним расчетам увеличилась с 37 до 79%! Спрашивается, что это такое, если не спекуляция?

Спекулятивные сделки осуществляются не только в отношении сельскохозяйственных продуктов, производство которых подвержено влиянию погодных условий, но и других продовольственных товаров, например, рыбы. По данным, приведенным главой Росрыболовства Андреем Крайним (<http://news.mail.ru/economics/5241735/>), мурманские рыбаки продают мойву по 13 руб. за кг, а в магазинах Москвы ею торгуют по 50 руб. (при этом стоимость доставки этого кг составляет 2,5 руб.). Разница почти в 35 руб. — это не только «нормальная» прибыль, но и чисто спекулятивный «навес».

Если же обратиться к данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), то в январе 2011 года продовольственный индекс цен ФАО, который базируется на продовольственной корзине, включающей зерно, масличные культуры, молочные продукты, мясо и сахар, увеличился на 3,4% по сравнению с декабрем 2010 года и равнялся 231 пункту. Это самый высокий показатель с тех пор, как ФАО начала измерять индекс в 1990 году. По данным Всемирного банка, из-за роста цен на продукты число людей на планете, живущих за чертой бедности, достигло 1,2 млрд человек.

Итак, *за десятилетие цены на продовольствие возросли в мире в 2,3 раза!* И это несмотря на успехи «зеленой революции» и реализацию специальных программ ФАО, а также национальных программ. Ничем другим, как спекуляцией, объяснить такой поистине фантастический рост цен просто невозможно. Этот вывод подтверждается и следующей выдержкой из февральского (2011 год) доклада ФАО. Цитирую: «Хотя расширение посевных площадей и благоприятная погода в ключевых районах производства способствовали значительному увеличению мирового производства продовольствия в течение 2009 года и в начале 2010 года, неблагоприятные погодные условия в середине 2010 года отрицательно сказались на урожаях основных продуктов питания. *Вдобавок спекуляция расширила диапазон колебаний цен на продовольственные товары. Цены на продовольствие будут и впредь оставаться чувствительными к шокам предложения и к вспышкам спекулятивной активности на рынках производных инструментов (деривативов) на сырьевые товары*» (курсив мой. — Авт.) (см. Новости ООН от 18 февраля 2011 года). Не могу не привести следующую любопытную выдержку из статьи о мировом рынке какао-бобов (http://investlib.ru/commodities/cocoa_bob.html): «Как и другое сырье, какао покупают не только для нужд реального производства, но и для спекуляций. Так, например, по данным Financial Times, когда цена держалась на уровне 1800 долл. за тонну, а обстановка в Кот-д'Ивуаре была относительно стабильной, появилась информация о том, что кто-то из участников рынка скупил около 7% мировых запасов какао-бобов и заключил огромное количество срочных контрактов (фьючерсов и опционов). Считается, что этот кто-то был проинформирован о предстоящих событиях на западе Африки и умел на этом крупно заработать».

Тему нестабильности цен на различных рынках можно продолжать бесконечно, приводя массу примеров (спекуляции с золотом, произведениями искусства, алмазами, ювелирными изделиями и т.д. и т.п.). Однако в этом нет никакой необходимости, так как эти факты у всех на слуху, так же, как постоянно вспыхивающие скандалы с теми или иными аферистами в мире бизнеса, некоторые из которых отбывают установленные им сроки наказания в тюрьмах (М.Ходорковский, Б.Мэддофф и др.). Рассмотрим совершенно *иной аспект феномена спекуляции*, который, пожалуй, играет сегодня важнейшую роль в динамике процессов, протекающих в рамках системы глобального капитализма.

То, что спекуляция явилась одним из главных факторов, давших старт текущему мировому кризису, подтверждает и последний доклад экспертов Департамента по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ) ООН «*Мировое экономическое положение и перспективы в 2011 году*» (раздел «Резюме»). Эксперты дипломатично воздержались от использования термина «*спекуляция*», хотя в докладе этому явлению, по существу, посвящено несколько важных выводов. Эксперты, в частности, отметили, что инвестиционные банки, хедж-фонды, рынки производных финансовых инструментов и так далее были главным фактором в формировании глобального кризиса в 2008 году.

Рассматривая формы и инструменты спекулятивной деятельности, а также ее основных субъектов, наряду с вышеперечисленными финансовыми структурами (инвестиционные банки и хедж-фонды), как бы это ни звучало необычно, следует назвать и *государства*. Споры нет, налицо — определенное противоречие, однако оно объективное. С одной стороны, государства, защищая интересы своих граждан и заботясь о стабильности в обществе, вынуждены вести борьбу против, скажем мягко, «перегибов» в предпринимательской деятельности корпораций, банков, фондов и отдельных физических лиц. А с другой, государства, оказавшись в сложном финансовом положении, нередко сами прибегают к акциям, которые иначе как спекулятивными не назовешь. К их числу относятся выпуск в обращение денежных знаков, а также размещение на рынке различного рода долговых ценных бумаг — облигаций, казначейских обязательств, сберегательных сертификатов, векселей, *не обеспеченных в достаточной мере материальными ценностями*.

Немалую роль в спекулятивной игре государств играют и обменные курсы национальных валют, отпущенные после краха Бреттон-Вудской системы в свободное рыночное плавание. Этим инструментом (валютными биржами) активно пользуются и финансовые спекулянты, например, всемирно известный Джордж Сорос, который в настоящее время активно включился в операции с золотом. Имея в виду именно государства как игроков на глобальном рынке, эксперты ООН в упомянутом докладе писали: «...обменные курсы основных валют были очень нестабильны в течение 2010 года, и эскалация напряженности быстро распространилась на другие валюты».

Неспособность поддерживать стабильность обменных курсов между тремя основными международными резервными валютами отрицательно сказалась также и на валютах стран с формирующейся рыночной экономикой. Резкое увеличение притока капитала в развивающиеся экономики, подпитываемое расширением денежной массы в развитых странах и реформированием

портфеля международных инвесторов, а также ослаблением курса доллара, создало давление в сторону повышения обменных курсов в некоторых странах с формирующейся рыночной экономикой. Развивающиеся страны отреагировали на это вмешательством на валютных рынках и/или введением контроля за движением капитала, чтобы избежать повышения курсов валюты, утраты конкурентоспособности и образования финансовых «пузырей».

Нестабильность валют и ощущение, что валютные курсы отклоняются от равновесного уровня, может стать частью крупного конфликта по поводу торговли, который вполне может вылиться в волну протекционистских мер и ответных действий по всему миру, вновь создавая риск прекращения роста мировой экономики и дестабилизации финансовых рынков» (стр. 10). И далее эксперты отметили, что «...мировой финансовый кризис вызвал рост чистых иностранных обязательств Соединенных Штатов Америки. Расширение денежной массы и дальнейшее снижение курса доллара может быть использовано США для снижения своих значительных международных обязательств через инфляцию и экспорт, но это, скорее всего, создаст опасность нарушения торговли и финансовых рынков. Кроме того, ослабление доллара чревато повышением цен на импортные товары в самих Соединенных Штатах, на крупнейшем потребительском рынке в мире, и тем самым подрывает покупательную способность. Это может привести к спаду в глобальной торговле, то есть к результату, противоположному потребительскому буму в США, который подпитывал глобальный экономический рост до финансового кризиса. Соответственно, если возрастут опасения, что экспорт будет подорван слабостью доллара, развивающиеся страны будут, разумеется, склонны проводить интервенции на валютных рынках, как это уже делается. Однако частые интервенции на валютных рынках увеличивают потенциал для международных валютных и торговых конфликтов, которые могут еще больше подорвать международное сотрудничество в рамках G20. Дальнейшее ослабление приверженности политике международной координации негативно скажется на перспективах сбалансированного и более устойчивого восстановления глобальной экономики» (стр. 11).

Эксперты ООН также отметили в своем докладе и такой немаловажный вид спекулятивных сделок, как «потоки краткосрочного капитала», или, другими словами, операции с портфельными инвестициями, которые в последние десятилетия вызвали ряд острейших локальных финансовых кризисов.

Множатся спекулятивные сделки в Интернете и при помощи Интернета.

Любое бедствие, любое нарушение процесса воспроизводства в результате технических аварий или буйства стихийных сил природы используются спекулянтами для извлечения прибыли. Спекулянты паразитируют на трагедиях, как это произошло после серии разрушительных землетрясений в Японии или народных волнений в странах арабского мира.

Рассматривая феномен спекуляции, нельзя не обратить внимания на *нравственный аспект* действий спекулянтов, кем бы они ни были. Разве можно совместить принципы высокой нравственности с закономерностями воспроизводства Капитала? О каких духовных, человеческих основаниях отношений между людьми может вообще идти речь при системе, которая ежедневно

воспроизводит все увеличивающуюся поляризацию общества, порождает такие явления, как массовую безработицу, нищету и пауперизм?

Борьба предпринимателей между собой, выступающая в форме *конкуренции* на рынке капиталов, товаров и услуг, настолько ожесточенна, что *порождает плохо управляемую экономическую среду*, несмотря на то, что от стихии рыночных отношений страдают все субъекты без исключения. Однако стремление к наживе, помноженное на индивидуализм и эгоизм, перевешивает все доводы разума. Разве государства в состоянии предотвращать появление «мыльных пузырей» на биржах? Что они могут противопоставить действиям миллионов и миллионов частных лиц — владельцев капитала, ведущих погоню за легкой прибылью путем спекуляции акциями, валютой, товарами стратегического значения? Абсолютно ничего, учитывая масштабы неизбежной коррупции чиновников государственного аппарата снизу и доверху, а также официально признанный институт лоббирования, не говоря уже о спекуляциях государственного масштаба.

Спекулянты устремляют свои капиталы туда, где можно заработать максимум прибыли, туда, где можно уйти от налогообложения и не нести ответственности за решение социальных проблем народов. Достаточно упомянуть до сих пор не урегулированную проблему так называемого *оффшора*, где спекулянты, коррупционеры, воротилы преступного бизнеса прячут свои награбленные богатства, несмотря на торжественное обязательство государств, входящих в состав G20, решить ее раз и навсегда.

Ни одно государство капиталистического мира не в состоянии искоренить стремление капитала извлекать максимальную прибыль под покровительством священной *свободы предпринимательства*, в частности, используя спекулятивные сделки, подрывающие устои как национальных экономик, так и всего мирового хозяйства. Спекуляция подобно ржавчине разъедает механизм воспроизводства капитала, становясь, пожалуй, одним из важнейших факторов, порождающих экономические кризисы. Недаром госпожа Ангела Меркель, выступая перед участниками последнего Всемирного форума в Давосе, заявила, что следует сфокусироваться на мероприятиях, позволяющих избежать спекуляций на рынках сырьевых товаров.

Василий КОЛТАШОВ

ДОЛЛАР И ЖЕСТКАЯ ЭКОНОМИЯ: ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

Ослабление американской валюты в первые месяцы 2011 года оказалось симптоматичным. Колоссальная эмиссия доллара в 2010 году не помешала ему удержать неплохие позиции относительно других валют. Но стремительный рост продовольственных цен на планете, вызванный переносом инфляции с доллара на остальные валюты, привел к обострению во многих странах социального кризиса. С началом года доллар начал терять прежнюю международную поддержку, а ряд слабых звеньев мировой экономики был поражен массовыми выступлениями и революциями. США вынуждены были признать жесткую экономию по европейскому образцу неизбежной для себя. Вопрос отныне сводится к срокам. Но от этих сроков многое зависит в мировой экономике. От них зависят глобальные сырьевые цены и потоки инвестиций, что особенно важно для России.

Политика Соединенных Штатов по борьбе с кризисом в 2008–2010 годах была построена на субсидировании финансовых корпораций. Она осталась таковой и с началом 2011 года. Но позитивный настрой по поводу ее результатов стал все более сменяться тревогой от непредсказуемых последствий. В начале декабря 2010 года глава ФРС США Бен Бернанке продемонстрировал оптимистический взгляд на будущее американской экономики. Он заявил, что не видит для США риска наступления новой полномасштабной рецессии. По мнению Бернанке, одобренная в ноябре программа покупки гособлигаций на 600 млрд. долларов могла далее расширяться. То есть США могли уверенно эмитировать доллар в больших количествах для решения прежних задач.

Вашингтонские чиновники игнорировали неприятные данные по росту цен на продовольствие в США, полагая, что серьезных осложнений они не принесут. Однако американские власти предполагали действовать по обстоятельствам, ориентируясь на инфляционные результаты проводимой политики. Беда ФРС США состояла в том, что уже осенью 2010 года несложно было разглядеть в стране рост продовольственных цен — важный признак «инфляционных последствий» и общего снижения уровня жизни.

В конце 2010 года предполагалось, что выкуп американских облигаций уменьшит государственный долг и обеспечит дополнительными средствами

частный сектор. Фондовые рынки позитивно реагировали на подобные заявления Бернанке. Выделяемые США огромные средства оставались основным источником поддержания спекулятивного роста рынков, включая игры на рынке продовольствия. Однако к лету 2011 года встал неожиданный вопрос: как продолжать эту политику дальше и при этом удерживать под контролем инфляцию, а также периферию мировой экономики? Как добиться от иностранных правительств поддержки доллара, когда они все более обеспокоены политической опасностью такой политики? Народные восстания на Арабском Востоке показали пределы возможной для периферийных элит поддержки доллара и общего выжидательного антикризисного курса.

Восстановление рыночной активности в 2009–2010 годах произошло без устранения причин кризиса. В 2011 году США не могут позволить себе отказаться от долларовой эмиссии, а большинство стран продолжает поддерживать американскую валюту и косвенно субсидирует экономику Соединенных Штатов. Инфляция по-прежнему перекалдывается с американского на другие национальные хозяйства, а проблема дефицита государственных бюджетов встает все острее. Быстрый рост стоимости жизни в США вызвал первые серьезные массовые протесты американцев. Характерно, что не это, а именно осознаваемое Вашингтоном ослабление поддержки доллара толкнуло Барака Обаму на важный политический шаг. Он объявил о предстоящем переходе федерального правительства к политике жесткой экономии.

С началом нового финансового года 1 октября 2011 года США, согласно проекту бюджета, сократят размер дефицита на 1,1 трлн долл. Анонсированная Белым домом политика бережливости будет включать два блока — повышение налогов и сокращение государственных трат, прежде всего на социальные статьи. Вместо эмитируемых долларов на нужды «поддержки экономики», вероятно, будут частично пущены доллары сэкономленные. Но такая политика неизбежно будет означать снижение общего размера помощи корпорациям, хотя для поддержания роста на мировых рынках требуется именно наращивание денежных вливаний. Беда в том, что его перестают выдерживать как трудящиеся массы, так и финансы стран периферии.

Власти США еще находятся на распутье. Но республиканцы решительно настаивают: жесткая экономия — единственная альтернатива. И если Вашингтон рассчитывает в 2011 году (по крайней мере, до осени) удержаться в рамках старого курса, то администрации штатов переходят к жесткой экономии. Особенно преуспели в этом представители республиканской партии, что в конце февраля обернулось массовыми протестами в штате Висконсин. Их вызвали инициативы губернатора-республиканца по уменьшению дотаций госслужащим и урезанию прав профсоюзов. Затем подобные акции прокатились по другим штатам. Особо заметными они оказались в Индиане и Нью-Джерси. Всюду недовольных объединило стремление властей сократить зарплаты и социальные программы.

Победа республиканцев на промежуточных выборах в Конгресс в ноябре 2010 года усиливает лобби сторонников жесткой экономии в борьбе с эмиссионной линией «решения проблем». И все же администрация США не спешит менять стратегию. Возможно, участие в военной интервенции против Ливии имеет одной из причин для Вашингтона вероятное укрепление доллара, как

валюты сильной державы. В конфликте США решают как задачи взятия под контроль стихийного народного движения на Арабском Востоке, так и повышения популярности правительства демократов. Примечательно, что в самих США идут аналогичные с другими странами процессы обнищания населения.

По информации Министерства труда США, в феврале цены на продукты питания по сравнению с январем поднялись на 3,9%. По наблюдению американских экономистов, в 2010 году стране не удалось избежать воздействия общемирового роста цен на продовольствие. Согласно заявлению экономиста департамента сельского хозяйства США Ефраима Лейбтага (Ephraim Leibtag), некоторые пищевые продукты подорожали в минувшем году на 40–60%. Большое значение имеет и 80% рост цен на пшеницу, что является источником серьезного беспокойства населения. Дальнейший рост цен на продовольствие в Соединенных Штатах обещает еще более увеличить долю затрат трудящихся на питание. В семейном бюджете массы работающих американцев эта статья является второй после расходов на жилье и может достигать 25–30%.

До кризиса США были знамениты попрошайками с табличками «Меньше доллара не беру». За 2008–2010 годы многое изменилось. Проблема голода является актуальной для миллионов людей. Продолжающийся рост цен на продовольствие грозит поднять ее остроту в 2011 году. В стране протесты безработных уже становятся протестами голодных. В таких условиях переход к жесткой экономии не решает никаких проблем. Он лишь позволяет укрепить доллар относительно других валют, а возможно, и уменьшить темпы роста продовольственных цен. Другой важный для капитала итог: сокращение затрат на рабочую силу. Республиканцы уверены, что сокращение налогов для бизнеса и социальных расходов улучшит экономическую ситуацию и состояние государственных финансов. Чего реально стоит ожидать?

Греция остается главной европейской лабораторией жесткой экономии; в 2011 году власти продолжают ужесточать курс вопреки массовому недовольству. По негативным результатам Греции можно судить о вероятных последствиях «экономной» политики для других стран. За первые два месяца 2011 года доходы бюджета по сравнению с аналогичным периодом 2010 года упали на 9,1%, что равносильно 7,950 млрд евро. Намеченное на этот год урезание социальных расходов при новом повышении косвенных налогов на потребительские товары (цена литра бензина уже доведена до 1,6 евро) должно помочь достичь приемлемого размера дефицита. В дальнейшем это обещает обернуться новым сокращением государственных доходов.

Спасение национальных финансов не является единственной целью осуществляемой в Греции жесткой экономии. Данная политика направлена на удешевление рабочей силы, ухудшение условий труда и ликвидацию социальных гарантий. Успехи Греции на этом пути ведут к более широкому распространению жесткой экономии в Европе. Согласно данным Евростата, в четвертом квартале 2010 года индекс затрат на рабочую силу в Греции снизился на 6,5%. По данным Организации занятости рабочей силы, в Греции за два первых месяца 2011 года в сравнении с аналогичным периодом 2010 года на 18,36% сократилась вербовка новых работников. Одновременно все больше сотрудников переводится компаниями на «гибкие контракты». В 2010

году «гибкими» оказались 47% трудовых договоров, заключенных с новыми работниками, что отражает общее ухудшение оплаты и условий труда.

Ухудшение ситуации в американской экономике, на рынке труда США — вот то, что можно ожидать от перехода к жесткой экономии. Ставка на эмиссию доллара обеспечила Соединенным Штатам двухлетний период медленного развития кризиса, дальнейшая перспектива — увеличение его темпов. Вынужденное уменьшение субсидий частному сектору вряд ли удастся компенсировать удешевлением рабочей силы. Возможности властей предотвратить крупные банкротства сократятся.

США не придется делать выбора. Жесткая экономия — единственный путь для неолиберальных властей, правительства, не желающего ничего принципиально менять. Возможности эмиссионного смягчения кризиса для финансовых корпораций подходят к концу. И хотя в ФРС США страх утери контроля над инфляцией перекрывается уверенностью в готовности других государств дальше поддерживать доллар, поддержка эта становится не только более слабой, но и политически более опасной. Если относительно самих Соединенных Штатов корпоративные элиты уверены в сохранении контроля, то страны периферии могут не выдержать в массовом порядке. Арабские революции — только первый сигнал перехода социального кризиса в политический взрыв.

Эмиссия доллара как инструмент поддержания глобальной стабильности и стабильности экономико-политической гегемонии США превращается в механизм разрушения последней. И не факт, что более быстрый переход к жесткой экономии, на чем особо настаивают республиканцы, что-либо качественно изменит. Напротив, ослабление американского рынка в результате жесткой экономии, как уже показал европейский опыт, может стать дополнительным толчком для развития политических кризисов на периферии мирового капитализма. Россия принадлежит к глобальной полупериферии. Ей не приходится рассчитывать на выигрыши от все более необходимого неолиберальным верхам США перехода к политике жесткой экономии на общенациональном уровне.

Рост цен на продовольствие связан с эмиссией доллара. Но он также неотделим от падения реальных доходов населения планеты; в США этот процесс может лишь ускориться с переходом экономии в наступление. Спекуляции продовольствием приобрели в 2010 году настолько большое значение именно в результате смещения низового спроса. Производству промышленных товаров это не обещает ничего хорошего. Плохая новость для индустрии является плохой новостью для всей мировой экономики, включая сырьевой сектор. Рост цен в этой зоне, особенно повышение стоимости нефти, обусловлен спекуляциями. Сокращение американских субсидий банкам-спекулянтам может опустить цены. Но стоимость продовольствия продолжит расти.

Вставшая перед США дилемма состоит в том, как, сохранив прежнюю модель мирового капитализма, сберечь и финансовую стабильность. Выбор жесткой экономии как национальной стратегии практически predetermined, если только протесты американцев не помешают этим планам. Стремясь удержать популярность, Обама демонстрирует принужденность перехода к жесткой экономии. Однако даже такая «необходимость» не может скрыть

провала прежнего курса борьбы с кризисом. Курса, который могли позволить себе проводить только США. Быстрый переход ЕС к жесткой экономии показал, что «единая Европа» не может рассчитывать на такую международную поддержку своей валюты, чтобы опереться на почти неограниченную эмиссию.

Разворот США к жесткой экономии, даже медленный — сознательно затянутый, многого лишает американские корпорации. Доступ к огромным государственным кредитам и субсидиям позволяет им использовать проблемы других стран и компаний. Но перевес негативных последствий такой политики оказывается сильнее. Расчеты российских властей строятся на сохранении повышательной динамики мировых рынков, особенно сырьевых. Однако вынужденный отказ США от курса большой щедрости с переходом к жесткой экономии обещает рынкам переход от роста к стагнации, если не к глубокой коррекции. Альтернатива этому — все менее контролируемая инфляция и скорые непредсказуемые политические перемены с решающей ролью широких масс. Стабильность рынков оборачивается глобальной дестабилизацией. Нестабильность сырьевых цен и курсов акций не меняет качественно ситуации. Но при жесткой экономии политические верхи сохраняют больше финансового контроля.

Жесткая экономия в США укрепит американскую валюту, но не остановит деструктивных процессов в мировом хозяйстве. ФРС, вероятно, постарается перейти к сокращению эмиссии так же постепенно, как федеральные власти — к политике жесткой экономии. Основания для сокращения долларовой эмиссии казались недостаточно сильными еще в декабре 2010 года. После волны арабских революций и подведения итогов роста цен на продукты питания, они делаются все более прочными. Радикальные перемены в одних странах и их возможность по вине кризиса в других вынуждает американские элиты менять политику. Эта политика одинакова для республиканцев и демократов; различны лишь формы ее идеологического прикрытия.

В России 30 марта президент Медведев озвучил 10 первоочередных мер для модернизации экономики. Их реализация, по его мнению, должна улучшить инвестиционный климат в стране. В числе предложенных мер: уменьшение социальных взносов, изгнание чиновников из компаний с акциями, принадлежащими государству. Предполагается новая волна приватизации и создание ответственных за инвестиционный климат чиновников — инвеступолномоченных. Чрезвычайно важным шагом является снижение налоговой нагрузки на бизнес. Все это, как предполагается, должно повысить инвестиционную привлекательность российской экономики. В отличие от премьер-министра Путина (говорящего об успешно идущем восстановлении экономики), Медведев тем самым признал, что «оживающая» экономика России не интересна инвесторам. Беда в том, что меры президента для развития российской экономики могут дать совсем не то, что первостепенно необходимо.

Проблематичность успешного исполнения 10 пунктов Медведева связана не только с консервативной ставкой на внешние рынки, тесно связанные с происходящим в США и их политикой. Имеют значение и негативные процессы на российском рынке. Меры для улучшения инвестиционного климата России отражают обеспокоенность властей сложившейся в экономике ситуа-

цией. Однако они имеют лишь ограниченное отношение к созданию подлинно хорошего инвестиционного климата. Реальные инвестиции остаются ахиллесовой пятой российского правительства и экономики. Мировая конъюнктура улучшилась, но декларируемое чиновниками оживление отечественной экономики выглядит не более чем стабилизацией в рамках продолжающегося кризиса. Бегство капиталов из России продолжается, и причина не в «плохом инвестиционном климате». Беда в разрушении российского внутреннего рынка, усиливаемом продовольственными спекуляциями.

Процессы на российском рынке чрезвычайно схожи с происходящим в других странах, включая Соединенные Штаты. В России, как всюду на планете, спекулянты продовольствием отнимают сбыт у промышленных товаров. Они губят реальный сектор и разоряют массового покупателя. Борьба с ними для власти означает бороться с крупными банками, с их политикой и интересами, что объективно невозможно. Ведущие банки в России связаны с сырьевыми корпорациями, определяющими политику государства. Бюрократические препоны не помешали России пережить в 2001–2008 годах инвестиционный бум. Сокращение налогов и социальных отчислений в нынешних условиях не поможет росту прямых инвестиций, поскольку не создаст для них поля, а обеспечит лишь смягчение условий.

Как показывает греческий опыт, последствия погони за инвестиционным климатом могут оказаться катастрофическими. Наиболее решительная в Европе апробация мер жесткой экономии, согласно данным греческой статистики, привела к резкому провалу спроса. По данным службы Элстат (ЕΛΣΤΑΤ), за 2009 год объем продаж в Греции сократился на 11,3%. В 2010 году он понизился еще на 6,2%. За первые месяцы 2011 года процесс ухудшений ускорился.

Объем розничных продаж в январе 2011 года по сравнению с аналогичным периодом 2010 года в Греции снизился при расчете в неизменных ценах на 16%. Продажи продовольственных товаров сократились на 11,1%. Крупные пищевые магазины потеряли 9% от объема продаж. Сбыт обуви и одежды понизился на 25,3%. Продажи магазинов табака, напитков и алкоголя упали на 16,2%. Реализация мебели, электроприборов и домашнего оборудования сократилась на 20,6%. Сбыт автомобильного топлива, машинных масел и жидкостей рухнул на 25,5%. Общее снижение оборотов торговли составило в Греции 10,5%. Согласно оценкам греческого Института экономических и промышленных исследований, 3/4 потребителей уверены в предстоящем ухудшении экономического положения в стране, а 70% домашних хозяйств ожидают роста материальных трудностей. 55% потребителей считают, что едва сводят концы с концами.

В рамках Западной Европы ситуация по ряду стран отличается от греческой картины — витринной для ЕС — не так уж радикально. В Португалии экономические проблемы вызвали в марте 2011 года политический кризис. Падение благосостояния жителей страны породило массовые протесты. Евростат опубликовал данные, что объем розничных продаж в ЕС вырос за 2010 год на 0,7%. При этом было зафиксировано падение продаж в ноябре. Картина, представленная статистической службой Евросоюза, выглядит сравнительно неплохо. Но при разборе ее критики обнаруживается, что в разных странах (особенно на юге еврозоны) констатируются и развиваются

обратные тенденции. Падение уровня жизни и высокая безработица (в Испании среди молодежи она составляет 43,5%) порождают падение потребления, а его частные всплески скорее говорят о стремлении населения сделать запасы и защититься от роста цен. В этот же период произошло падение продаж автомобилей в Европе. Но еще до этого, в ходе 2010 года, они медленно сокращались. Даже в Германии ситуация не оценивается оптимистично. Не только в Италии, Португалии, Греции и Испании процесс развивается по общему сценарию. Во Франции, Бельгии, Голландии и Англии констатируются те же процессы.

Действуя по аналогичному с Грецией (Евросоюзом в целом и США) неолиберальному сценарию бюджетной экономии, мягкой налогово-тарифной политики для бизнеса и жесткой для населения, Россия неминуемо придет к греческим результатам. В схожем положении окажутся и другие страны планеты. Таковы заранее предсказуемые и уже проверенные экспериментально результаты курса, идущего на смену выжиданию, основанному на расходовании резервов или долларовой эмиссии, как действуют Соединенные Штаты.

Тезисы главы российского государства показательны. Они отражают беспокойство, но для создания «хорошего инвестиционного климата» с прицелом на внешний рынок момент в мировой экономике явно не подходящий. Есть и другая проблема: инвестиционный климат может быть привлекательным, прежде всего, в результате растущего низового спроса, что сулит выигрыши, а не убытки от прямых капиталовложений. Все остальное, включая удаление бюрократических помех, носит дополнительный характер и самостоятельно работать не может. Важная показательная черта тезисов Медведева — это момент их оглашения. Прошло порядка двух лет с начала так называемой экономической модернизации. Не только в России, но и в остальном мире это было время ожидания победы США над экономическим кризисом. Победы этой не произошло. Глобальный кризис и противодействие части его проявлений со стороны неоконсервативных правительств входят в новую фазу.

Арабские революции — это пугающий элиты признак того, что финансовая стабильность 2009–2010 годов перерастает в политический «хаос и анархию». Дальнейшая эмиссия американского доллара становится источником колоссальной угрозы глобальной гегемонии США (быстро ослабевающей вместе с ростом потребительской инфляции), но и сохранению status quo господства периферийных и полупериферийных режимов. В Вашингтоне сознают, что увеличивающееся взятие США на себя собственных издержек кризиса поднимет социальный накал в стране, и поэтому медлят с переходом к более умеренной финансовой политике и экономии. Одновременно ФРС США не может не сознавать, что более умеренная финансовая политика лишит американский крупный капитал прежней монетарной опоры.

Россия вступает в новый этап мировой экономической и социально-политической нестабильности как страна, провалившая «консервативную модернизацию». 2009–2010 годы прошли в разговорах о ней, но в новых условиях актуальным делается поиск реального решения проблем. Следом за другими европейскими странами, где негативным лидером остается Греция, Россия вступает в период заманивания инвестиций в экономику, из которой они

предпочитают бежать. Привлечение их будет основано на самых жестких неолиберальных мерах, пугающих даже большую часть российского чиновного класса. Избранный путь является не просто консервативным, он ультраконсервативен, и потому не стоит рассчитывать, что он позволит вывести экономику из совершенно нетривиальной кризисной ситуации. Сделать российский рынок более открытым — не значит сделать его более богатым. Но именно размер рынка — его богатство делает его притягательным для капиталов. В условиях глобального падения реальных доходов населения никто не станет создавать новые мощности в России с ориентацией на внешний сбыт, а внутренний рынок России не выглядит интересным.

Концентрация на мировых биржах эмиссионных долларов не означает, что есть свободные капиталы, готовые броситься в российскую экономику. Скорее, они готовы еще более сыграть на рост мировых цен, провоцируя падения реальных доходов по всему миру и бегство капиталов из России. Даже перемена денежной политики США с ультраэмиссионной на жестко экономную не обещает России улучшений. Увеличение сырьевых цен провоцирует рост издержек в реальном секторе, включая российскую экономику. Деградация национального хозяйства при таком сценарии идет медленно. Но снижение стоимости сырья на внешнем рынке, коррективное или обвальное, обещает только новые проблемы.

Единственный выход для России — изменение модели ее экономики, кардинальный разворот всей хозяйственной и социальной политики. Но если этого не произошло за два года, последовавших за уроком 2008 года, то почему это должно случиться в 2011 или 2012 году? Движения высшего эшелона власти направлены в старом направлении. Однако неучтенным остается социальный фактор, который на Арабском Востоке включили эмиссионный доллар и цены на хлеб.

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНЫХ ПОТРЯСЕНИЙ

*В обсуждении приняли участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета **Вал.А.Луков**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАО **Л.П.Буева**.*

*Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор **П.С.Гуревич**.*

Гуревич П. Взятие Бастилии 14 июля 1789 года ежегодно отмечается как начало Великой французской революции. Но как вершилась эта национальная баталия? Что вызвало к жизни это социальное потрясение, ставшее прологом к новейшей истории? В связи с тем, что выросли цены на хлеб, на улицах стали собираться толпы людей. Они еще не понимали, как будут развиваться дальнейшие события. Королевская чета спокойно укрылась в Версале, не забыв отдать распоряжение о стягивании войск в столицу. У солдат не было конкретного приказа, но сам факт породил слух: король хочет учинить кровавую расправу над людьми.

Об этом рассказал журналист Камиль Демулен. На самом деле никакая Варфоломеевская ночь со стороны короля не замышлялась. Однако тысячи взволнованных граждан захотели немедленно вооружиться. Утром следующего дня посланцы «парижских избирателей» отправились к арсеналу Дома инвалидов, чтобы получить ружья. Разумеется, им отказали. Наступил миг, когда социальное потрясение можно было еще предотвратить. Но толпа ворвалась в арсенал и захватила более 30 тысяч ружей. Повстанцам не хватает пороха. С этой минуты данное слово приобретает метафорический смысл. Толпы бросаются к Бастилии, чтобы зарядить ружья. Комендант Бастилии де Лоне отдает приказ об обороне. К нему отправилась делегация на переговоры. Но мятежная орущая толпа уже не слушала никаких резонов. Она обвинила переговорщиков предателями и ринулась на штурм. Атака была отбита. Еще остался шанс «разрядить» обстановку. Но тут приволокли какую-то девушку, про которую сказали, что это дочь коменданта. Раз отец не уступает повстанцам, надо ее сжечь. Но она, на самом деле, никакого отношения к коменданту не имеет. Тут уж мятежный дух опрокинул все препоны. Де Лоне погиб — проходящий мимо повар отрубил ему голову. Гнев толпы требует все новых и новых жертв. Хаос и отчаяние овладевают людьми.

Происходящее мало похоже на героический штурм твердыни деспотизма. Голову де Лоне несут по Парижу. Все это напоминает какое-то варево из неле-

ных и трагических ошибок. Однако оно затем послужило основой для романтизации случившегося. Литографии изображали освобождение заключенных, которые выдержали пытки и мрачные казематы. И теперь, обнаженные и закованные в кандалы, они будили ярость масс. Но в захваченной тюрьме не было политических заключенных... Но злополучная твердыня тирании рухнула.

Мы помним, что вспышка в Тунисе, уже в наши дни, началась с самоубийства человека, который остался без работы и был изгнан с рынка, где он торговал зеленью. События в Египте и Ливии тоже разворачивались вне традиционной социальной логики, но, тем не менее, вызвали целую цепочку сходных выступлений. Так что же такое «социальные потрясения»? Хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Чем объяснить постоянную повторяемость социальных потрясений в истории?
2. Какую роль играют мятежи и восстания в жизни общества — созидательную или разрушительную?
3. Возможны ли в нашей стране сегодня такие же социальные потрясения?

1. Чем объяснить постоянную повторяемость социальных потрясений в истории?

Гуревич П. История невозможна без социальных потрясений. Социальные катаклизмы, катастрофы, революции, нищета, вынужденное рабство — все это, как и многое другое, неизбежные события истории. Не является поэтому новостью и эсхатологическое ощущение истории. Известны и апокалипсические пророчества, сопутствующие трагическим ее страницам. История знает вулканические извержения и подземные толчки. Она, по определению, безжалостна. В ее запасниках бывает и все вместе — землетрясение, цунами и ядерный реактор, как это случилось с многострадальным японским народом.

Буева Л. Начнем, очевидно, с того, что цивилизации рождаются, живут и умирают. История человечества — это чередование культур, каждая из которых расцветает, проживает свою неповторимую судьбу и уступает место другим, порождая гигантские цивилизационные сбросы и исторические разломы.

Луков В. Арнольд Тойнби в книге «Постижение истории», разумеется, пишет о надломах цивилизаций и даже об ответственности социальных лидеров, но его в большей степени пленяет величественный ход истории, процесс исторического всплытия новых цивилизаций.

Гуревич П. Да, вопрос, поставленный Освальдом Шпенглером «существует ли логика истории?», неотвратимо порождает и другой — «как и почему прерывается провиденческий ход социальных событий?» Не случайно Николаем Бердяевым в книге «Смысл истории» отмечено, что учение о бесконечном прогрессе ведет к отрицанию смысла истории, к дроблению исторического бытия, к краху, в конце концов, самого положительного гуманистического идеала, обнаруживая тем самым ложь и несостоятельность своих предпосылок.

Буева Л. О революциях и войнах написано немало.

Гуревич П. Но философская мысль, судя по всему, не обращала особого внимания на повторяемость социальных потрясений. Философия истории по самому своему определению осмысливала лишь сложившуюся череду исторических казусов. Проблема же, вероятно, в том, чтобы понять и осмыслить возвращаемость социальных потрясений как феномена.

Луков В. Думаю, уважаемый Павел Семенович, что повторяемость как свойство социальных событий в философской мысли не столь уж не замечена, даже более того, сама философия истории, по сути, начинается с представления о ее цикличности, подобной цикличности природы с ее сменой времен года. Можно определенно видеть такое понимание истории у Геродота в его описании греко-персидских войн, в изложении истории Пелопонесской войны у Фукидида. Плутарх в параллельных жизнеописаниях, по сути, показал, что и на индивидуальном уровне повторяемость в истории возможна.

Буева Л. Это, разумеется, так. Если бы мыслители не обратили внимания на возвращение тех или иных событий в судьбе человечества, то, вероятно, не было бы и философии истории. Вольтер, который и ввел в философию данное словосочетание, не имел в виду последовательность войн или революций. Он искал смысл в исторических трансформациях. «Нашей главнейшей страстью, — писал он, — должно стать общественное благо». Причем постоянное выдвижение разума как гаранта благополучия общества не исчезло и в последующие века.

Гуревич П. Известный канадский ученый и писатель Джон Сол отмечает, к примеру, что война идеологий бывает дорогостоящей в любом аспекте, но это не делает ее более осмысленной. Люди обладают удивительной способностью изобретать конкретные, но глупые оправдания убийства себе подобных. Это, по его мнению, убедительно доказали великие битвы при Креси и Азенкуре во время первой Столетней войны.

Луков В. И все же любая концепция истории как цикла невозможна без более или менее последовательного обращения к известному возвращению пройденного, к повторяемости событий, ситуаций, действий людей, следовательно — и социальных потрясений. В то же время о какой-то механической повторяемости здесь не идет речи. Одна и та же ситуация, даже многократно повторяющаяся (именно ситуация как модель события, а не событие как таковое, оно всегда неповторимо), может вызываться разными причинами и иметь разные следствия.

Буева Л. Но ведь вопрос был поставлен не о цикличности истории, а о том, почему история имеет обыкновение взрываться, уклоняться от державного пути, впадать в своеобразную социальную неврастению.

Гуревич П. Ну, да. Сегодня монархизация власти, как показывают события на Ближнем Востоке и в Северной Африке, находится под угрозой. Но ведь деспотические режимы, как и разум вообще, обладают организованной, полностью интегрированной, абсолютно самооправдывающейся системой. Многим казалось еще недавно, что любая система является красноречивым аргументом в пользу оправдания общества.

Луков В. Но это и есть феномен возвращаемости исторических событий. На это, кстати, указывали историки школы «Анналов», которым пришлось обра-

тяться к, можно сказать, самой рутинной части истории, связанной с повседневной жизнью людей, где повторяемость ситуаций неизбежна в масштабе действий индивидов и человеческих масс.

Буева Л. Но можно ли сказать, что философы истории стремились в первую очередь понять теневую сторону вопроса? Иначе говоря, рассуждать о том, что постоянно возвращается, но по здравому смыслу или по диктату разума не должно обнаруживаться вновь и вновь.

Гуревич П. Конечно, мыслители задумывались над роковыми историческими событиями, искали причину их неизбежности. В этих случаях рациональность как движущий мотив истории замещался анализом психологии толп, изучением революционного невроза, аналитическим разбором деспотических катаклизмов. Маркс, как известно, вообще говорил о революциях как локомотивах истории. И при всем при этом нам предстоит понять, существует ли логика социальных потрясений или это ничем не обусловленный катаклизм, досадная помеха на маршрутах истории.

Луков В. Соответственно и в социальной философии поиск повторяемого — а это необходимый признак закономерного — шел из столетия в столетие, было немало пророчеств и предостережений, представленных в самой разной форме. Но очевидно, что античный уровень философского осмысления истории сегодня недостаточен, когда человеческая деятельность приобрела масштабы геологической силы и способна разрушить планету, причем не только ведением войн, но и самыми мирными начинаниями.

Гуревич П. Ну, вот, слава Богу, наконец-то вышли на общую тему. Да, Япония показала, что планета может столкнуться с полномасштабной ядерной катастрофой. Разумеется, в философской литературе немало апокалипсических сюжетов. Но, вероятно, сегодня нужен более основательный анализ ситуации, когда технологическая мощь человечества пугает непредвиденными следствиями уже в глобальном масштабе. Здесь речь идет не только о философском преоцущении, сколько об исторической реальности. Она во многом лишает философию истории ее былой ясности и величия.

Луков В. Но разве в работах социальных критиков 70–80-х годов минувшего столетия не звучало предупреждение, что создание единой технологической мировой системы несет в себе немалые опасности? Очевидные технические достижения могут оказаться ненадежными, система способна выйти из-под контроля человечества.

Гуревич П. Разумеется, философы понимали грозность технологической мощи. Но мы называем имена, которые не определяли мейнстрим философии истории. Да, французский социолог Жак Эллюль убедительно показал в свое время, что «сумма технологии» лишает человечество альтернативных сценариев социального развития. Создав систему, люди не знают, насколько она надежна. Были остережения насчет того, что частный сбой в системе может оказаться роковым для всего человечества. Но разве политики и технократы посчитались с этим диагнозом?

Луков В. Нет, не посчитались, но все это, к несчастью, подтвердилось в наши дни в Японии. «Атомные» события в Японии вновь и вновь свидетельствуют о том, что мы все на Земле связаны друг с другом. Ошибка группы ученых и группы технологов, ошибка принятого на основе этой ошибки решения

властей одного государства, плюс стечение неблагоприятных обстоятельств, которое только и выявило, что когда-то что-то не было предусмотрено, а что-то устарело и т. д. — в итоге целая череда недосмотров и недоглядов достаточно ограниченного числа ответственных лиц отзывается на всех, кто живет на Земле не только сегодня, но и в будущем. И самое поразительное то, что катастрофа произошла в супертехнологичной стране. Но, увы, по сценарию, который был описан несколько десятилетий назад.

Буева Л. Философия не востребована?

Луков В. А может быть, прав Карл Ясперс, который писал: «История имеет глубокий смысл, но он недоступен человеческому познанию»?

Гуревич П. В наших коллективных обсуждениях мы часто отмечали, что социальная философия не поспевает за развитием исторических событий, которые обрушились на человечество в конце минувшего и начале нынешнего столетия. Перечитывая классиков социальной мысли — О. Конта, К. Маркса, А. де Токвиля, В. Парето, М. Вебера, мы неожиданно для себя осознаем, что они описывают иную общественную реальность, нежели ту, с которой мы имеем дело сегодня. В самом деле, Конт, к примеру, уверен в том, что общественные феномены подчинены строгому детерминизму, принимающему форму неминуемого изменения обществ под давлением прогресса человеческого разума. Но как это совместить с современным ощущением иррационального, не подвластного человеку хода событий? Сегодня нет необходимости заглядывать в Википедию, чтобы обнаружить принципиально иные взгляды.

Луков В. Кстати, многие социальные исследователи пишут о том, что человек так и не смог преодолеть биологические схемы мышления. Разумеется, речь идет не об эпатажных высказываниях людей, находящихся вне научно-го поля знания. Напротив, рассуждения о том, что человек ни в коей мере не демонстрирует более высокий уровень интеллектуальности, чем у животных, можно считать новейшим достижением социальной теории.

Буева Л. Бизон способен увлечь за собой стадо, несущееся к пропасти. Но отдельный представитель любого политического движения может убедить или заставить одну группу людей истреблять другую, свергать другое правительство, бомбить территорию. Во всем этом есть умысел, но нет безоговорочного смысла.

Гуревич П. Террористические акции поражают нас своим безумием. Но, увы, это политическая реальность. Любое человеконенавистническое суждение можно облечь в рационалистические одежды. Обнаружения разума плохо просматриваются в безудержных стремлениях к мировому господству, переделу природных богатств, экологической катастрофе, силовому политическому диктату, унификации культурного ландшафта. Но попробуйте найти рассуждения на эти темы у классиков мировой социологии.

Луков В. Это интересное рассуждение о несоответствии социальной теории тому, что нас сегодня окружает в мире, оно еще раз заставляет задуматься над тем, какова ее функция в жизни человечества. Но надо ли адресовать упреки Конту, Марксу, Веберу, Парето, которые осмысливали тот мир, который их окружал? Они искали ответы на вопросы, которые волновали общество в другую эпоху. Возможно, весь смысл социальной теории состоит в том, что она

должна соответствовать своей эпохе, оставляя последующим временам известную совокупность, а можно сказать — ансамбль, то есть хорошо организованную и даже красивую систему утверждений, которая адекватно описывает социальную реальность и содержит идеи относительно того, как же ее, эту реальность, удержать в границах управляемости.

Буева Л. Разве речь идет о том, что мы критикуем классиков социальной философии? Разумеется, они остаются для нас незыблемыми авторитетами. Их методология социального анализа продолжает сохранять свою ценность. Но Павел Семенович, вероятно, имел в виду другую проблему. Мир стремительно трансформируется. Античность длилась одиннадцать веков, средневековье — девять, а Просвещение исчерпало себя в течение одного столетия. Можно говорить вслед за Юргеном Хабермасом о том, что просвещенческий проект еще незавершен. Но история стремительно убегает из-под наших ног.

Гуревич П. Что мы знаем сегодня о таком социальном потрясении, как революция? Из социальной философии известно, что революции обычно предварялись рождением новых социальных идей. Революционный взрыв, прежде всего, обретал некую мировоззренческую подоплеку. Да, взятие Бастилии, с которого мы начали наше обсуждение, выглядит курьезным событием. Но ведь Французская революция имела глубокие философские основания. Кроме того, у восставших были свои вожди. Революция пожирала своих детей, но это были действительно крупные социальные лидеры. Сравним это со спонтанным восстанием в Ливии, которое не предварялось серьезной идеологической подготовкой, не имело на первых порах даже лидеров, и только в результате противостояния с Каддафи определились отдельные небезымянные фигуры. Разве это не новая историческая ситуация?

Луков В. Для новых условий в этом случае теряет значение не тот или иной фрагмент такого ансамбля, но весь он как целое. Теорию приходится создавать с самого начала, используя предшествующие теории как строительные блоки. Примерно как Маркс и Энгельс выстроили свою теорию на идеях немецкой классической философии, французской историографии и английской политэкономии. Не будет ничего удивительного, если нередко строительные блоки новейших социальных теорий будут обнаружены в идеях, отстоящих от наших времен не на столетия, а на тысячелетия.

Буева Л. Резонно. Но исторический провиденциализм Маркса — «капитализм будет уничтожен своими противоречиями, но неведомо как и когда» вдохновляет социальных критиков, но ничем их не вооружает. Ж.-П. Сартр и М. Мерло-Понти критиковали отчуждение индивида в условиях частной собственности, но даже не догадывались, что человека можно «отстранить» от речки, в которой он купался, или леса, в котором он собирал грибы. А ведь современный капитализм в нашей стране пытается приватизировать все что угодно — лесной массив, озеро, науку. Как воодушевились наши олигархи, когда узнали про то, что человеческую жизнь можно продлить. Они захотели немедленно поставить эти открытия на службу собственному сословию.

Гуревич П. Раймон Арон критикует марксистскую теорию классов, которая базируется на различии источников дохода. Но ему и в голову не приходит, что причастность к государственной службе может оказаться мощным стратификационным фактором, позволяющим запутать все историческое

наблюдение за общественными группами. Алексис де Токвиль полагает, что именно демократическое общество обеспечивает безграничную способность к совершенствованию человека. Но ориентация на «среднестатистическую единицу» в современных демократиях привела к чудовищной девальвации ценностей и святынь.

Луков В. Однако это вовсе не означает, что социальная философия мало чем может помочь нам в осмыслении нынешних социальных катастроф. Эллиуль считал, что утопии Томазо Кампанеллы, Томаса Мора или Шарля Фурье не сыграли и ничтожной роли в развитии исторических событий своего времени. В них не оказалось даже предвидений, которые осуществились бы в последующей летописи исторических событий. Но о чем это говорит? Истинный образ будущего не может быть просто продуктом индивидуального сознания, усилий отдельного ума. Это и признает Эллиуль. Даже воображение поэта или художника не в состоянии выработать этот образ, если иметь в виду его социальные параметры, поскольку образу этому надлежит быть целью усилий всего общества. Суррогатом такого образа являются два вида продукции интеллектуалов.

Буева Л. Первым суррогатом Эллиуль считает утопию. Он отмечает, что социальное значение утопий негативно. Достаточно людям воспринять предписания, содержащиеся в утопиях, серьезно, как результаты оказываются совершенно катастрофическими. Преступления, совершенные капитализмом в эпоху либерализма, во многом объясняются той серьезностью, с которой в ту эпоху была принята фигура Робинзона Крузо. Позднее не критическое отношение к учениям Этьена Кабе и Шарля Фурье сыграло большую роль в том, что социализм не получил достаточного развития. Социальный миф, как еще одна разновидность интеллектуальной продукции, сегодня провоцирует мятежи.

Гуревич П. Макс Вебер анализирует три типа социального управления — традиционный, харизматический и научный. Но, судя по всему, не вполне осознает мысль о том, что в современной социальной практике эти способы организации социальной практики не являются продуктом развивающейся истории, а создают причудливые смеси. Современный правитель может призывать к опоре на традицию и одновременно искать идеологическое обоснование своей харизмы. Нынешний консерватор, как правило, ищет развернутое философское обоснование не в вековых заветах, а в новейших вариантах интеллектуальной рефлексии.

Луков В. Наконец, у Вебера нет вывода о том, что ни один из этих типов социального управления не годится в полной мере для современной общественной жизни.

Буева Л. Социальные теории ветшают прямо на глазах, общественная жизнь поражает своей прихотливостью, несуразностью. Не пришлось бы нам, как показал Джонатан Свифт, учиться нравственности у лошадей.

Гуревич П. Разумеется, мы с пиететом относимся к классической социальной философии. Но вы же не будете спорить о том, что философы и социологи всегда вынашивали идеал стабильного общества. Они дотошно описывали факторы, без которых невозможна общественная устойчивость, предостерегали от революционных потрясений, учили искать способы договоренности и консенсуса. Макс Вебер связывал стабильность индийского общества с тем,

что каждый индивид рождался в этом социуме в определенной касте и тем самым был привязан к определенному роду профессий. Он отмечал, что сама стабильность кастового общества была бы немислима без метафизики, которая толкует о переселении душ. Согласно этому представлению, предназначение человека в одной жизни обесценивалось.

Буева Л. Но зато давала возможность надеяться на вознаграждение в другой жизни. За каждую несправедливость можно было получить награду в другой жизни. Но насколько прочен этот фактор в современной Индии, которая не избавлена от социальных потрясений в условиях глобализации мира?

Луков В. Согласен, что Парето, к примеру, стоит у истоков социологической традиции, которая изучает стабильность социальной системы. Речь идет о механизмах контроля и принятия решений, которые обеспечивают эту устойчивость.

Гуревич П. Но кому могла прийти в голову мысль о том, что в наши дни именно кризис, революционные катастрофы могут стать постоянными факторами наведения порядка?

Буева Л. Политики стали пугать массы неизбежными последствиями их революционных выступлений, «кошмарить» образ врага и таким образом добиваться относительной стабильности. На самом деле общество переходит от одной стадии нестабильности к другой, но сохраняет уверенность в том, что оно стоит прочно и на века.

Луков В. Социальные потрясения 1960-х годов, вызвавшие теоретический энтузиазм «левых», убедили теоретиков в том, что огромную роль в исторических переменах играют средства массовой информации. Периферийные радиостанции, газеты повсюду разнесли весть о студенческой акции. Сегодня многие эксперты отмечают роль Интернета в усилении выступлений против режимов на Ближнем Востоке. Детонатором становятся, по словам Жана Бодрийяра, сами акции, а уж резонатором точно можно назвать медиа.

Гуревич П. Но кто может предположить, что именно Интернет, сохраняя присущую ему форму, окажется сообщником ниспровергаемой власти? Теперь и сам Бодрийяр убежден в том, что разоблачительная информация немедленно преобразовывается в модели, лишается собственного смысла, превращаясь в знаки, семиотическое поле. Обеспечив рекламу толпе, Интернет создает иллюзию ее успешности. В действительности же акт прорыва превращается в бюрократическую модель, действующую на расстоянии. В этом и заключается, согласно Бодрийяру, работа медиа.

Буева Л. Интернет позволяет сегодня жителям одной страны видеть, как живут другие народы. Естественно, возникает вопрос, почему они могут добиться благосостояния, а мы — нет? Может быть, у нас плохие вожди? Не исключено, что они заботятся о своих прибылях и не думают о народе? Почему на наших экранах маячит уже в течение нескольких десятилетий одно и то же лицо властителя, а в других странах руководители уходят со своих постов, дающих им огромные дивиденды?

Луков В. Это верно. Но отметим также и миграционные процессы. Люди перемещаются из одной страны в другую, попадают в иную культурную среду. Межэтнические браки, аккультурация, сбой национальной идентичности. Да, согласен, что это новая реальность, и она требует анализа.

Гуревич П. Канадский социолог Маршалл Маклюэн предупреждал, что средства массовой информации способны провоцировать новые эпохи. Но описанная им глобальная деревня не похожа на идиллическую картину.

2. Какую роль играют мятежи и восстания в жизни общества — созидательную или разрушительную?

Луков В. Вот мы задаемся вопросом, чем объяснить постоянную повторяемость социальных потрясений в истории? Между тем, вполне вероятно, что ответы могут оказаться в той зоне, о которой вы, Павел Семёнович, упомянули, сославшись на получающие распространение взгляды, что человек так и не смог преодолеть биологические схемы мышления. Возможно, в этом направлении теория наших дней обратится к давним представлениям о связи биологического и социального и разовьет их. Вполне вероятно, что популяционный аспект человечества ныне становится более важным, чем когда-либо: изменения в локальной общности теперь уже лишаются локальности и могут иметь последствия для всей популяции.

Буева Л. Назад, в социобиологию?

Луков В. Нет, скорее — вперед, в биосоциологию. Постоянную повторяемость социальных потрясений в истории можно было бы и не замечать и не объяснять, если бы она сохраняла свойства потрясений местного масштаба. Вроде землетрясения, которое повторяется в одних и тех же местах, но в широком смысле слова не затрагивает жизнь в целом. Почему же нас так настораживают последние события в арабских странах? Именно потому, что по сходной модели они одновременно возникли в странах, хоть во многом и близких, но достаточно различных, чтобы посчитать причинами социального взрыва что-то одно, например, чрезмерную бедность населения, высокий уровень коррупции и т. д. Еще несколько месяцев назад заметных признаков народного недовольства не было, хотя была и бедность, и коррупция, и социальная несправедливость.

Гуревич П. Может быть, «разум возмущенный» начинает закипать не сразу. Люди долго мирятся с наличной ситуацией, но политики не придают значения «точке кипения». Им мнится, что они вполне владеют ситуацией. Но на самом деле оказывается, что все выходит из-под их контроля.

Буева Л. Может быть, все объясняет теория заговора? Правомерно ли считать, что существует некий театр социальных потрясений, в котором трудятся сценаристы, политики, режиссеры исторических разломов?

Луков В. Вполне возможно, что и она здесь применима. На заседаниях Русского интеллектуального клуба в Московском гуманитарном университете много раз эксперты показывали, насколько небезосновательны трактовки самых разных событий, которые можно назвать социальными потрясениями, с позиций теории заговора. Немало документальных публикаций, в которых показан рукотворный механизм запуска «цветных революций». Специалисты по политическим переворотам в открытую проводят международные семинары для оппозиционной молодежи, обучая технологии провокации. Например, два-три человека легко могут спровоцировать студенческий митинг протеста, неважно — против чего, перегородив вход в вуз в момент,

когда толпы студентов спешат на лекции. От мелких стычек с властью до политического переворота в масштабах страны и даже группы стран дистанция не столь велика. И важно не то, что крупные исторические события могут иметь закулисную режиссуру. Это практика очень давняя, многовековая. Но никогда такая режиссура не имела возможности на очень коротком временном отрезке достигать желаемые результаты в планетарном масштабе. Это стало возможным благодаря даже достигнутому уровню соединения реального и виртуального миров. Что же будет дальше?

Гуревич П. Однако не исключено, что мы мыслим по инерции. Хотя совместные действия членов НАТО, направленные на низвержение режима Каддафи, рождают горькие размышления. Пылкость политика, убежденного в том, что надо как можно быстрее устранить лидера страны, оказывается, объясняется простым нежеланием возвращать долг. Разговоры о демократии обнажают явные корыстные интересы, связанные с нефтью.

Луков В. Вильфредо Парето возражал Марксу, который считал, будто классовая борьба, как и связанные с нею социальные потрясения, определяются исключительно экономикой (что, конечно, основано на примитивном толковании марксизма). Классовая борьба — лишь форма борьбы за жизнь. Да, люди хотят избавиться от голода и нищеты. Но социальные потрясения имеют множество причин. В средние века наивно полагали, будто с исчезновением религиозных конфликтов в обществе наступит мир. Но вместо религиозных войн и потрясений появились новые социальные конфликты.

Гуревич П. Традиционные представления о роли революции в истории утратили свою доказательность. Сошлемся еще раз на Жака Эллюля, на его работу «Аутопсия революции».

Буева Л. Аутопсия — это, по-моему, медицинский термин. Что-то вроде вскрытия трупов.

Гуревич П. Именно так. В этой работе Эллюль предпринимает скрупулезный анализ исторически сложившихся форм социального общежития, государственных и политических установлений, общественных институтов. Апологию революции он объявляет «разрушительной фикцией».

Луков В. Честно говоря, так высказывались задолго до Эллюля многие из тех, кто пострадал в годы революций или, по крайней мере, был ошеломлен переменами. Или по историческим документам и материалам увидел революцию совсем в ином свете, нежели сторонники коренных преобразований общества. Показательный пример — отрицание Ипполитом Тэнном в середине XIX века значения Великой французской революции, в которой он видел лишь «большой террор». Ж. Жорес на протяжении всех 6 томов своей истории Великой французской революции полемизировал с Тэнном, настолько для своего времени это была актуальная задача. К осмыслению оборотной стороны революции обратился и Николай Бердяев. Его работа «Философия неравенства» написана в 1918 году.

Буева Л. Да, хотя опубликована она была в 1923 году.

Луков В. Именно в ней раскрываются гнилостные и разрушительные процессы революции, повествуется о бушующей черни, громящей величайшие святыни и ценности. Так вот обычно политическая философия имеет дело с теми реальностями, которые уже сложились, окружают нас и воздействуют

на наше поведение и образ мысли. Она далеко не всегда обращается к предельным вопросам бытия, чтобы обосновать жизненные и практические установки людей.

Гуревич П. Вы, очевидно, имеете в виду сугубо прагматический характер многих социально-политических исследований. Задача состоит в том, чтобы связать анализ социальных потрясений с ключевыми вопросами философской рефлексии. Каков мир сам по себе? В чем смысл человеческого существования? Можно ли говорить о цели истории? Вот, к примеру, Эллюль проводит различие между «революцией» и «бунтом». Оно очень условное. Особенно в наши дни, когда непонятно, как отличить террориста от повстанца, бунтарей от строгих ревнителей порядка.

Луков В. Бердяев, к примеру, ставит вопрос метафизически: «Существует ли иерархия среди самого бытия?» И еще одна особенность социального мышления русского философа. Он выступает против прагматического понимания социальных проблем и нелепой убежденности, что все общественные проблемы могут быть раскрыты без рационального остатка, доведены до предельной ясности. Сейчас многие эксперты пишут о событиях на Ближнем Востоке как о классической революционной ситуации. Власть предрержащие, мол, не осознали непреложность запросов модернизации. А массы теперь указали ей на это упущение.

Гуревич П. Но мы видим и другие факторы — особенности менталитета этих народов, традиции, логику повседневности.

Буева Л. Бердяев же считает, что в государстве есть мистическая основа и, с позитивной точки зрения, как предельный факт, не поддающийся объяснению. По крайней мере, это обязывает не прельщаться простыми констатациями.

Гуревич П. Разумеется, русский философ критикует социологию за то, что она оторвалась от теологии. С его точки зрения, отвлеченный социологизм одинаково противоположен и конкретному космизму, и конкретному историзму. Мы живем в эпоху примитивных общественных проектов, которые превратили социальную жизнь в быстротечную и обманчивую игру социальных страстей и интересов. Здесь и технократическая социальная инженерия, и скоропелая перековка истории, и сотворение нового человека, и компьютерный рай. Рационалисты, одержимые рассудочным безумием, не научились урокам истории, не постигли смысла ниспосланных исторических испытаний.

Луков В. По сию пору социальные прожектеры, воспитанные в традициях отвержения церковных, государственных, национальных, культурных и других реальностей, видят в общественном процессе некие отвлеченные структуры, которые как будто легко поддаются лепке или перестановке. Общество понимается атомистически: мыслятся некие односторонние зависимости, которые однозначно ведут к желаемому результату. Нужны примеры? Усилим законотворчество, дозволим демократию (или, наоборот, стреножим ее), направим нужные финансовые потоки — и история покатится в нужном направлении.

Буева Л. Бросается в глаза откровенный юридизм, который стал подменять социальную философию. То и дело рождаются законотворческие инициативы, призванные, к примеру, обрушить коррупцию. Предполагается,

что если в здании, где работают чиновники, убрать двери, то люди увидят, чем занимаются слуги народа на самом деле. Заодно и коррупция окажется под контролем. Но если чиновник внимательно смотрит на экран компьютера, изображая усиленную работу управленческой мысли, а на самом деле видит там карточный расклад, который позволяет ему скоротать рабочий день?

Луков В. Это сплошь и рядом обнаруживается и на бытовом уровне. Сегодня слышу по телевидению мнение репортера: у нас нет закона, обязывающего детей заботиться о престарелых родителей, потому столько обездоленных пенсионеров. Между тем, закон-то есть: в Семейном кодексе РФ имеется статья 87 «Обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей», где прямо так и сказано: «Трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них». И что из этого следует для повседневной жизни? Наивны ожидания, что более строгим законом можно победить коррупцию, наркомагию и другие социальные беды. Но не арифметика и даже не алгебра определяют общественную жизнь. Здесь, по мысли Бердяева, постоянно нужны огляд на глубинные истоки бытия, вдумчиво-обостренное внимание к тем феноменам, которые ускользают от человеческого разума. Иначе неизбежен «погром бытия», о котором пишет философ.

Гуревич П. Все это так. Но, исходя из этих философских посылок, Николай Бердяев надстраивает над хаосом специфическое знание об истории. По его мнению, космическая жизнь иерархична. В обществе с древних времен идет борьба между космическими и хаотическими началами.

Луков В. Выходит, русский философ освящает установленный порядок, изобличает любые попытки низвергнуть его? С этой точки зрения, полковник Каддафи прав, оказывая сопротивление революционной толпе?

Гуревич П. Мне кажется, что философ не идеализирует иерархию. Массы абсолютно правы, выступая против злоупотреблений власти, против ее несменяемости. Но именно власть парадоксальным образом оказывается олицетворением хаоса, если она упрямо попирает законность, преследует корыстные цели, игнорирует расклад общественных сил. Ведь прямое назначение власти — поддерживать консенсус между различными слоями общества.

Буева Л. Цицерон, к примеру, всю жизнь отстаивал принцип сословий, ибо нередко видел в этом возможность сохранения республики с ее традициями и ценностями. Иерархия далеко не всегда создает преграды для разлива хаотической тьмы. Дионисизм враждебен всякой иерархии. В своем революционном облике это начало уничтожает все различия и дистанции, все формы и границы.

Луков В. Нам, воспитанным в духе марксистской традиции, которая считала революции локомотивами истории, трудно воспринять мысль Николая Бердяева: «Революция есть свыше посланная кара за грехи прошлого, роковое последствие старого зла». Эта строка написана через год после Октября. Думаю, это односторонний взгляд, который избавляет исследователя от того, чтобы увидеть причины революций, так сказать, на земле, и от того, чтобы осмыслить великие события как непременно противоречивые по своим последствиям.

Гуревич П. Но ведь все-таки «правды нет и выше». Любопытно, что теологический взгляд на катастрофические события прорывается сегодня в отдельных репликах политиков, деятелей культуры.

Луков В. Согласен. Но хотел бы завершить свою мысль. Алексей Федорович Лосев в своей книге по эстетике Возрождения показал возрожденческий титанизм не только через освобождение человеческого духа и творческий порыв гениев этой эпохи, но и через «оборотную сторону», которой он посвятил несколько страниц. В чем был лосевский принцип такого анализа? Цитирую его книгу: «...передняя сторона вещей и событий фиксирует их прямую и непосредственную данность; обратная же сторона, ввиду нашего часто плохого знакомства с ней, может совмещать в себе не только черты этой прямой и непосредственной данности, но также и малоизвестные нам черты любых других областей, часто не только не связанных с передней стороной, но даже прямо ей противоположных». И он приводит примеры повседневности возрожденческой Италии: священнослужители держат мясные лавки, кабаки, игорные и публичные дома, монахини читают «Декамерон» и предаются оргиям, в церквях пьянствуют и пируют. Все гуманисты приветствуют порнолитературу и живопись. 12–14-летние дети назначаются епископами и кардиналами. Это из почти веселого. А вот из мрачного: казни, убийства, изгнания, погромы, пытки, заговоры, поджоги, грабежи обычны в жизни Флоренции, Милана, Генуи и других городов.

Буева Л. Все это звучит актуально. В Милане в конце XIII века воцаряется род Висконти из кондотьеров, среди прочего они строят дворец для 500 собак, сотни собак отданы на содержание жителям города под отчет, а за смерть собаки предусмотрена казнь. Сравните это с тем, что недавно писали газеты о ценности человеческой и собачьей жизни в глазах олигархов.

Луков В. А вот Лоренцо Медичи — великий покровитель искусств и наук, с которым связывается расцвет флорентийской культуры в XV веке, Платоновская академия, но в тени остается то, как он в 1478 году ликвидировал заговор Пацци, когда улицы покрылись кусками человеческих тел. Ужаснее всех папа Александр VI и его сын Цезарь Борджиа: ежедневно 4–5 убитых, преимущественно прелатов и епископов. Александр VI по ошибке выпил яд, приготовленный для отравления пяти кардиналов, и умер, Цезарь выжил. Этот Цезарь Борджиа и есть образец идеального государя для Макиавелли, ему адресованы советы, как управлять государством в знаменитом «Князе». Под стать князьям и деятели искусства. Бенвенуто Челлини убивал соперников и обидчиков, в том числе мнимых, колотил любовниц, рушил и громил все вокруг себя, со всеми ссорился, не признавал над собой никакого закона. И инквизиция вовсе не явление средних веков, а порождение именно эпохи Возрождения.

Гуревич П. Все подобные факты Лосев не толкует как некое отклонение от идеала гуманизма.

Луков В. В этом-то и дело. Он утверждает историческую необходимость и значимость обратной стороны титанизма. Ломка устоев феодализма, его системных оснований требовала титанов, отсюда — антропоцентризм, со всеми вытекающими последствиями, поскольку критерий добра, справедливости, законности — в самой личности. Этот — тот же самый титанизм, заме-

чает Лосев, подсказывал и нам путь осмысления социальных потрясений, революций, в первую очередь. Правда, это путь очень основательного осмысления. На переднем же плане событий, прежде всего, обнаруживается удивительное несоответствие того, что замышлялось в головах революционеров, тому, что получилось, в конце концов.

Гуревич П. Французские политологи — Рене Дебре, Жак Доменак, Жак Эллюль — исследовав летопись революционных потрясений в Европе, пришли к убеждению: ни одна попытка оседлать историю, катапультироваться в иную ее фазу не увенчалась успехом. Стремление разрушить иерархию, сломать существующий миропорядок всегда приносило неисчислимые жертвы и непредсказуемый результат. Окончательные результаты революции всегда оказывались противоположными поставленным целям.

Луков В. Самый впечатляющий пример, по-моему, тот, с которого вы начали нашу дискуссию, — Великая французская революция. Просветители, которые готовили этот грандиозный исторический бросок, не могли уяснить, почему царство разума обернулось социальным безумием, желание осчастливить людей — кровавым террором, проповедь свободы и равенства отозвалась стихией авторитарного сознания. Революционеры всегда пожинали горькие плоды.

Гуревич П. Эти мысли не вызывают сомнений. Но беда в том, что именно они стали основой современной социальной демагогии. Властители пугают свои народы тем, что если они захотят освободиться от поднадоевшего режима, то будет, мол, еще хуже. К грозным предупреждениям политиков присоединились и социальные эксперты. Они твердят о том, что лучше плохая власть, чем никакой. Кто же спорит? Да, эта провокация имеет очевидную доказательность. Одним словом, «паситесь мирные народы». Иначе — погром и неисчислимые бедствия. Всякие разрывы в поступательности истории чреваты потоком хаоса. Так что же, оставить мир таким, каким он лежит во грехе? Смириться с наглой властью, осознающей свои возможности и рычаги насилия? Не использовать возможность прорыва в новое историческое пространство?

Луков В. Можно сказать, консерватизм хорош, но плохи его пропагандистские оборотни. Жозеф де Местр в некотором роде прав, когда оценивает революцию как мистический факт. Он считал ее провиденциальной расплатой за ошибки, допущенные властью. Томас Карлейль, который, пожалуй, написал лучшую историю революций, видел в ней последствия неверия, потери органического центра жизни, наказание за грехи.

Буева Л. Возможно, именно сакрального представления о власти и о ее ответственности не хватает многим рассуждениям политиков и экспертов. В рассуждениях Бердяева нет никакой универсальной апологии власти. Он подчеркивает: когда создается революционная ситуация, это означает, что господствующие слои общества не исполнили своего предназначения. Но если сверху нет творческого развития, можно ли приветствовать прорыв тьмы снизу? Народ, по слову философа, попавший в революционную стихию, теряет духовную свободу, он подчиняется роковому закону, становится одержимым и бесноватым.

Луков В. Но уже ссылались на Эллюля, который застал начало 1990-х годов (он умер в 1994 году) и поэтому ближе нам в его исторической рекогнос-

цировке. Для Эллюля любые революции, направленные на изменение общества, пагубны для людей и своим следствием имеют разочарование, крах иллюзий. Такова судьба массовых социальных движений: направленные на подрыв государства, они, в конечном счете, только укрепляют его, а революционная стихия сама подсказывает пути ее обуздания. Это иной взгляд, чем у Бердяева, он парадоксален, но, вероятно, достаточно точен для многих случаев в наши дни.

Гуревич П. Независимо от того, чем завершатся события в Ливане, можно видеть, какие огромные идеологические ресурсы имеет власть, обосновывая свою непреложность. Полковник начал уничтожать тех, кто стремится к дестабилизации, ракетами и другими имеющимися в его распоряжении средствами. Не остались в долгу и европейские державы. История, считает Эллюль, не имеет стержня, социальные революции только в силу слепоты воспринимаются как импульс развития, политическая мифология подстерегает человека на каждом шагу. Все прошедшие революции, независимо от социального характера, были пагубны для человечества, приводили к краху его иллюзий и надежд.

Луков В. Это, конечно, слишком тенденциозное обобщение, оно больше подходит для бунтов, чем для революций, которые Эллюль предложил отличать одни от других по ряду оснований, впрочем, не всегда ясных в актуальной ситуации, которая развивается от этапа к этапу и может кардинально меняться по ходу дела. Потрясения социальные — как и природные — кумулятивны и набирают энергию разрушения по трудно прогнозируемым сценариям. Здесь, вероятно, нет больших различий между бунтом, смутой, переворотом и даже реформой.

Буева Л. Да, Эллюль проводит различие между революцией и бунтом. Но оно действительно условно. Революция, по его мнению, связана с идеей прогресса и имеет программу. Бунт же лишен исторической перспективы и нередко идеализирует прошлое и стремится вернуться в него. Но разве идея омусульманывания всего мира, вдохновляющая ливийцев, безоговорочно лишена исторической перспективы, не имеет программы и является ретроградной?

Луков В. Но французский философ считал, что вплоть до XVIII в. трудно было провести грань между революцией и бунтом. Теперь же эта демаркация очевидна. Проследим же его логику. Для того чтобы начался бунт, у людей должно возникнуть ощущение невыносимости сложившейся ситуации. Но ведь и революции начинаются по сходному поводу. А разве отмена крепостного права, именуемая реформой, не отразила этот признак социальных потрясений?

Буева Л. О чем писал Пушкин?

*Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное Судьбой,
Здесь Барство дикое, без чувства, без Закона,
Присвоило себе насильственной лозой.*

Луков В. Бунт, считает Эллюль, грезит о прошлом. Он хочет вернуть прекрасные времена, когда крестьяне были свободными, существовал Юрьев

день и налоги были меньшими. Но разве такой бунт можно квалифицировать как направленный против истории? После Французской революции, по словам французского социолога, кардинально меняется концепция революции. Она связывается с идеей прогресса.

Гуревич П. Так-то оно так. Но что подразумевается под идеей прогресса? Экономический расцвет, демократизация, расцвет науки и культуры? Но соотносится ли с названным признаком революции, как феноменом, идея «народной джамахирии», предложенная Каддафи? Разве в ней нет устремленности к грядущему, если это мечта о создании единой Арабской республики и даже Соединенных Штатов Африки? Если его режим называется «революцией», основанной на «Евангелии нового века», то почему на территории Ливии возникли лагеря для подготовки террористов — палестинских, испанских, ирландских? О каком расцвете науки и искусства можно говорить применительно к обществу потребления? Наконец, руководствуется ли революция заветами Разума, если в современном общественном сознании процветают мистика и иррационализм? Революция, согласно Эллюлю, не меняет вектора истории, она лишь устраняет препятствия, мешающие экономическому развитию общества.

Луков В. Но ведь и полыхающий сегодня Ближний Восток стремится к экономическому процветанию, хотя этот протест можно назвать бунтом. Экономический уклон в понимании революции может дезориентировать исследователя. Очевидно, что в революции обнаруживает себя то, что можно назвать духом народа, коллективным сознанием, коллективным бессознательным или еще чем-то, что выражает неподавляемое стремление огромных масс, очень несхожих друг с другом (по показателям благосостояния в том числе) людей, к высшим идеалам добра и справедливости. Революция не меняет вектора истории? А что тогда такое «вектор истории» и какую эвристическую роль он может сыграть в понимании социальных потрясений? Революции, начиная с Французской, меняют систему государства и придают ему иную цель — защиты свободы, равенства, братства.

Буева Л. Но такая свобода становится абстрактной. Она может оказаться даже средством закабаления или обернуться формальным провозглашением неких прав. С другой стороны, в бунте идея свободы обретает реальный, конкретный смысл: изгнание диктатора, поднадоевшего правителя, расширение возможностей для жизни и развития людей.

Луков В. В революции тоже есть такая прагматическая задача, просто на ней потрясение не заканчивается. Революция, конечно, вдохновляющая и пугающая реальность. Она порождает героические мифы, которые сами по себе становятся для новых поколений важнейшим воспитательным средством. Она создает новую картину мира.

Гуревич П. И Эллюль замечает, что Французская революция создала не только модель, но и миф революции, который оказал решающее воздействие на мировоззрение последующих поколений, сделав ее мерилем всех ценностей. Торжество этого мифа связано, как это ни парадоксально, с распространением рационализма, идеологии прогресса и научного взгляда на историю. Вот и нам, видимо, предстоит, прежде всего, обозначить понятие «социальных потрясений» и причины, которые их порождают в историческом процес-

се. Разумеется, социальные потрясения и революции не синонимы. Мы можем, по-видимому, говорить о том, что в истории оказывается эксклюзивной ситуацией, вторжением хаоса в стабильный, хорошо отлаженный исторический ход событий. Социальные потрясения могут вызвать бунт, восстание, революцию. Но в той же степени могут сойти на нет в результате устранения причин, которые их вызвали.

Луков В. У меня, правда, несколько иное представление. Бунт, восстание, революция не вызываются социальным потрясением, а сами им являются. Любой уровень напряженности, отчаянное положение миллионов людей — пока дело не дошло до неповиновения масс властям, не является социальным потрясением. Все это может сойти на нет при умелой политике маневрирования и руководства. Но если уж революция началась, бунт вспыхнул, то назад пути нет, это и есть потрясение. Даже если бунт подавлен, революция переродилась, реформа разочаровала — вектор истории изменился, потенциальное стало реальным.

Гуревич П. Но отчего в жизни многих социумов происходят социальные потрясения? Отчего мирное, плавное развитие общества отягощается сбоем, историческими разломами, катастрофами? Начнем, допустим, с обозначения человеческой природы. Во все времена, подчеркивает известный культуролог Йохан Хейзинга, были люди, которые не находили себе покоя или удовлетворения без постоянной надежды и ожидания полного обновления общества. При этом данное обновление мыслится обычно на совершенно иных основах. В течение последних двухсот лет жажда все новых и новых изменений была доминантой культурной жизни в западном мире. Но социальные катаклизмы никогда не помогали реализовать идеал. Новшества не приводили в исполнение задуманные проекты. Все выглядело насмешкой для молодых революционеров или реформаторов, зачинателей свершившихся перемен. Фридрих Шиллер заметил, что голод правит миром. Пушкинский персонаж из «Скупого рыцаря» тоже диагностирует: «О бедность, бедность! Как унижает сердце нам она!» Сегодня вряд ли можно утверждать, что только нищета толкает людей на протест. В Ливии уровень благосостояния людей выше, чем в России. Он превосходит уровень жизни в прибалтийских республиках, только что принятых в Евросоюз. Полковник Каддафи был не чужд идее справедливости в ее восточном варианте. «Нефтяная рента» распределялась так, чтобы его народ получал от нее нужные дивиденды.

Луков В. Может быть, ответ в полной фразе из Шиллера: «Любовь и голод правят миром». В протесте масс то, что можно обозначить словом «любовь» (а это высшие ценности, идеалы), не менее значимо, чем потребность в хлебе. Впрочем, и она, эта физиологическая потребность есть досыта, не столь проста, она живет в одной связке с общественным неравенством, разделением людей на страты, из которых одни выше, другие — непременно ниже по своему социальному статусу. Вот почему наесться и напиться даже на начальном этапе социального потрясения не составляет исключительной задачи. В одном пакете непременно — смена иерархии статусов и обновление системы ценностей.

Гуревич П. Да, степень всякого неравенства — экономического, правового, технологического, культурного — это предмет социального компромисса. Но

разве идея равенства всех людей не служила источником мощного социального движения? Разве не содействовала она рождению демократии, права, провозглашению свобод? Безусловно, лозунг равенства принадлежит к числу идеалов справедливого общества. Но содержание этого лозунга в разные эпохи менялось.

Буева Л. Николай Бердяев подчеркивает, что либеральная идеология зародилась в умственной атмосфере XVIII в., которая склонна была утверждать естественную гармонию. Провозгласив лозунги свободы и равенства, мыслители той поры действительно не обратили внимания на тот факт, что эти идеалы вовсе не являются однопорядковыми, они противоречат друг другу.

3. Возможны ли в нашей стране сегодня такие же социальные потрясения?

Луков В. Бердяев продолжает: весь XIX в. разбивал иллюзии естественной гармонии. Обнаружилось, что равенство несет с собой опасность самой страшной тирании.

Он прямо утверждает, что свобода и равенство несовместимы. «Свобода есть прежде всего право на неравенство. Равенство есть прежде всего посягательство на свободу, ограничение свободы». Это направление бердяевской мысли может не приниматься, я, например, не нахожу в нем убедительности. Но очевидно, что в нем кроется противоречие, которое не разрешается революцией, а, скорее, укрепляется в своей неразрешимости. И сегодня мы видим, как провозглашение свободы рынка породило неравенство в масштабах, которые в нашей стране с ее социалистическим прошлым не могли даже присниться в страшном сне. Если мы провозглашаем идеалы свободы, то должны мириться с тем, что национальные богатства страны принадлежат Абрамовичам. Если мы провозглашаем идеалы равенства, то придется согласиться с контролем над нами государства и других внешних сил, которые поддержат равенство (или его видимость) в обмен на отданную им в управление нашу свободу.

Гуревич П. Наша собственная современная жизнь, возрождающаяся после авторитарных оков, сталкивается со множеством парадоксов. Почему, например, альтернативные движения, выступающие против диктата власти, едва возникнув, тут же порождают в себе уже знакомые нам политические структуры? Внутри самых радикальных течений обнаруживается жесткая иерархичность. Дают о себе знать нетерпимость к инакомыслию, духовный диктат. За что же боролись? Неужели только ради смены лидеров? Не в этом ли слабость нашей политической оппозиции? Получив признание, она немедленно усваивает стереотипы власти.

Луков В. Мне кажется, Бердяев, справедливо рассуждая о неравенстве, похоронил идею справедливости как незаконную. Но в современном мире искание справедливости — мощный катализатор социальных потрясений.

Гуревич П. Источником социальных катаклизмов, как мы видим, оказывается сама власть. Можно согласиться с мнением французского социолога Бертрана де Жювенеля, что непрерывный рост власти — не случайность, но весьма конкретный, а не гипотетический смысл истории. После каждого осво-

бодительного порыва человечества государство расширяет свои владения, обещая обеспечить ту самую свободу, которую она на деле уничтожает. Революционность стала своеобразным поветрием, модой. Реформизм считается позорным. Толпа требует немедленных результатов. Борьба против неравенства, эксплуатации, колониализма, империализма сегодня не главный источник социальных потрясений.

Луков В. Если до сих пор историческое развитие шло от бунта к революции, то для нашего времени, считал тот же Эллиуль, характерно обратное движение — от революции к бунтам, которые остаются последним выходом для человека, выражением его протеста против бесчеловечной технической цивилизации. Бунт еще возможен, современное общество пока еще не настолько хорошо организовано, чтобы полностью интегрировать своих граждан и заглушить чувство щемящей несправедливости. Это небезынтересная идея.

Буева Л. «Панарабская революция» продолжает свое движение по арабскому миру. Зашатались проамериканские режимы в Бахрейне, Катаре, Йемене. Стало беспокойно и в других странах. Но наиболее ярко «процесс пошел» в Ливии. В этой стране разразилась гражданская война — пока в миниатюре.

Луков В. Но как оценить эти события в ряде стран? Что это — восстание, бунт, революция? Европейское общественное мнение в замешательстве. Если это бунт, надо поддержать законное правительство. А если очистительная революция, направленная против деспотизма, то, может быть, следует организовать точечное бомбометание против армии Каддафи, как и сделали с удивительным рвением с десятков стран, вдохновленных «миротворчеством» ООН. А на деле выходит мировая война. Кто прав — тот, у кого больше снарядов, или тот, за кем историческое будущее? Публицисты справедливо пишут о том, что никто не мог даже предугадать, как недоразвитая, полуграмотная Северная Африка может явить миру новый тип революции, основанный на спонтанном протесте.

Гуревич П. История корчится в муках. То, что было приемлемым два-три десятилетия назад, сегодня уже вызывает не только осуждение, но и решительное, радикальное отвержение. Мир глобализируется. Интернет дает возможность не только увидеть жизнь других стран, он позволяет сравнивать, сопоставлять, как живут другие народы, как организовано их социальное бытие. И здесь оказывается, что в разных регионах мира вызревают одни и те же идеи. Люди не хотят, к примеру, мириться с деспотизмом. Они осуждают произвол, социальное расслоение. Однако политики все еще придерживаются устаревших взглядов. Есть инерция, допустим, в самоидентификации политических лидеров с нерушимостью и неотъемлемостью власти. Оказавшись на вершине социальной вертикали, они убеждены в том, что их пребывание во власти будет продолжаться вечно. Всякое стремление к обновлению властных структур воспринимается властителями как наглое посягательство на общественные основы.

Луков В. События в арабском мире демонстрируют, что формируется некоторая новая конструкция миросистемных отношений, которая еще многое имеет от прошлого, но в чем-то с этим прошлым не соединяется, производя феномены социальных потрясений, не схваченных пока теоретическим

мышлением. По видимости, здесь есть прямые параллели с Югославией или Ираком, где и теория заговора работает, и схемы получения агрессором международной поддержки и т. д. И все же что-то затемняет картину событий, понимания их причин, очерчивания противодействующих сил. Когда сын Муаммара Каддафи Саиф аль-Ислам назвал в интервью телеканалу «Евро-ньюс» французского президента Николя Саркози «клоуном», то это почему-то не показалось только грубостью и оскорбительным переходом на личности, а заставило задуматься, что в глобализирующемся мире и в самом деле принятие решения бомбить соседнюю страну имеет вид игры в духе смеховой культуры средневековья: на время шут становится королем, но только на время, а перемены в обществе идут в параллельной реальности.

Буева Л. Бомбы падают не в параллельной реальности.

Луков В. Чтобы яснее было то, на что я хочу обратить внимание, приведу всем знакомое наблюдение. Машина застряла в пробке. Все обозримое пространство вокруг нас занимают такие же бедолаги, как мы: мучительно тянутся автомобили, выстроившиеся в колонну, не видно никакого просвета. Наверное, впереди авария. Но нет, минут через двадцать вдруг все поехали быстрее и быстрее и — о чудо! — пробки нет, она рассосалась без всякой видимой причины. Никакой аварии впереди не было, не было и каких-то дорог, на которые свернула часть машин. Движение машин по дороге при некотором переизбытке их по отношению к ее пропускной способности без всяких аварий будет напоминать движение гусеницы: ее тело все время сменяет режимы сжатия и растягивания, потому, собственно, и становится возможным движение. Этот природный образ применим для визуального представления о переменах в обществе, о смене относительно спокойных фаз и фаз социальных потрясений. Чем глобальнее общественный процесс, тем меньше возможностей управлять им «вручную», принимая решения в начальственных кабинетах. В глобальном измерении общественных перемен менее подвержены разумному регулированию процессы, задаваемые, по видимости, ритмами человечества как биосоциальной системы. На мой взгляд, именно в этом новизна планетарной ситуации, которая скрывается за формулой «Мир глобализируется».

Гуревич П. Означает ли это, что и в России социальные потрясения возможны лишь в меру того, что принесет нам глобальный мир?

Луков В. Разумеется, в каждой точке глобальной миросистемы могут сохранять свое решающее значение принимаемые людьми решения, а социальные потрясения порождаться конкретной ситуацией. Автономность социальных общностей, культур, общей организации жизни в масштабах человеческих поселений от села и города до страны и союза стран придает всем социальным процессам и социальным потрясениям среди них индивидуальные черты. Но во все более заполненном и оттого тесном пространстве глобального мира намного важнее, чем в прошлые времена, становится влияние общих ритмов человечества как популяции. Иными словами, то, в какой части той самой движущейся гусеницы мы сейчас находимся — в той, что характеризуется сжатием, или в той, что растягивается и обеспечивает сумасшедшую скорость изменений. Здесь может быть точка отсчета при оценке тех или иных возможностей и угроз, которые нужно учитывать современной Рос-

сии. Готовности наличной политической системы к эффективному использованию этих возможностей и противостоянию рисков в том числе.

Гуревич П. В мире сегодня ведется острая критика наличных политических систем, причем не только традиционных, но и вроде бы приспособленных к диктату демократии. Идет интенсивный поиск новых форм социального бытия. Но инерция мышления неотвратима. Есть искушение бесконечно длить свою политическую славу, решать политические и экономические проблемы, опираясь на насилие. Чем бы ни завершились события на Ближнем Востоке — реваншем деспотии, конфликтом цивилизаций, повстанческой правдой — мир уже преобразуется. Продолжает рушиться монополия США как форпоста человечества. Маячит угроза новой арабской слитности в форме всемирного халифата.

Буева Л. Президент России заявил, что в нашей стране такого рода события невозможны. Можно полагать, будто преобразование социума у нас реализуется плавно и под контролем.

Гуревич П. Первый вице-премьер правительства России Игорь Шувалов заявляет: «Значительные трансформации общества в России должны пройти без каких-либо потрясений. В последнее время массовые антиправительственные выступления прошли в ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока. Вы думаете, что будет хорошо для этих стран? Эти страны переживут нищету, огромные потрясения и личные трагедии. Мы с вами все это видели 20 лет назад... Еще хуже будет». О том, какую разрушительную роль в истории играют революции, конечно, мы знаем. Но можно ли рассчитывать, что значительные трансформации общества в России пройдут без потрясений? Что делает власть для того, что снять социальную напряженность?

Луков В. Это важный вопрос, и при всем том, что революции порождаются особым, сверх приемлемой для масс меры напряжением социальных проблем, когда взрыв представляется все же лучшим выходом, чем ожидание перемен к лучшему, социальная напряженность не обладает свойствами средней температуры по больнице, она в разных точках имеет разную температуру. А это значит, что и в относительно спокойной ситуации те или иные факты злоупотреблений, неадекватные ожиданиям действия власти могут дать толчок к обострению обстановки в целом. Вот в марте СМИ сообщают, что в жилищно-коммунальной сфере города Владимира раскрыто мошенничество. Местные власти заключили с одной компанией незаконный контракт на 1 млрд 354 млн руб. «Следствие выявило десятикратное превышение стоимости работ, связанных с уборкой улиц этой организацией». К этой информации тут же добавлено, что только за два последних года и только в Центральном федеральном округе объем похищенных в жилищно-коммунальном хозяйстве средств составил 25 миллиардов рублей. Ого! И это даже не вызывает удивления, а ограбленные жители не строят баррикады. Но убийство молодого футбольного фаната Егора Свиридова в драке 6 декабря прошлого года вызвало массовые беспорядки в центре Москвы, а потом в других городах. Премьер-министр встретился с представителями организаций футбольных болельщиков, чтобы смягчить накал страстей. Об этих событиях уже есть большой материал в Википедии, а на запрос «убийство футбольного фаната в Москве» Яндекс дает 4 млн ответов. Особенность и больших, и сложных систем состоит в том, что их жиз-

неспособность может быть подорвана совершенной мелочью, «вишневой косточкой», на которой поскользнется гигант. Япония показала, как в одночасье самая благополучная страна может все потерять.

Гуревич П. Обсуждение показало, что социальная философия располагает значительным опытом анализа общественных потрясений в истории. И все-таки современная жизнь с ее глобализующим размахом, ростом технологизации во всех сферах бытия, борьбой за влияние на мировые события свидетельствует о том, что повторяемость социальных катаклизмов как самостоятельным феноменом еще недостаточно осмыслена. Социальные мыслители с трудом различают революцию и бунт, противостояние власти и поругание справедливости, низвержение деспотизма и праздник переменчивой, агрессивной толпы, метастазы абсурда в реальности и сам социальный взрыв.

С моей точки зрения, социальным потрясением для общества является не только сам бунт, но и реальная ситуация в той или иной стране. Многие эксперты сегодня указывают на значение традиции, консервативного мышления в политике, что является определенной гарантией плавного, некатастрофического развития стран. Но настоятельно проводится мысль о верноподданном служении власти, даже если она сама творит социальный хаос в силу некомпетентности, безответственности, корыстолюбия. Предпосылки возможного протеста — это уже явное социальное потрясение, которое затрагивает судьбы многих людей. Скажем, крах образования в нашей стране, провальное состояние здравоохранения, нарастающее духовное обнищание, поляризация социальной структуры, дефицит средств для пенсионеров, трудом которых создан мир, в котором мы живем, — это и по существу, и по своему воздействию есть не что иное, как социальное потрясение. Если же полагать, что у власти еще есть шанс выправить положение, но не иметь очевидной убежденности в этом, не станет ли это скрытым подкреплением властных амбиций?

Еще недавно культовый американский социолог Элвин Тоффлер убеждал нас в том, что насилие — наименее разностороннее средство власти. Он всячески уговаривал политиков опираться на знание, которое дает, по его мнению, власть высочайшего качества. Он даже предлагал руководствоваться моральными основаниями для противостояния правительству, которое установило «избыточный порядок». Но как соотносить эти рассуждения с бомбежкой Ливана, циничные мотивы которой очевидны для всего мира? Современная практика, вопреки Тоффлеру, устанавливает культ насилия, возможность коллективного нападения на одну страну, принятия ответственного решения путем выстраивания «общих» интересов, даже сговора политиков. В этом контексте оказывается актуальной фраза наших великих сатириков, которые утверждали, что предлог войны с Данией всегда отыщется. Зачем, к примеру, они загубили своего принца Гамлета?

Современный мир завершает процесс десакрализации властителей. Бывших вождей можно казнить, как, к примеру, Саддама Хусейна. Но «самовластных злодеев» можно посадить в тюрьму, как воров, растлителей, взяточников, мародеров и даже людоедов. Можно ли считать случайностью, что народы разных стран, без всякой обоюдной помолвки, убеждаются в том, что лидеры, которые принуждают их к безоговорочному подчинению, отнюдь не небожители, не разумные политики, не первоклассные менеджеры, не духов-

ные наставники, а зачастую обыкновенные мародеры. Недаром Бердяев говорил о том, что социология проигрывает теологии. Тоска по Божьему слову, несущему воздаяние, прорывается то в обозначении крестового похода против мусульман, то в циничной реплике видного кинорежиссера относительно кары японцам за посягательство на чужую территорию.

Еще один парадокс, выявленный в ходе дискуссии, — власть нередко сама выступает катализатором нестабильности. Парадокс заключается в том, что политики сегодня только на словах призывают к гармонии и согласию, а в своей повседневной практике нередко ведут себя, как истые игроки, способные к чрезвычайным рискам и даже авантюрам. Зачастую поднимая «ярость масс» вокруг образа врага, власти создают феномен «нестабильной стабильности». Стало уже традицией испытывать терпение масс, доходя до чрезвычайного предела, до точки кипения. И в том, насколько опасен этот маневр, обнаруживается и рейтинг политика. Власть порой вынуждена даже подкреплять эту взаимную гражданскую ненависть. Сегодня, если не будет сообщения о чрезвычайных происках террористов, о покушении на демократию, мир поразится. Враг, как заметил один отечественный публицист, постоянно меняет маски, а народ каждый день ждет подлянки со всех сторон: от боевиков, от экстремистов, от власти. Впору занимать круговую оборону и превентивно мочить всех подряд, невзирая ни на идеологию, ни на антропологию.

Власть, как сказал бы Маркс, стремится удержать воодушевление на уровне великой исторической трагедии и судьбы, обозначая злодейские происки врагов. Но одновременно с этим она не только перестает думать о надеждах и мечтах народа, а готовит программы, которые обрекают людей на скудное существование, разочарование в своих чаяниях, безмолвных холопов. Как никогда в истории, становится очевидной похоть власти, не сопряженной с ответственностью, с «божьим судом», недоступным звону злата, с приговором потомков. Маркс отвергал пошлое суждение о том, что в истории обнаруживают себя только одни недоумки и тупицы. Каждый лидер действует в определенной исторической ситуации. Но он обязан соответствовать вызовам истории.

ПУБЛИКАЦИИ

Владимир РОЩУПКИН

ВТОРЖЕНИЕ: «ПОНЯТИЕ СССР ДОЛЖНО БЫТЬ СТЕРТО С ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЫ»

Гитлеровские стратеги вынашивали планы агрессии против СССР еще с середины 30-х годов XIX века. Война против Польши, кампании в Северной и Западной Европе были лишь временным этапом на пути к этой основной стратегической цели нацистского руководства. Подготовка к ее реализации активизировалась после разгрома Франции, когда у Германии оказалось достаточно ресурсов для ее ведения.

В самом деле, в интересах агрессии был поставлен военно-промышленный и людской потенциал почти всей оккупированной Европы. Ведь к тому времени вермахт захватил 12 государств: Австрию, Албанию, Бельгию, Нидерланды, Грецию, Данию, Люксембург, Норвегию, Польшу, Францию, Чехословакию, Югославию. По выплавке стали, чугуна, производству электроэнергии и цемента, добыче угля Германия вместе с оккупированными ею странами примерно в два с лишним раза превосходила Советский Союз. В одной лишь Франции оккупанты в 1940 году реквизируют сотни самолетов, 600 тыс. автомобилей, 1 млн велосипедов, тысячи тонн военного имущества, стратегических промышленных и продовольственных запасов.

Из 28 танковых дивизий, подготовленных для первого удара по СССР, восемь были вооружены трофейными английскими, французскими, бельгийскими, чешскими танками. 23 декабря 1940 года начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер сделал пометку в своем военном дневнике: «Трофейные танки — 4930 шт.». А тысячи английских, французских, бельгийских, польских, норвежских артиллерийских орудий? Все они поступили на вооружение вермахта. Против СССР были брошены более тысячи финских, румынских, польских, итальянских самолетов. Тайно или явно на Германию работала и экономика нейтральных стран — Швеции и Швейцарии.

18 декабря 1940 года Гитлер подписал директиву № 21 под условным наименованием «Барбаросса», содержащую общий замысел ведения войны против СССР. Стратегической основой плана являлась теория блицкрига — молниеносной войны. Предусматривался разгром Советского Союза максимум в течение пяти месяцев, еще до того, как будет закончена война против Великобритании. Главными стратегическими объектами были признаны

Ленинград, Москва, Центральный промышленный район и Донецкий угольный бассейн. Вермахт, достигший к тому времени пика своей черной славы, был прекрасно обучен, оснащен и вооружен.

В интересах войны против СССР был сформирован агрессивный военный альянс — на фундаменте небезызвестного пакта трех держав «оси»: между Германией, Италией и Японией. (Пакт был заключен в сентябре 1940 года.) К активному участию в войне также привлекались Румыния, Финляндия, Венгрия. Содействие германскому рейху оказывали правящие круги Болгарии, а также «независимых» Словакии и Хорватии. Кроме того, с нацистской Германией в той или иной мере взаимодействовали Испания, вишистская Франция, Португалия, Турция.

17 марта 1941 года Гальдер отметил в своем дневнике: «Северная Россия будет передана Финляндии. Прибалтийские государства отойдут к нам... Кавказ позже будет отдан Турции. В Великороссии необходимо применить жесточайший террор. Насаждаемая Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена».

Но еще раньше перед правящими кругами трех прибалтийских стран встал вопрос: повторить судьбу преданной и растерзанной Польши или все-таки «вернуться лицом к Большому соседу?». Народы прибалтийских государств уже знали о терроре в оккупированной немцами Польше и в других странах. Знали о лагерях смерти, об уничтожении мирного населения. В 1940 году парламенты Латвии, Литвы, Эстонии обратились к Москве с просьбой о принятии в состав СССР. До войны оставался год...

1. Из чего исходил Сталин?

Сообщения о нависших над страной грозových тучах поступали в Кремль из разных источников постоянно. Из разных, потому что до войны разведывательной деятельностью в стране занимались как минимум пять ведомств. Это Наркомат обороны (НКО), Наркомат военно-морского флота (НК ВМФ), Наркомат внутренних дел (НКВД) (с февраля 1941 года Наркомат государственной безопасности (НКГБ)), Наркомат иностранных дел (НКВД) и Коминтерн. В работе каждого из этих ведомств была своя специфика, а единая, не фрагментированная история их деятельности и по сей день не получила отражения в трудах исследователей. Поэтому любые общие вопросы истории советской разведки все еще остаются в тени.

И все же многие факты и документы по этой и смежным темам, в частности по дезинформационной деятельности германского командования и спецслужб, сейчас известны. Так, развернувшаяся после оккупации Балкан кампания в западной прессе о подготовке наступления Германии на Ближнем Востоке позволяла Берлину представить сосредоточение войск на востоке одним из ее этапов. В дезинформационной кампании принял участие даже рейхсминистр пропаганды Геббельс. В полной тайне от всех, но с согласия Гитлера он, используя материалы ОКВ, подготовил статью «Крит как пример», в которой декларировалось (правда, не прямо, а в форме намека): воздушно-десантная операция на Крите была своеобразной репетицией вторжения на Британские острова.

Судя по всему, Сталин такого поворота событий не исключал. 11 июня 1941 года в ответ на просьбу военных разрешить привести войска западных приграничных округов в полную боевую готовность Сталин заявил, что «для ведения большой войны с нами немцам, во-первых, нужна нефть и они должны сначала завоевать ее, а во-вторых, им необходимо ликвидировать Западный фронт, высадиться в Англии или заключить с ней мир». При этом вождь, акцентируя свою мысль, подошел к карте и, показав на Ближний Восток, сказал: «Вот куда они (немцы) пойдут».

Между тем, тревожные сообщения продолжали поступать по линии Народного комиссариата иностранных дел (НКВД), военной и внешней разведки, от пограничников, входивших тогда в состав НКВД. Нарушения немецкой стороной государственной границы, особенно воздушной, шли постоянно. При этом нарушения воздушных рубежей германской авиацией не только не были случайными, но и нередко имели дерзкий характер. Это подтверждалось направлением и глубиной полетов над советской территорией. В ряде случаев немецкие самолеты залетали в глубь ее на 100 и более километров, особенно в направлении районов, где возводились оборонительные сооружения, и над крупными гарнизонами Красной Армии.

В период с 1 октября 1940 по 10 июня 1941 года со стороны Германии нарушили границу Союза ССР 185 самолетов. Только за май и 10 дней июня границу СССР нарушил 91 германский самолет. 15 апреля 1941 года в районе г. Ровно истребителями Красной Армии был «приземлен» германский военный самолет. У экипажа оказались карты Черниговской области Украинской ССР, а также аэрофотосъемочные принадлежности и заснятая пленка. Этот самолет залетел на нашу территорию на глубину до 200 километров...

Из сообщения НКВД СССР в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о нарушениях государственной границы СССР с ноября 1940 по 10 июня 1941 года:

«С 1 января по 10 июня 1941 года, то есть за 5 месяцев и 10 дней, всего было задержано 2080 нарушителей границы со стороны Германии. Из этого числа уже разоблачено 183 агента германской разведки.

Количество задержаний нарушителей границы за 1941 год по месяцам составило: в январе — 503, в феврале — 175, в марте — 381, в апреле — 260. В мае и за 10 дней июня количество задержанных нарушителей из Германии увеличилось: в мае задержано 353 нарушителя и за 10 дней июня — 108. При задержании нарушителей на границе с Германией в связи с оказанием вооруженного сопротивления за пять с половиной месяцев убито 36 и ранено 25 нарушителей.

За последнее время был ряд случаев задержания заброшенных в СССР агентов германских разведывательных органов, снабженных портативными приемопередающими радиостанциями, оружием и гранатами.

Народный комиссар внутренних дел СССР Берия. 12 июня 1941г.».

Иное дело, как эти предупреждения использовались высшим руководством страны. Известно, что Сталин в той очень сложной и противоречивой внешнеполитической ситуации исходил из того, что война может начаться в сорок втором — не раньше, чем Гитлер разделается с Англией. Но хотелось бы привести весьма красноречивый документ.

«Сообщение НКГБ СССР И. В. Сталину и В. М. Молотову.

17 июня 1941 года № 2279/м. Сов[ершенно] секретно

Направляем агентурное сообщение, полученное НКГБ СССР из Берлина.

Народный комиссар государственной безопасности СССР В. Меркулов

СООБЩЕНИЕ ИЗ БЕРЛИНА

Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время.

2. В кругах штаба авиации сообщение ТАСС от 14 июня воспринято весьма иронически, подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может.

3. Объектами налетов германской авиации в первую очередь явятся: электростанция «Свирь-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрытие), а также авторемонтные мастерские.

4. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.

Источник, работающий в министерстве хозяйства Германии, сообщает, что произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений «будущих округов» оккупированной территории СССР. А именно: для Кавказа назначен Амонн, один из руководящих работников национал-социалистской партии в Дюссельдорфе, для Киева — Бурандт, бывший сотрудник министерства хозяйства, до последнего времени работавший в хозяйственном управлении во Франции, для Москвы — Бургер, руководитель хозяйственной палаты в Штутгарте. Все эти лица зачислены на военную службу и выехали в Дрезден, являющийся сборным пунктом. Для общего руководства хозяйственным управлением «оккупированных территорий СССР» назначен Шлоттерер — начальник иностранного отдела министерства хозяйства, находящийся пока в Берлине.

В министерстве хозяйства рассказывают, что на собрании хозяйственников, предназначенных для «оккупированной» территории СССР, выступил также Розенберг, который заявил, что «понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты» (выделено авт.).

Верно:

Начальник 1-го управления НКГБ Союза ССР Фитин».

(Подлинник).

(1941 год. В 2 кн. Кн. 2/ Под ред. В. П. Наумова. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. (Серия «Россия. XX век. Документы»).

А что же Сталин? В самой грубой, нецензурной форме он отписал наркому госбезопасности Меркулову: «Можете послать ваш «источник» из штаба герм[анской] авиации к... Это не «источник», а дезинформатор», — безапелляционно заключил вождь.

Данная резолюция наглядно отражает ту крайне сложную обстановку, в которой приходилось действовать командованию Красной Армии, чтобы подготовить ее к отражению назревавшей германской агрессии. (Об этом написа-

но достаточно много.) Как убедить Сталина в том, что это необходимо? Ведь вождь осторожничал, опасаясь провокаций или возможности дать хоть малейший повод германской стороне быть обвиненным в военных приготовлениях. Тем более, что Сталин считал поступавшие разведанные дезинформацией, исходящей от английской и даже, может быть, от германской разведки. Несогласие с позицией хозяина Кремля могло дорого обойтись представителям высшего военного руководства. Ведь все хорошо усвоили его «мудрое предначертание»: «В 1941 году Гитлер на нас не нападет». И это при том, что 29 декабря 1940 года, спустя 11 дней после подписания Гитлером плана «Барбаросса», в Москве из сообщений разведки уже о таком документе знали, пусть даже в самом общем виде. Но Сталин ему не поверил...

Военные аналитики полагают: если курс на то, чтобы «не дать повода для развязывания войны» еще можно было как-то понять до второй декады июня сорок первого, то после этого рубежа такой подход был уже не только неприемлем, но уже и опасен с позиций большой политики и стратегических интересов безопасности государства. Более того, во второй половине лета судьба страны висела буквально на волоске. Но случилось то, что случилось...

В 1937–1938 и в последующих годах Красная Армия была фактически обезглавлена. Многих военачальников объявили врагами народа, причем лучших из лучших. Среди них трое Маршалов Советского Союза — героев Гражданской войны: В.К.Блюхер, А.И.Егоров и М.Н.Тухачевский; командармы 1 ранга И. П.Белов, И.П.Уборевич, И.Ф.Федько, И.Э.Якир (С.С.Каменев умер в 1936 году). Были репрессированы все 10 командармов 2 ранга. Это были трижды и дважды краснознаменцы: Я.И.Алкснис, И.И.Вацетис, М.Д.Великанов, И.Н.Дубовой, П.Е.Дыбенко, Н.Д.Каширин, А.И.Корк, М.К.Левандовский, А.И.Седякин, И.А.Халейский. Такая же участь постигла 60 комкоров.

Таким образом, из примерно 1300 человек высшего и старшего начсостава в армии осталось не более 350 человек. А всего репрессиям только с мая 1937 по октябрь 1938 года подверглось около 40 тысяч кадровых военачальников всех рангов. Это значило, что без командующих и командиров остались все 20 военных округов и 4 флота, все 27 стрелковых корпусов, 96 стрелковых дивизий, 184 стрелковых полка. Были репрессированы 11 командующих ВВС военных округов и 12 командиров авиадивизий. Командных кадров не хватало настолько, что даже призыв их из запаса не покрыл и половины потребностей армии.

Для восполнения потерь от репрессий пришлось выдвигать на руководящие командные должности малоподготовленных командиров. К началу войны только 7 процентов командиров имели высшее военное образование, а более трети не прошло полного курса и в средних военно-учебных заведениях. Это не могло не сказаться на уровне руководства и управлении войсками на первом, самом тяжелом этапе войны.

...По данным самого свежего на сегодняшний день фундаментального исследования (огромный формат, более 600 страниц, 52 именитых автора) — «Наше дело правое. Мы победили!» (М., 2010) — в июне сорок первого агрессоры сосредоточили для войны против СССР огромные силы: 482 дивизии и 19 бригад, из них 153 немецкие дивизии и 3 бригады, остальные румынские, финские, итальянские, венгерские, словацкие соединения.

Назовем и менее известные соединения союзников рейха. Это усиленная испанская дивизия (так называемая голубая), бельгийская, голландская, лотарингская (французская), норвежская и хорватская бригады. Известный военный историк В.А.Золотарев в своей работе «Великая Отечественная 1941–1945 гг. Действующая армия» (М., 2005) приводит данные о том, что войну против СССР вместе с солдатами вермахта начали 900 тыс. венгерских, итальянских, испанских, румынских и финских солдат. На 22 июня 1941 года общая численность сил вторжения (вместе с сателлитами и резервами) составляла 5,5 млн человек. У СССР на этот же период численность действующей армии была 2 млн 743 тыс. человек.

Войска агрессоров, их бронетанковая техника по основным нашим дорогам двигались в три-четыре ряда. А за наступающими войсками шли железнодорожные эшелоны, сотни семи- и десятитонных грузовых машин различных немецких фирм, которые «приватизировали» оборудование заводов, скот, металлы, произведения искусств и т. д. Вывозили все — даже украинский чернозем.

Немецкая армия не только вела боевые действия, но и занималась обычным грабежом. В 1700 оккупированных городах и 90 тысячах населенных пунктов гитлеровцы не оставили целой ни одной церкви, ни одного театра, музея, больницы, учебного заведения — все было разграблено и разрушено. В Германию шли миллионы посылок. Не только в СССР, но и в странах Европы немецкую «цивилизованную армию» воспринимали как армию грабителей. Но самое страшное — уничтожение мирных людей. Согласно плану «Ост» подлежали истреблению в лагерях смерти миллионы поляков, русских, белорусов, украинцев, прибалтов, евреев, азиатов. Оставшихся в живых из числа «неполноценных рас» ждала участь рабов.

Германское командование, их союзники в ходе наступления, не считаясь с потерями, вводили в боевые действия заранее отобилированные и развернутые вторые и третьи эшелоны, резервы. У Красной Армии таковых оказалось очень мало, и поначалу она отступала, несла огромные потери. Главными задачами агрессоры считали прорыв своих танковых клиньев на большую глубину с целью деморализации РККА, населения, срыва мобилизации и организованного ввода наших вторых эшелонов, захват промышленных районов. Противник умело использовал превосходство сил на основных направлениях, имел четкое взаимодействие сухопутных войск с авиацией. ВВС Германии (люфтваффе) прокладывали путь своей пехоте и танкам с воздуха. Хроника первого, самого тяжелого периода войны полна трагических примеров окружения многих наших соединений и их разгрома.

2. Тревожный звонок фельдмаршала фон Бока

Некоторые государственные деятели Англии, других стран считали, что дни Советской России сочтены, что ее армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Но они просчитались. Эвакуированные в глубокий тыл оборонные предприятия уже через месяц-другой стали выдавать оружие для фронта, вся промышленность была переведена на военные рельсы. Сотни полков, дивизий начали формироваться уже в первые дни и недели войны. Моби-

лизывались и перебрасывались из Сибири и Дальнего Востока новые соединения. К началу зимы 1941 года в сражавшихся соединениях Красной Армии насчитывалось 4 млн 196 тыс. человек, а в германской — 4 млн 657 тыс. «Чудовищный масштаб сражений между вермахтом и Красной Армией затмил все прежние события Второй мировой войны», — считает профессор современной истории Кембриджского университета Ричард Эванс.

А главное, в тяжелейших боях Красная Армия обрела боевой опыт, вермахт сполна испытал на себе силу ее ударов. Уже на 68-й день войны, 28 августа 1941 года, Гальдер зафиксировал в своем дневнике телефонный звонок от командующего группой армий «Центр» Федора фон Бока (Fedor von Bock, 1880–1945). Генерал-фельдмаршал взволнованно сообщил Гальдеру, что возможности сопротивления войск группы армий «Центр» подходят к концу. Если русские, отчаянно зывал фон Бок, будут продолжать наступательные действия, то удержать восточный участок группы армий не будет возможности. В тот же день Гальдер отметил, что укомплектованность пехотных дивизий составляла только две трети от штатного, а 1-я танковая группа потеряла половину танков.

О чем говорят эти данные? Красная Армия отнюдь не отступала безоглядно до самой Москвы. Оказывая отчаянное сопротивление, а когда позволяла обстановка, нанося контрудары, она уже в конце августа сорок первого ставила противника в сложное положение. А ведь немцы войну начали при исключительно благоприятных условиях. К тому же нападающая сторона всегда имеет преимущество по сравнению с обороняющейся. Но когда эти преимущества стали постепенно ускользать от германского командования, а выполнение тщательно отработанных на штабных картах и документах планов застопорилось, то первоначальные успехи вермахта изрядно потускнели. Армия, захватившая почти всю Европу, на бескрайних просторах России начала все чаще спотыкаться. Гитлеровские генералы оказались не в состоянии реализовать первоначальные громадные преимущества вермахта. Стратегия блицкрига была сорвана. Это окончательно стало ясно зимой сорок первого года после краха немецкого наступления на Москву.

Способность Красной Армии подняться на ноги после мощнейших ударов противника, после летней трагедии сорок первого, когда она понесла огромные потери в живой силе и технике, оказалась недооцененной. Но для того, чтобы выстоять в самое трудное время, а затем и активно противостоять врагу, потребовалось предельное напряжение сил нации, согласованность и четкость военного и государственного руководства сверху донизу, массовая политико-воспитательная работа на фронте и в тылу — чтобы люди не теряли веры в победу и делали для нее все.

Вторжение Гитлера в Россию, заявил Уинстон Черчилль, положило конец периоду, длившемуся почти год, в течение которого Великобритания и вся империя боролись с врагом один на один.

После того как Гитлер влез в Россию, он ломает себе шею, полагал будущий лидер Франции генерал Шарль де Голль.

Это означало, что с началом Великой Отечественной войны борьба с нацизмом и агрессией становилась делом не только Англии, не только народов оккупированных Германией стран, а общим делом намечавшейся антигитлеровской коалиции, в которой основную тяжесть вынес на своих плечах Советский Союз.

Валерий ПОДРОГА

ПОЛИТИКА ФИЛОСОФИИ. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ¹

Философия сегодня должна не столько «доказывать или указывать на истину, сколько быть политикой истины». У философии нет собственного опытного знания (кроме «опыта» мыслить понятиями), ее главная цель — критически перерабатывать иной опыт, служить ему осмысляющей, структурной основой. Вот здесь, на переходе между иным опытным знанием и мыслью, возникает то место, которое сможет занять политика философии. Для философии политическое — это не благоприобретенное искусство возможного, а способ выжить в современной мировой культуре философии как особому виду «знания».

В рамках западноевропейского самосознания смысл политического вполне установился. Необходимость политического для европейской мысли формировалась в течение последних трех-четырёх столетий. Начиная с 1970-х годов по настоящее время европейская философская мысль постепенно осознает возможности политического действия. Современные западные философы (не только пост-постмодернистской ориентации), так или иначе, вовлечены в мировой политический процесс, где политическое постоянно обсуждается в связи с новыми сокрушительными вызовами, на которые современная мысль вынуждена отвечать.

Конечно, если мы полагаем, что находимся в универсальном культурном пространстве европейского человечества (а это так и есть), то мы можем рассуждать о политическом в тех же терминах и с тех же позиций, как и наши западные коллеги. Однако как только мы становимся внимательны к тому месту, которое занимает отечественная культура в новейшей истории, мы сразу же замечаем особенности нашего национального пути. И это сильно озадачивает. Западная Европа и Россия: две истории и одно пространство духовной работы.

В прошедшее десятилетие резко меняются общие контексты мысли и основания, исчезает шкала сравнения, отчасти и взаимопонимание, возникает путаница в понятиях и представлениях. Некое отчуждение и утрата взаимного интереса, хотя момент истины для новых отношений к Западу приходится уже на конец 1980-х — начало 1990-х годов, время постперестроечной ясности в наших отношениях с левыми кругами западной интеллигенции (кстати, остающейся наиболее близкой по идеалам и исследовательским задачам).

¹ Материал представлен редакцией журнала «Философия и культура».

Расскажу следующий эпизод. Весной 1990 года состоялась международная конференция в Дубровнике (прямо перед самым началом войны в Югославии)². Мной упомянутый момент истины наступил в первый же день. Доклад М. Мамардашвили и его обсуждение завершились скандальным конфликтом. Не спором, не дискуссией, не тем более диалогом, а именно конфликтом. Что же произошло? Я не буду останавливаться на случайных причинах, подтолкнувших выступивших к непримиримому противоборству (может быть, сыграли свою роль «сексизм» и несколько поучающая манера М.М. дискутировать). В сущности, это был конфликт между западным и восточным марксизмом по идейно-политическим соображениям. Естественно, не между марксистом-ленинцем Мерабом Мамардашвили (кем он никогда не был, а где, возможно, всегда противостоял идеологии советского режима) и «левым» постмарксизмом С. Бак-Морса и Ф. Джеймсона. Напротив, М.М. рассматривал себя не как марксиста или постмарксиста, а скорее, как гражданина мира (его можно было назвать марксистски образованным, но уж никак не марксистом). Он был «правым» для его «левых» западных оппонентов. И, вероятно, хотел бы, чтобы коллеги на Западе воспринимали его именно так. То, чего он не учел, да и как, собственно, можно было учесть, — все те изменения в интеллектуальной и политической атмосфере, которые произошли в 1970–1980-х годах на Западе (если ты «невыездной»). Революционное «левое» движение потерпело поражение («красные бригады», акционизм, террор, заложничество и пр.). Переход от догматической марксистско-ленинской модели к постмарксистской критике современного капитализма и далее к «революционно-акционистской».

Новая стадия в развитии «левого-западного марксизма» отличается умеренностью и согласием с правилами игры постиндустриального общества (теоретическая поддержка политик этнических и сексуальных меньшинств, тендерная критика, *political correctness*; афроамериканские исследования, «ориентализм» и мультикультурализм и т.п.). К середине 1980-х годов левая критика в Америке стала полностью имманентна системе, своему собственному объекту критики. Левый американский интеллектуал 1980-х годов — это успешно делающий буржуазную карьеру профессор престижного университета. Совершенно поменялись и персонажно-идеологические маски, тенденции, направления исследований, тон, акценты, предпочтения и объекты...

Но что мы знали об этом в начале 1990-х... Да и что знал об этом М. М., если он даже Фуко или Делеза оценивал лишь с точки зрения начала 1960-х годов, измеряя их вклад в философию работами того времени. Поль Валери и Ж.-П. Сартр были М.М. намного ближе, чем его французские одногодки, влиятельные левые французские интеллектуалы «постструктуралистского» направления. Перестройка — время начала распада советской империи — принесла «восточному» марксисту много новых иллюзий и надежд. Одна из иллюзий — вера в то, что нормальное, рождающееся на основе западных ценностей и морали гражданское общество не только возможно, но и неизбежно. (Правда, в советской культуре ни тогда, ни позднее таких ценностей не оказалось.) Если и возможна критика власти, «догматической» философии и тоталитаризма...

² Я был тогда сокоординатором конференции, организованной С. Бак-Морсом, известным исследователем Франкфуртской школы, энергичным и целеустремленным профессором политических наук Корнеллского университета (США). Прекрасно проведенные две недели в предвоенном старом Дубровнике. Представительная конференция: С. Бак-Морс, Ф. Джеймсон, С. Жижек, Б. Гройс, И. Дичев, В. Тодоров, М. Рыклин, Е. Петровская (я упоминаю здесь наиболее активных участников конференции).

литаризма, то она должна вестись с позиций этого будущего нормального гражданского общества. Под таким «натуральным» по полноте гражданских прав обществом имелась в виду современная капиталистическая система. В ответ М.М. его оппоненты указывали на то, что современное западное общество не только несовершенно, но и не может служить моделью «естественно-гуманистического» развития современного общества. С точки зрения М.М., «левая» мысль всегда страдала из-за неопределенности объекта критики, в сущности, он отрицал политический смысл имманентной критики капитализма и тем самым радикальность «негативной» утопии (на что опирались Бак-Морс и Джеймисон).

Укажу на некоторые пункты недоверия восточного марксиста к западному:

1) *моральное недоверие* к «западному» марксисту: мы боролись, страдали, гибли за идею. В то время как вы уже тогда принадлежали к буржуазному истеблишменту. Владели собственностью, имели признание, аудиторию, учеников и не отказывали себе ни в чем. Ваш потребительский марксизм — лишь способ более эффективного продвижения по карьерной лестнице. Для вас это игра в марксизм, для нас же недогматический марксизм — «марксизм как наука» (А.А.Зиновьев, Э.В.Ильенков, Г.П.Щедровицкий), «гуманный марксизм» (Г. Батищев), «гегелевско-экзистенциальный марксизм» (М. Мамардашвили) всегда был выбором между решающим жизненным выбором, а не игрой;

2) *интеллектуальное недоверие*: вы превращаете философский опыт черт знает во что; вы политизируете истину, преподносит ее как общественно доступную, и даже ваша критика современного капитализма не служит ничему иному, как только превращению философского знания в товар, в разменную монету популярных «идей» массмедийного комплекса. Ведь все наиболее успешные карьеры в области философии последних десятилетий (имелись в виду карьеры наиболее модных философских фигур от Ж. Деррида и М. Фуко к Ж. Делезу, Ж. Лакану и др.) — не результат обращенности к истине, не особый талант, а скорее удачное вложение символического капитала («знания») в проект, получивший заранее гарантии общественного признания;

3) *эстетическое (эротическое) недоверие* к Западу — это, прежде всего, отвергнутая любовь. Мы столько сделали для того, чтобы европейские ценности были инкорпорированы в интеллектуальную среду советского режима. И вот теперь вы не признаете ни нас, ни наши идеи. Да что там говорить: разве отечественная философская культура, хотя бы то видимое богатство традиции, в чем-то повлияла на Европу или была освоена западными мыслителями? Конечно, нет, ведь слишком «особая», слишком «оригинальная» (читай, слишком иррациональная) русско-советская философия никак не могла заинтересовать европейского интеллектуала (да к тому же русский язык кажется чуть ли не китайским). Запад пренебрег своими приемными детьми... и глубоко разочаровал «восточных» марксистов. И было за что. Однако есть и плюсы.

Разочарование сменилось более ясным пониманием противоборства и равенства культур мысли в границах современной Европы. Не следует умалять значения того негативного опыта мысли, той страшной силы отрицания, которой наделила отечественную традицию мысли наша собственная История. Но также не следует забывать, что всякий отказ от объективного и внимательного анализа старой духовной «травмы» не приведет ни к чему хорошему. Не избавит от стыда и боли. Не наберет ли снова силу то фатальное отри-

цание настоящего, тот старый нигилизм, колеблющийся на грани самоуничтожения, юродивости и жуткого раболепия? Именно ОН превращает «надменный и сытый» Запад в вечного врага.

Если окинуть быстрым взглядом время отечественной истории с конца XIX в. с переходом в XXI в., то мы сможем выделить, по крайней мере, три периода: первый — это начало институционализации и культурного признания в России философии (1890–1923), его отражение в поэзии, литературе и искусстве, русском религиозно-философском ренессансе; второй — уже после 1917 года — первые итоги в формировании основ «диамата» и завершение цикла с конца 1920-х до середины 1980-х годов. Время становления марксистско-ленинской идеологии до ее постепенного разложения еще до распада тоталитарного государства (1924–1985); и, наконец, третий период — переходо-восстановительно-завершающий. Начало радикального пересмотра философско-культурного и идейного наследия пред- и постреволюционной эпохи (1986–1993, 1994–2000 годы и по настоящее время)³.

Третий период — это поиски выхода из сложного драматического (но часто трагикомического) событийного пространства, каким являлось посттоталитарное советское общество. Можно разбить последний период на три временных отрезка: первый, 1986–1993 годы, завершается грубейшим нарушением основного закона (Конституции) — «расстрелом» Белого дома. Конец либерально-романтических ожиданий, за ним следует резкое, и даже слишком быстрое, впадение общества в апатию, неверие, нарастают ощущение бессилия и униженности, утрата надежд на быстрое и качественное улучшение жизни. Самый депрессивный период — 1994–2000 годы. И только следующий за ним отрезок времени (от 2000 года по настоящее время) приносит долгожданную, хотя и относительную, стабилизацию. «Будущего» по-прежнему нет, но появляются некоторые признаки улучшения жизни (власть тут же и бесстыдно переносит это на свой счет). За эту стабилизацию общество продолжает платить высокую цену расслоением и неравенством. Продолжается захват важных позиций в массмедиа, усиление «вертикали власти», намечается путь к политической автократии — все это сопровождается невероятным размахом «системной коррупции» (на самом деле нет никакой коррупции, а это всего лишь принятие решений в псевдокапиталистическом стиле, через систему *сделок* («откатов»).

Как только власть перестала быть идейным и политическим оппонентом, система прежних ценностей и профессиональных установок распалась с поразительной быстротой. И вместе с ней вся многоступенчатая советская философско-идеологическая культура. Теперь каждый гуманитарий предоставлен самому себе, он стал свободен настолько, что ему даже решили не платить за труд (ведь это тоже ограничивает свободу). Философия получает свободу, к которой оказалась не готова, и она защищается от этой свободы уходом в специализацию. Потребность в философском знании если и возрастает, то только в «ангажированной» форме. Гуманитарное знание еще не способно осознать свою политическую миссию, я бы даже сказал, что оно лишено «воли к вла-

³ Конечно, мы устанавливаем границы в последнем периоде только с точки зрения тех возможностей, какими мы располагаем, когда пытаемся критически осмыслить Историю. Осмыслить через то молчание, которое, например, долгое время окружало ГУЛАГ: свидетели, «будто лишившись речи на островах Архипелага... хранили молчание» (Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования. Т. 1–2. — М.: Книга, 1990. С. 8–9). Истинный смысл паузы — не столько прерывание, сколько невозможность действия, невозможность чему-либо в этот паузный промежуток произойти.

сти». И до тех пор, пока прислуживает новой чиновничьей бизнес-корпорации, политикам и отдельным «властным» группировкам, ждет от них признания и подаваний, оно будет ограничено все той же вспомогательной функцией.

Если в двух первых периодах мы способны зафиксировать границы философской работы, то в последнем уже с трудом. Несомненна лишь одна задача: философия должна послужить методологической основой для глобальной «переоценки всех ценностей». Эта переоценка касается как новых, так и традиционно принятых культурных комплексов идей, «традиций», линий «преemptивности», эффективности «новых» и «старых» методов, методик и техник аналитической работы. Но как эта «переоценка» возможна, если до сих пор не сделано даже попытки исследовать «советский период» в отечественной истории культуры?

Мы признаем наличие культурного разрыва, почти 70-летнего выпадения из мировой истории, но не анализируем все его последствия. И виной тому наше беспамятство, ставшее дурной привычкой, как известно, всегда бывшее благом для рабского сознания. Этот чудовищный временной лаг, этот «разрыв» я бы назвал тоталитарной паузой⁴.

Пауза — термин, имеющий определенное значение в поэзии и музыке, выбран не случайно. Под паузой понимается именно прерывание того, что имеет непрерывный характер (время, ритмы и разного рода длительности и повторы, из которых складывается любое живое движение и развитие). Пауза — по не интервал и не пропуск, а полное отсутствие чего бы то ни было: не просто ничего не происходит, а ничего нет (из того что могло бы происходить). Истинный смысл паузы — не столько прерывание, сколько невозможность действия, невозможность чему-либо в этот паузный промежуток случиться. Пауза — это обрыв речи, обещающий возобновление (хотя это не обязательно), но который ничего не значит сам по себе. Паузой руководят и составляют «паузики», позволяющие придавать письменному тексту те или иные телесно-речевые очертания. Другое дело, когда мы говорим о «затянувшейся паузе» и переходим к обсуждению вдруг наступившей «пронзительной тишины». Но пауза все-таки не элемент тишины (как субстанции), это значит в нашем случае, что в тоталитарной паузе не было того времени, которое мы назвали единым, или мировым, и по отношению к нему мы и говорим о «т. п.», по отношению же к собственной истории как включенной в мировую, — здесь тоже нечего добавить.

Однако в границах отмеченного нами отрезка времени (1917–1985), куда мы и помещаем «паузу», складывается своя революционная идеология мирового времени, постепенно обрастающая всеми признаками тоталитарного мифа. Конечно, она успешно устраняется внутренней гармонией мыслящего, его личным усилием, кстати, хорошо понимающего, что и родная, и общеевропейская культура содополнительны. Однако содополнительны через разрыв, или, если сказать несколько иначе: взаимное непонимание культур часто стимулирует мысль, обращает ее на поиски новых условий понимания. Этот разрыв между событийным временем европейского человечества и временем отечественной культуры неустраним даже тогда, когда он, казалось, сглаживается и более не ощущается столь трагически⁵. Часто этот разрыв

⁴ Слово «тоталитарное» нужно понимать как смысловое содержание самой паузы: если эта пауза тоталитарная, то именно с ее помощью удерживается нужный режим умолчания о том, что происходит, и ему не стать событием политическим.

⁵ Мы должны попытаться понять историю не с точки зрения респекции, респективного взгляда, который возможен на основе следования за логикой исторических фактов, убеждающих и оправдывающих. А с про-

осознается как запаздывание и даже как отставание отечественной культуры почти во всех областях гуманитарного знания. На самом деле, это лишь то время, которым располагает культура, пытающаяся осмыслить свои цели в истории. Другого времени нет.

Отечественная философия в том виде, в каком она сформировалась в советское время, была протестна и аполитична; политика представлялась ей как ложная практика, от нее нужно всеми силами уклоняться, чтобы сохранить верность знанию и надежду на иные возможности. Другими словами, философия на выходе из «тоталитарной паузы» (а это последние 20 лет) никогда не сталкивалась с первичностью опыта. Это и есть самый решительный вызов, какой время бросает догматическому мирозерцанию и привычке к «уклонению», культу «чистого знания», в чем долгое время пряталась живая мысль, не смея высунуться. Привычка — вторая натура. Философия оказалась не готовой взять на себя ответственность за «знание», полученное в радикально новой ситуации. Более того, попыталась отказаться от «нового опыта», не заметив его. Философствование стало практикой мысли, циркулирующей в достаточно узком слое интеллигенции, чьи лидеры высокомерно сторонились всего политического, находясь в глубокой зависимости от травмирующих догм марксизма-ленинизма.

Философский опыт, тот специализированный, расщепленный, хаотичный, фрагментированный опыт, с которым мы сегодня имеем дело, не связывается в единство или систему идей, его не удастся ни завершить, ни наделять логически выверенным понятийным строем. В отечественной культуре, как, впрочем, и в европейской, не найти сегодня проектов интегративных метафизик (разве только по безрассудству и некой странной прихоти ума). Если, например, в период формирования феноменологической или психоаналитических школ, когда еще действовали школообразующие факторы, вопрос о выборе политики мысли не стоял, важно было только принадлежать и следовать; выбор свершался за нас, самим методом, который вел к общей картине мира и, следовательно, к метафизическим основаниям бытия.

Ныне, с уходом последних великих, ослабло влияние постструктуралистской парадигмы, складывается другой взгляд на политическое, теперь именно благодаря ему мысль наделяется значением и общественной ценностью. Не то чтобы философия закончила «земное» существование, завершилась, «пришла к концу», нет, конечно! Однако стало трудно установить отношение между актом мысли, самым элементарным и достаточно спонтанным, философским инструментарием, которым можно или необходимо воспользоваться (а может быть, и отбросить в сторону), и тем политическим выбором, который нужно совершить, чтобы укрепить эту свободу мыслить. Свобода выбора дает возможность стать (сформироваться) политике мысли, осуществляющей на прагматических основаниях критику «рациональной» или «логоцентристской» философской традиции (мысль освобождается от философии, ведь она находит свое выражение не в одной лишь философии, скорее она являет собою активную ткань жизни в целом, благодаря которой становятся возможными передача, усвоение и распространение образцов человеческого опыта).

спективной точки зрения: оцениваем, судим прошлое, отказываемся от него, вытесняем и стараемся забыть, стираем ради будущего — оно, прошлое, не должно повториться. Выдержать шок Прошлого, не давая ему вторгнуться в Будущее.

Мыслить сегодня — значит мыслить не за, а против философии (если определять всякий наличный «язык» философии как ограничивающий и затрудняющий политику мысли). Понятно, что философия в том виде, в каком она до сих пор существует, как пропедевтика и назидание, как архив и собрание образцов, как академическая чиновная иерархия или университетский административный механизм, вовсе не способствует появлению мысли, которая могла бы принудить философию к активной реакции на изменяющуюся современную ситуацию.

Всякая новая ситуация все дальше разводит мысль и философию, чтобы позднее, как мне представляется, столкнуть их снова и, может быть, спасти. Новое качество свободы мысли: философия (как специальный лингвистический ярлык) отменяется или уже отменена, т. е. не сама философия и философствование, а способы доведения философией собственного содержания до понимания других — до общества, которое требует от философии подсказки в выборе политической стратегии, предсказаний и других магических действий. Политическое оказалось ближе мысли, чем философии. Политика философии как знак свободы выбора, которой добилась мысль для себя (причем, повторяю, свободы от философии).

Перечислим некоторые из аргументов в защиту политики мысли. Во-первых, я свободен в выборе философского метода и тем самым свободен от покорного следования какому-либо навязываемому методу (из тех, кто претендует на универсальную значимость производимого знания). Естественно, это предполагает наличие ряда конкурирующих между собой методов, что и позволяет совершить выбор; отдельный метод хотя и продолжает претендовать на создание «истинной» картины мира, остается дополнительным по отношению к конкуренту. В образцах классической философской традиции (например, Р.Декарт) формирование метода и методических условий мысли было первоначальным философским актом, позволявшим затем перейти к представлению картины мира в целом, а «вторым шагом» опять вернуться к субъекту, его помывлившему.

Каждая новая философская система ориентировалась на предшествующую и выступала не как ее разрушение, а как уточняющее продолжение (см., например, высказывания Б.Спинозы и Г.Лейбница о системе Декарта). Видны границы, очерчивающие поля применимости отдельных методов, возможности их экспансии в «борьбе за истину» (феноменологический, экзистенциально-феноменологический, герменевтический, аналитико-лингвистический, семиотический, психоаналитический и др.). Причем их «спор», как мне кажется, сходит на нет, поскольку объявлено право на свободное использование любых методов. Все их «истины» открыты. Можно сказать, что, например, мысли М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делеза и Ф. Гваттари принадлежат одной традиции, которую можно определить как «онтологию различия», хотя их методы — «археология знания», «деконструкция», «шизоанализ» — резко отличаются друг от друга по областям приложения. Да и сами имена их говорят о той политике, которую избрали, отказавшись от «точного» следования догме старого метода. Такая политика философии и есть политика свободы выбора.

Во-вторых, традиционная «догматическая» философия завершила свое существование, новая философия не служит ни «методу», ни «онтологии»;

она исходит из превосходства объекта и осуществляет политику понимания на свой страх и риск, справедливо полагая, что никакого метода не будет достаточно, чтобы решительным образом овладеть объектом и снова вернуть субъекту право на абсолютное господство. Если концепция Делеза и Гваттари возвращает нас чуть ли не к схоластическим, виртуальным онтологиям под видом авангардных, «продвинутых» опытов мысли, то «деконструкция» Деррида продолжает традиции разоблачения языка западноевропейского Просвещения, истинный смысл которого надо восстановить, чтобы понять, как возможна политика мысли сегодня, в эпоху постмодернизма. Как научиться не пользоваться наличным философским языком, постоянно воссоздающим миф о собственной нерукотворности, «первичности» и «избранности»? Нет больше идей, касающихся разработки «единственно верного» метода, а сегодняшний интерес к онтологической проблематике вырождается в фэнтези, конспирэси и виртуалы (К. Кастанеда, Ж. Делез, Ф. Гваттари). А ведь еще недавно подобные провокации блокировались принципом «негативной утопии» (Э. Блох, В. Беньямин, Т. В. Адорно). Онтологическая рамка мира сегодня — исключительно игра виртуальных стихий. Политика каждой такой специальной философии подчиняется собственным возможностям систематизации опыта.

И, в-третьих, полным ходом идет приспособление изобретаемого «метода» к политике мысли. Если ранее философия казалась самой медленной из гуманитарных наук (необходимость достаточного времени для мысли), то сегодня философское высказывание обладает исключительной, почти мгновенной реактивностью и, следовательно, быстротой высказывания, которой она никогда не знала. Философия теперь нечто вроде «скорой помощи». Философ — тот, кто способен быстрее, чем другие члены интеллектуального сообщества, среагировать на изменяющуюся ситуацию (но не потому, что имеет право говорить «мерным»... Философ более не назначает время и место встречи миру, это мир делает сам. Глобальные события касаются разом всех и каждого, возрастающая плотность и сложность мировых связей настолько велики, что мысль более не в силах создавать единые картины мира на основе единственно верного выбора инструмента познания (языка, специальных терминов и категорий) — «совершенного» философского метода. Поэтому задача философа, достаточно оснащенного и готового изучать текущий ход событий, заключается в быстроте передачи своей мысли интеллектуальному сообществу, и его высказывание — не обязательно долгая речь, оно может быть свернуто в несколько фраз или единственный жест и произнесено мгновенно. Философ бросает вызов самым быстрым⁶.

(Окончание следует.)

⁶ Часть философского ресурса современный «мыслитель-спринтер» размещает в массмедийном пространстве (Интернет, ТВ, журналы, газеты и др.). Его активность в качестве философствующего журналиста или массмедийного проповедника стала особенно заметна к концу 1990-х годов. Тот, кто мыслит сразу же и по любому запросу, кто поддерживает уровень избранных, условия для «здорового смысла». Но только масс-медиа способны создать условия для тотального обмена позициями, речами, «местами», ролевыми функциями, «индивидуальными» образами, авторитетом, известностью, славой и т.д. Различаться там, где нет различий, говорить иное там, где говорят одно и то же о разном, по сути, стать маргиналом. Вот почему быть быстрым — это не значит быть чемпионом по масс-медиа, скорее, благодаря превосходству «метода» быть быстрее событий, заставляя их, если, конечно, философская мысль сегодня способна на это, повторяться. Превосходство метода над просто мыслью в силе именованности. Понятно, в массмедийном пространстве другие законы и, тем не менее, именно та мысль быстра, которая сопротивляется его диктату.

Мария КОРТУНОВА

СТАРОСТЬ В РАДОСТЬ

Мера цивилизованности общества справедливо определяется его отношением к своим старикам. Сегодня старость понимается как синоним угасания, истощенности, а не изменения и перехода человека в новое качество. Пожилой человек вытесняется на периферию общественной жизни, исключается из социально престижных сфер, что существенно затрудняет его самореализацию и ускоряет процессы патологического старения.

Проблемы старости невозможно решать, игнорируя социальные аспекты этого процесса. В жизни престарелых людей необходимо участие не только родных и близких, но и государства. Каждый человек, доживший до пожилого и, тем более, преклонного возраста, вправе рассчитывать на его помощь.

Одной из форм участия государства в области социального обеспечения престарелых является организация жизни пожилых людей в домах престарелых.

Как определяет Википедия, дом престарелых — это государственная или частная организация, где престарелым людям, лишившимся другой поддержки или нуждающимся в круглосуточном наблюдении, предоставляется кров и надлежащий медицинский уход.

Дома престарелых распространены преимущественно в странах, где преобладающим типом семьи является нуклеарный тип и где взрослые представители разных поколений живут самостоятельно друг от друга. Это США, Северная и Западная Европа, Япония.

Если рассматривать дома престарелых в европейских странах, то там живут в основном престарелые люди, нуждающиеся в долговременном уходе, их средний возраст — 84 года. Большая часть жителей дома престарелых — женщины, никогда не состоявшие в браке и не имеющие детей. Все наиболее значительные конфессии США — протестантская, католическая и иудейская — имеют свои дома престарелых. Опекаемыми в домах престарелых являются не только единоверцы, но и люди, принадлежащие к другим религиозным общинам. В Испании и Греции распространено создание небольших домов престарелых на 15–20 человек, которые могут быть открыты благотворительными организациями и частными лицами. В Дании начиная с 2002 года не строят дома престарелых, вместо этого строятся отдельные жилища, приспособленные к потребностям пожилого человека. Некоторые дома престарелых

переоборудованы в дома с отдельными квартирами и названы «центрами для пожилых граждан».

В России подавляющее большинство домов престарелых находится в муниципальном ведении и финансируется из бюджета. Как правило, их постояльцами являются пожилые люди, либо не имеющие близких родственников, либо не поддерживающие с ними отношений. Передко это выходцы из неблагополучной среды, лица, освобожденные из мест лишения свободы, бывшие бездомные, лица, страдающие психическими заболеваниями и т.д. Постояльцы домов престарелых — наиболее социально незащищенная категория граждан, пол-

ностью зависима от государственной помощи.

Для большинства людей поступление в дом престарелых и отказ от привычных условий и окружения является огромным стрессом, который влияет на психическое самочувствие и, впоследствии, на физическое здоровье. Все это создает препятствия для адаптации в новых условиях.

В домах престарелых старики обеспечиваются всем необходимым, но чего им действительно не хватает, что не может дать ни государство, ни персонал, — это человеческое общение и участие. И здесь восполнить этот недостаток берутся различные благотворительные организации и волонтеры.

О волонтерах из группы «Старость в радость» я узнала из Интернета. Идейным вдохновителем данного проекта стала студентка, а сейчас уже выпускница филологического факультета МГУ Лиза Олескина.

«Старость в радость» — это не просто сайт, воссоединяющий одинокие сердца с милосердными. Это, прежде всего, молодежная волонтерская группа помощи инвалидам и пожилым, живущим в домах престарелых. И помощи реальной. Группа существует около пяти лет. Состоит в основном из девушек, которые ездят по домам престарелых, привозят необходимые вещи, лекарства, сладости, устраивают концерты, общаются со стариками. Они организовали переписку с пожилыми людьми. На сайте размещаются фотографии и информация о бабушках и дедушках, которые хотели бы вступить в переписку. Адреса так называемых «ба-де» разбираются в основном студентами вузов, которые таким образом «увнучеряются» и берут под свою опеку одного или нескольких адресатов в доме престарелых. Кроме полезной информации, советов начинающим увнучеренным, публикуются отчеты о поездках в подшефные дома престарелых.

Сейчас группа шефствует над почти тридцатью домами престарелых в Нижегородской, Псковской, Московской, Тульской, Тверской, Новгородской, Брянской, Калужской, Свердловской областях и Алтайском крае. Среди подшефных есть и обитатели существующих в больницах так называемых палат медико-социального ухода, которые стали для стариков род-

ным домом. Это бабушки и дедушки, «забытые» родными людьми в больницах. Мест в домах престарелых не хватает, вот и ждут они своей очереди — кто месяцы, кто годы, а кто и до конца жизни. Им хуже, чем старикам из домов престарелых, так как они «ничьи» — ни минздравовские, ни собесовские...

Из отчета о поездке в больницу: «Стариков в таком бедственном положении мы еще не видели. Непонятно было, как в некоторых из них все еще теплилась жизнь. Бабушки лежали на полиэтиленовой пленке вместо простыней, без подушек, в каком-то тряпье...». Рассказ об этой поездке вызвал большой резонанс среди посетителей сайта. Удалось довольно быстро собрать

деньги, достаточные для покупки тумбочек, медицинских кроватей, противопролежневых матрасов и постельного белья. Сейчас в этих палатах уже не все так страшно.

Немощные, больные, так нуждающиеся в поддержке и теплом слове пожилые люди ждут, что вот-вот к ним придут родной сын, дочка или внуки. Но навещают их нечасто. Поэтому огромной радостью для них становятся письма от внучек и внуков по переписке. А примерно два раза в год новоявленные «родственники» навещают их, привозя с собой сладости, вязаные варежки, носки и другие необходимые вещи. И каждый их приезд — самый настоящий праздник для стариков.

— «Старики очень довольны письмами. Попросят перечитывать их по многу раз, — говорит медсестра Нина Соколова. — Я иногда пишу письма под диктовку, а иногда сама придумываю, очень уж они боятся потерять внучку по переписке. А бывает, и плачут от счастья, получив письмо. Оставили их тут родственники, ко многим приходят только из-за наследства, слова доброго не скажут».

Дело в том, что не только у стариков, но и у персонала явно стало меньше безнадежности и куда больше энтузиазма (особенно когда были преодолены административные сложности в общении с волонтерами). Ведь работают в этих больницах неплохие люди, настоящие подвижники, и очень многое зависит от их отношения. Москвичу даже странно слышать о том, какие зарплаты в деревенских больницах при таких же расценках на коммунальные услуги и почти московских ценах на продукты в магазинах.

Осенью 2009 г. произошло просто взорвавшее СМИ происшествие. Губернатор Псковской области Андрей Турчак уволил директора дома престарелых в Ямме. Это произошло после того, как волонтер организации «Старость в радость» Елизавета Олескина рассказала в своем блоге в Живом Журнале о страданиях постояльцев этого учреждения.

По словам волонтеров, пожилые люди в интернате брошены на произвол судьбы, отчего умирают один за другим. Медицинский персонал и руковод-

ство фактически не обращают на постояльцев никакого внимания, а материальная помощь, которую оказывают волонтеры, до стариков не доходит. Лиза написала, что если не принять срочные меры, то в Ямском доме-интернате для престарелых и инвалидов «до Нового года мало кто доживет».

Девушка предлагала сменить директора и медперсонал дома престарелых, подкрепляя свои выводы печальной статистикой, по которой за два года в злополучном интернате умерли одиннадцать человек. Также она разместила и более чем красноречивые фотографии стариков.

Уже через считанные часы сообщение Лизы в ЖЖ возглавило топ-рейтинг читаемости блогов в «Яндексе» и вызвало информационный взрыв в десятках ведущих российских СМИ, а на следующий день стало основанием для радикальных действий Минздравсоцразвития РФ и администрации Псковской области, в ведении которой находится дом-интернат.

В связи со случившимся в Ямме Общественная палата начала мониторинг ситуации в домах престарелых России, который прошел по всей стране при участии волонтерских групп и некоммерческих организаций. Члены Общественной палаты проинспектировали социальные учреждения для пожилых людей на предмет условий проживания, медицинского и социального обслуживания.

После проведения мониторинга Комиссия Общественной палаты по социальной и демографической политике подготовила рекомендации губернаторам регионов о заключении официальных договоров с волонтерскими группами и некоммерческими организациями, желающими патронировать дома престарелых. Таким образом, деятельность волонтеров стала легитимной, а противодействие со стороны руководства соцучреждений просто стало невозможным.

Волонтеры ездят по домам престарелых каждые выходные. Вот в один из дней, я собралась вместе с ними. Прежде всего, хотелось, конечно, посмотреть, что это за девочка такая, Лиза Олескина, которой удалось, считай, невозможное — сдвинуть бюрократический молох, пожирающий все на своем пути — стариков, инвалидов, детей, тех, чья жизнь, дальнейшая судьба зависят от решений равнодушных чиновников. И потом опять-таки очередная задача — снять фотопроjekt о доме престарелых. Рассказать в фотографиях о жизни людей, которые вырастили, воспитали детей в трудное для страны время, отдали здоровье, трудясь на благо Родины, а теперь вынуждены доживать свои дни в казенном доме.

Цель поездки — дом престарелых в деревне Радюкино Калужской области. Чтобы туда доехать, нужно сесть на электричку до Малоярославца, а потом уже добираться на рейсовом автобусе. Встречались на Киевском вокзале у пригородных касс. Каждый принес с собой, что смог, и в итоге образова-

лась гора сумок со всевозможными вкусами, сладостями к чаю. Везли также аккордеон — для концерта, а также целый пакет разноцветных шаров, чтобы украсить помещение, где собирались давать концерт подшефным старикам. В выходной день электричка была забита, стояли всю дорогу до Малоярославца.

Воспользовавшись долгой дорогой, расспросила Лизу, как получилось, что с разовых посещений домов престарелых в Москве так расширилась география поездок и много ли народу в волонтерской группе?

— Четыре года назад мы поняли, что в Москве дела, слава Богу, обстоят хорошо, хотя бы материально. Возник вопрос — что в Подмосковье? Поехали в Подмосковье, в Раменское, там в доме престарелых живет 50 одиноких бабушек, каждая в своей комнате — очень уютно, но очень одиноко. Дали концерт, народу пришло немного. Нам сказали, что многие бабушки не пришли, потому

что ждут праздник 9 мая. Я позвонила в Раменское и спросила, что у них планируется? Администрация ответила, что планируется выходной и больше ничего. И тогда мы с подругой решили попробовать своими силами сделать им праздник. Я написала пост в Живом Журнале: «Давайте, ребята, соберемся, попробуем устроить праздник 9 мая, попьем с ними чаю, накроем стол, песни попоем». Я не знала,

откликнется ли кто-нибудь, придет ли вообще кто-то, назначила только место и время встречи. И в 10 утра 9 мая на станцию метро «Комсомольская», где и договаривались, пришли 30 человек с цветами, с кучей еды!

Праздник получился совершенно замечательный, бабушки были очень рады, они до сих пор говорят, что это было самое лучшее 9 мая.

Мы с тех пор туда ездим, фактически раз в 2–3 недели. Обходим комнаты, разговариваем. Так как они там живут сами по себе, как в общежитии, каждая сама себе готовит, сама себе лекарства покупает, поэтому мы им вкусенького что-нибудь привозим, лекарства, если дорогие, помогаем покупать. Деньги на это тратим свои и собираем на что-то экстренно необходимое. Также находим бабушкам-дедушкам — всем, кто этого хочет, внуков по переписке.

Тех, которые ездят по домам престарелых, где-то человек 50. Ездим каждый раз командой, человек по 7, 8, 9, сколько изъявят желание. Обычно те, кто хотя бы разок съездил, остаются с нами. Одна группа в одну область поехала, другая — в другую, распределяемся.

Организация официально не зарегистрирована, так как «Старость в радость» — группа волонтеров в чистом виде и что мы делаем, делается за счет волонтерских ресурсов.

Обычно от директоров домов-интернатов мы узнаем о потребностях стариков. Например, когда ездили в Опочку в дом престарелых, искали бабушек-дедушек, предлагали им «внуков по переписке», некоторые бабушки очень просили инвалидные коляски. В принципе, коляски в домах есть, но их может не хватать, потому что сложно за каждым человеком в доме престаре-

лых закрепить личную коляску. И хотя потребовалось много времени, чтобы найти коляски, в конце концов мы привезли в Опочечкий дом-интернат 6 колясок. Деньги на коляски собирали всем миром. Мы просили у людей, объясняли, что это очень нужно, и люди покупали, потому что очень приятно понимать, что человек, которому ты подарил эту коляску, теперь может передвигаться, выбираться на улицу, гулять, и всё это благодаря тебе.

В принципе дома престарелых финансируются хорошо, достойно, то есть в нормальной ситуации там не должно быть никакой острой потребности. Другое дело, что там нужны такие вещи, которые могут немножко облегчить жизнь. Кому-то нужен пылесос. В одном доме престарелых директор, которая закончила музыкальную школу, говорила: девочки, у нас все так петь хотят, а у нас пианино нет, до нас ехать от Новгорода, ближайшего города, три часа, никто нам его не повезет, не знаем, что делать. И мы привезли им б/ушный синтезатор, который нам отдали...

Вот и станция Малоярославец. Нашли остановку рейсового автобуса и примерно через час высадились в Радюкино, небольшой деревеньке, где и находился дом престарелых. Старики уже ждали Лизу и ее друзей. Обрадовались, кинулись, как к родным. Для них — это действительно событие.

Дом престарелых занимал постройки бывшего дома отдыха, территория довольно-таки большая, вокруг леса и поля. В комнатах в основном живут по 2-3 человека. По 4-5 человек занимают палаты для лежачих на этаже сестринского ухода. Внутри чисто, приветливые лица персонала. Этот радюкинский дом на хорошем счету.

Длинный коридор бывшего дома отдыха, а теперь специального дома престарелых кажется бесконечным.

— Приходите на концерт, — приглашаем мы открывшую дверь бабушку.

Концерт давали на втором этаже, куда стали стягиваться пожилые люди, таща с собой стулья и рассаживаясь на диванчики и скамейки у стены в ожидании выступления. Кто приезжает на инвалидной коляске, кто на костылях, но стараются прийти все, кто еще может передвигаться сам. Девочки надували шарики, чтобы создать праздничное настроение.

Ребята из «Старость в радость» импровизируют на ходу. Подготовленные в электричке номера под аккордеон звучат как отрепетированные. Бабушки ловят каждое движение. Бенгальские свечи и воздушные шарики создают атмосферу праздника.

Зрители подключаются к действию. «Не влюбляйся слишком рано...» — будто в опере выводит одна из старушек.

— Мне уже восемьдесят шесть, — объявляет Мария Михайловна. — Еще молодая! — Сухонькой рукой она ловко отбивает брошенный ей воздушный шарик.

Стариков довольно-таки много, они принарядились — надели по такому случаю самые нарядные цветастые халаты и платки. Они то и дело подпевают, улыбаются и хлопают в ладоши. Внимание, улыбка, подаренная радость — совсем немного надо человеку, чтобы почувствовать себя менее одиноким.

После концерта девочки общаются со своими бабушками и дедушками, обходят палаты с лежачими стариками, которые не смогли посмотреть их выступление, раздают посылки.

Все они очень разные: одна милая, другая ворчунья, третья тихоня, четвертая не прочь посплетничать. В комнате у некоторых люстра, лампадка, порядок, у других — беспорядок. Есть одинокие. Есть те, кого берут иногда домой. К некоторым родственники приходят лишь после пенсии: за деньгами. Есть и те, кого дети из дома выгнали, а есть, кто сам ушел.

Вера Владимировна всю жизнь выполняла мужскую работу: комбайнер, слесарь на прядильной фабрике.

— А как вы здесь оказались? — осторожно интересуюсь я.

— Меня совесть заела. Я у родных залу заняла. Дочке с внучкой в одной комнате спать пришлось. Ушла, чтобы не стеснять.

А Александре Порфирьевне просто некуда идти. Муж и дочь умерли. Дом сгорел.

Когда ехали обратно уже поздно вечером в полупустой электричке, думалось о многом. Вряд ли кто-то на вопрос, нуждаются ли в помощи одинокие старики, ответит отрицательно. Но обычно мы считаем, что помочь такому человеку обычными человеческими силами нереально. Но, оказывается, достаточно сделать лишь маленький шаг навстречу. И сделать это может каждый. И пример этому — маленькая хрупкая девушка, которой удалось, казалось, невозможное. Которая смогла «достучаться до небес», снесла бюрократические преграды, бросив вызов равнодушию и цинизму, показала на опыте своей деятельности, что от каждого конкретного человека зависит очень многое.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

ВЛАСТОМАНИЯ НАШИХ ДНЕЙ

**Льюкс Стивен. Власть: радикальный взгляд.
М., 2010.**

Восточные владыки, свергаемые бунтарями, которым надоело видеть на экранах одни и те же лица политиков, не желающих расставаться с тронами, вертикалями власти. Новейшие изыскания, призванные доказать, будто властодержатели одержимы неким импульсом, обусловленным генетически. Поиск внутренних, интроспективных мотивов, доставляющих наслаждение от власти. Властомания — это жизненная страсть человека, одержимого волей к власти. По мнению Ф. Ницше, этот инстинкт является главным в человеке, но присущ только сверхчеловеку — носителю мощной жизненной силы, глубинных инстинктов, в которых не угасает дионисийское начало. «Воля к власти» — великий жизненный принцип.

Под влиянием Ницше Адлер развил идею властолюбия, которая вытекает, по его мнению, из чувства неполноценности, укоренном в детстве. Начиная с пятилетнего возраста комплекс неполноценности начинает формировать властолюбие, порождает комплекс превосходства (преувеличение здорового стремления преодолеть постоянное чувство неполноценности). Стремление к превосходству, являясь общечеловеческой чертой, может иметь как конструктивное (например, общественный лидер), так и деструктивное направление. Если первое соотносится с благополучием других людей, то второе эгоистично и реализуется за счет других людей.

В книге американского политолога Стивена Льюкса нет ссылок ни на Адлера, ни на Ницше. Зато есть М. Фуко, С. Коэн, Ч. Миллс. Более тридцати лет назад Льюкс уже публиковал эту книгу, теперь речь идет о втором, расширенном издании. Тогда возник дискуссионный вопрос, который не потерял своей актуальности: как мыслить власть теоретически и как изучать ее эмпирически? Вопросы безвластия и господства, а также их соотношения были тогда в центре внимания. В середине минувшего века особенно активно обсуждались две книги «Властвующая элита» Ч. Райта Миллса и «Властная структура общества: исследование принимающих решения» Ф. Хантера. Нарисованная ими впечатляющая картина господства элиты над беспомощным населением вызвала резкую отрицательную реакцию со стороны группы политологов и теоретиков Йельского университета.

Полемика шла постоянно. Как мы должны определять и исследовать власть? Как возможно, вообще говоря, распределение власти? Критики, как показано в книге, по-разному оценивали благостную картину плюралистической демократии. Оппоненты также критически отнеслись к «реалистической» (в противоположность «утопической») концепции «демократии», которой придерживались так называемые «плюралисты». Автор книги показывает, что все, что писал о власти Мишель Фуко, можно изложить так: нельзя избежать господства, оно «везде», нет свободы от него или мышления, от него не зависящего. С. Льюкс отвергает эту точку зрения.

Однако что означает радикальный взгляд на власть? В чем его необычность? Автор, разумеется, оговаривается, что его позиция спорная и оценочная. Но именно дискуссионность и является, по его мнению, достоинством принятой им позиции. В книге же содержится критический взгляд на иные точки зрения. Первый из них Льюкс называет одномерным. Он принадлежит так называемым «плюралистам», но, по мнению автора, незаслуженно. *«Плюралисты концентрируют внимание на поведении в момент принятия решений по ключевым или важным вопросам, предполагающим действительный, наблюдаемый конфликт»* (с. 32). При этом интересы разных кластеров населения понимаются лишь как предпочтения, отдаваемые какой-либо политике и обнаруженные благодаря политическому участию.

Но есть, оказывается, еще и двумерный взгляд. Здесь центральный пункт таков: в той степени, в какой личность или группа — сознательно или бессознательно — создает или усиливает барьеры для публичного обсуждения политических конфликтов, эта личность или группа обладает властью. В этом варианте, по мнению автора, феномен власти включает в себя многие факторы — принуждение, влияние, авторитет, силу и манипулирование. И эта позиция тоже отвергается С. Льюксом. Плюралисты рассматривают только способы, посредством которых создаются препятствия для принятия решений по тем потенциальным вопросам, которые ведут к конфликтам. Здесь, пожалуй, можно согласиться с американским исследователем. В самом деле, как показывает современная политическая практика, власть имущие могут не допустить актуального обсуждения конфликта. Он просто не будет актуализирован. Следовательно, не будет и борьбы решений, которые, по мнению плюралистов, определяют суть политики.

Да, действительно, у всех трех взглядов на власть есть одна общая черта — они носят оценочный характер. Каждый из этих взглядов возникает и работает в определенной моральной и политической перспективе. Но тогда какой смысл в их критике со стороны С. Льюкса? На эти сомнения в книге находим следующий ответ: *«само определение власти, а также любое использование такого определения, коль скоро оно имеется, неразрывно связано с существующей (возможно, непризнанной) системой ценностей представлений, которые предопределяют сферу его эмпирического применения...»* (с. 48).

Известно, что Х. Арендт толковала власть в традициях, которые восходят к Афинам и Риму. В этом случае республика опирается на верховенство закона, который основан на власти народа. Стало быть, власть возникает всегда и везде, где люди собраны вместе и действуют сообща. Отсюда парадокс, кото-

рый обнаружил в свое время Ш. Монтескье: тирания является поэтому наиболее насильственной и менее властной формой правления.

Льюкс хочет в своем исследовании показать, как осуществление власти предупреждает действия, а порой даже и мысли людей. Он отмечает, что есть три аспекта, которые порождают особо острые проблемы для исследователя. Определенное осуществление власти предполагает скорее не-действие, чем (наблюдаемое) действие. Так, допустим, в нашем российском обществе не обсуждаются вопросы о правомерности передачи власти через назначение преемника, о негативных сторонах вертикали власти. *«Несовершенство некоторого действия в данной ситуации вполне может иметь специфические последствия, тогда как совершение действия является гипотетической возможностью с определенными последствиями»* (с. 79).

Власть, несомненно, осознает, что она творит. Вроде бы нельзя вершить властные полномочия, находясь с «несознанке». Однако не сознавать, что ты делаешь в качестве политика, можно по-разному. Скажем, нередки случаи, когда властитель не осознает реального мотива или смысла своих действий. Можно также не сознавать, как другие истолкуют твоё действие. В тех вариантах, когда власть реализуется с помощью каких-то социальных групп, институтов, акторы, то есть политики, действуют в рамках структурно определенных границ. Но они тем не менее обладают некоторой относительной автономией и могут действовать различным образом.

«В повседневной жизни и в научных работах, — отмечает автор, — мы обсуждаем местопребывание власти и ее пределы, обсуждаем, у кого больше власти, как власти достичь, как ее обрести, ей сопротивляться, ее сохранить или укротить, как распределить или распространить, уравновесить или максимизировать, как сделать ее более эффективной и как ограничить ее следствия или избежать их» (с. 92). По первому впечатлению, здесь изложены по существу все аспекты власти. Однако это далеко не так. Укладываются ли в эти темы власти события, которые происходят сегодня на Востоке? Там речь идет преимущественно о том, как сбросить иго власти, а не о том, как ее «сохранить или укротить». Из этого следует, что в качестве модели власти автор использует ситуации, которые складываются в обычном европейском демократическом режиме. Но этих моделей уже недостаточно для описания наличной политической ситуации в мире.

Да, несомненно, существует несколько, даже множество понятий власти. Предполагается, что обладать властью — значит выигрывать: побеждать других в конфликтных ситуациях. Однако такого рода победы, и автор книги это осознает, вполне могут вводить в заблуждение относительно того, где же власть на самом деле локализована. Можно, к примеру, бороться против конкретного политика и даже победить его. Но уход политика с политической арены не устраняет той политической силы, которая владеет ситуацией. Эта сила, как это нередко бывает в истории, способна заменить конкретную фигуру политика, сохраняя власть.

Это обстоятельство побуждает С. Льюкса ставить интересные вопросы: *«Существуют ли альтернативные рациональности, свойственные различным историческим периодам или культурам, или даже субкультурам, альтернативные критерии для определения того, что такое разум или что*

является достаточным основанием во что-либо верить или что-либо делать, или альтернативные логики или альтернативные «стили мышления?» (с. 168).

Книга С. Льюкса, несомненно, значительный теоретический прорыв в постижении власти. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что в ней обеспечен радикальный, то есть принципиально новый взгляд на властолюбие. Скорее, автор сделал ряд существенных полемических выводов относительно тех взглядов, которые господствуют в философии политики. Но автор не охватывает своей рефлексией многообразие современной политической практики.

Эльвира Спинова

Книги, которые могут вас заинтересовать

Рубрику ведет
кандидат философских наук
Эльвира Спирина

Татьяна Кузнецова, Анатолий Уткин. История американской культуры. М., 2010.

Авторы подробно прослеживают, как колонисты, принесшие на новый континент дух старой Англии и идеи религиозного протестантизма, за четыре века интенсивного развития и приема иммигрантов сумели сделать мир своей культуры и разнообразным, и глубоким. Единственная крупная страна, не знавшая феодализма, США заняли видное место в мировой литературе, киноискусстве, архитектуре, популярной музыке, а также в философии, юриспруденции, естественных и технических науках.

В книге показано, что Америка успешно перебрала свой экономический кризис на мир в целом, но ее стали воспринимать в большем числе стран как виновницу виртуальных экономических схем и грубой политической культуры. Фаза растущего самоуважения незападных стран имеет существенное геополитическое значение. Благодаря массовым торговым накоплениям и значительным национальным сбережениям, составляющим более 45%, массовому образованию Китай в течение нескольких лет начал финансировать огромный американский бюджетный дефицит. Потребности в сырье много лет поддерживали высокие цены на ископаемые ресурсы, что особенно ослабляло США и ЕС, но обогащало Россию. Порожденная экономическим могуществом финансовая мощь позволила развивающимся странам бросить огромные ресурсы на создание передовых университетов и центров создания передовой технологии.

В.С. Семенов. Судьбы философии в современной России. М., 2011, 592 с.

В книге анализируется сложное и противоречивое состояние философии в России в последние десятилетия (конец XX — начало XXI столетий), проблемы и перспективы ее дальнейшего развития. Автор констатирует, что философия и наука оказались ненужными российской власти. В этой критической ситуации многие философы, следуя лучшим, передовым традициям русской прогрессивной философии, стремятся дать ответы на самые болевые и важнейшие вызовы времени. Они творчески формируют оригинальные и широкие философские концепции современного миропонимания, разрабатывают пути и сценарии выхода России из общественного и цивилизационного кризиса, намечают и научно обосновывают перспективы прогрессивного и социально справедливого общественного устройства России на благо человека и народа. В цен-

тре их разработок — гуманистические философские проблемы человека, человеческого бытия и очеловеченного общества, творческого труда, передовой культуры и прогрессирующей цивилизации.

В.С.Семенов выделяет четыре основных кризиса общественного развития:

1. В общественном сознании мир остался социально расколотым и социально несправедливым, причем в отношениях стран Севера и Юга, «золотого миллиарда» и остального человечества.

2. В наибольшем кризисе оказались развитие культуры и развитие моральных, духовных ценностей людей и народов.

3. Разрушительное, буквально грабительское отношение многих корпораций и людей к природе создало мрачную экологическую ситуацию.

4. Кризис геополитический выдвинулся на первое место после событий 11 сентября 2001 года в США.

Куда идет российская культура? «Круглый стол» 27–28 июня 2009 года. СПб, 2010

В сборнике опубликованы материалы очередного «круглого стола» по актуальным проблемам современной российской культуры, организованного Санкт-Петербургским гуманитарным университетом профсоюзов. Участники дискуссии — известные отечественные ученые и общественные деятели: академики В.С.Степин, А.Б.Куделин, В.Л.Макаров, М.Б.Петровский, А.С.Запесоцкий, судья Конституционного Суда РФ Г.А.Гаджиев, президент Адвокатской палаты Москвы Г.М.Резник, профессор Т.С.Юрьева.

Особое внимание в выступлениях на «круглом столе» уделено роли и месту российской культуры в общемировом культурном контексте, взаимовлиянию традиционалистских и техногенных культур в эпоху глобализации. Участники дискуссии отмечали резкий контраст между технологическим прогрессом современной цивилизации и ее нравственным состоянием, размышлением о том, каким образом может быть преодолен духовный кризис и какова роль культуры в этом процессе. Лозунги свободы и многообразия культурной жизни в России последнего двадцатилетия маскируют деградацию, распад, поругание лучших традиций и глумление над базисными гуманистическими ценностями человечества, выстраданными за тысячелетия его развития.

Клюканов Игорь. Коммуникативный Универсум. М., 2010.

Книга представляет собой введение в изучение одной из областей современного знания — теории коммуникации. Автору принадлежат исследования по этому разделу социальных дисциплин, получившие широкую известность в США и России. В книге рассматриваются основные принципы межкультурной коммуникации, взаимодействие теории коммуникации с семиотикой, теорией информации, теорией перевода. Среди подходов к коммуникации, которые обсуждает И. Клюканов, особое внимание заслуживает использование понятий, введенных в эту сферу исследований М.М.Бахтиным. На первое место автор выдвигает вопрос о возможности общения представителей разных культур, принципиально различающихся между собой. В этом отношении полезным оказывается исследование как научной теории культурной передачи высших психических функций Л.С. Выготского, психолингвистическими работами которого специально занимался И. Клюканов, так и идеи видных деятелей русской и мировой религиозной философии.

Элита России в прошлом и настоящем. Социально-психологические и исторические аспекты. Сборник научных статей. М., 2010

В настоящее время понятие «элита» необычайно расширилось. В нее включают всех, кто хоть как-то выделяется из массы. На страницах печати уже появилось выражение «криминальная элита». Сегодня многие страницы некогда классических сочинений Макса Вебера, Вильфредо Парето или Фридриха Хайека воспринимаются как далекие отголоски прошлого. Все чаще отмечается растерянность: как управлять в современном мире, как добиться должного успеха в реализации социальных планов, как избежать неотвратимых негативных последствий реформаторства, каким образом войти в будущее? Мировая интеллектуальная мысль находится сегодня в поисках новых стилей социального управления, которые могли бы быть адекватны изменившимся в мире условиям. Но уже сегодня очевидно, что эта область нуждается не в мобилизационных кличах и не в системе выстраивания власти. Прочность социума и его возможность ответить новым вызовам определяется ресурсом самоуправления, способностью выдерживать стремительные общественные изменения и обеспечивать людям нормальные условия существования.

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. EXPECTATION OF CHANGES

1. Discussion of the Russian theme under the aegis of IRIS has provided guidance on moods of the West European elite to election prospects in 2012 Putin or Medvedev. The forum has fixed that the Western Europe is quite ready to promotion of the nominee by Putin on a state post of the head. One of the total moments of a meeting was the statement that EU it is not necessary to be afraid of come back of the operating head of the government of the Russian Federation on a post of the president: the victory of the present prime minister on elections of 2012 doesn't become an obstacle for the further development of relations between the Russian Federation and EU in political and power sphere.

2. Thereupon it is impossible to exclude that during «potential» election campaign the operating chairman of the Russian government will actively use the European information support. On Putin's party leading expert and media structures of France, Germany and Italy — three leading partners of the Russian Federation in the European Union are capable to act. They can not only support expressly or by implication possibility of participation of Putin in pre-election campaign-2012, but also its potential election as the president.

3. And meanwhile, many observers mark, the main point consists at all in the one who will come to power in 2012, and what program will put forward D. Medvedev or V. Putin if will go on elections. The answer to this key question, by and large, will define the further destiny of the country on foreseeable prospect. Last poll of «Levada-center» has objectively shown that ratings of the president and the prime minister continue to decrease. It occurs, first of all, because the sensation of future crisis and slipping of Russia in the next hole becomes more and more obvious. It is available weariness of the people from monopoly for the power, corruption and a lawlessness of officials, from rupture between luster of the blue screen and real life. Russia is, more than ever, necessary serious changes and real reforms, for on a card, in a literal sense, — destiny of the country and the people.

PRESSING TOPICS

Nelly Motrosheelova. THE NATURE AND SCALE OF THE CIVILIZATION
STANDARD INFRINGEMENTS IN THE CONTEMPORARY RUSSIA
(*Notes and Impressions*)

1. Such habits are historically rooted in the depth of ages. For instance, one of the outward, but exceedingly important indicators of civilized or, on the contrary, uncivilized life in any country — the level of social hygiene, cleanliness of the environment — today, imply technical, organizational and other common social, and administrative aspects. But among the most important factors it is necessary, naturally, to mention the existence of peoples' fixed habits to observe or, on the contrary, to break the respective reasonable, useful norms and rules. In other words, *much depends upon the state of civilization consciousness tied up with standards of consciousness and rules of behavior.*

2. It is a representative feature of our life, when wrongdoings, crimes (with enormous material plunders, and, above all, coupled with human victims or intolerable conditions for

life or, rather, survival for a great mass of populace) are being «revealed» — but not disclosed, or, upon the disclosure, remain unpunished — chiefly, *after* they have already been committed. They are often spoken of loudly and angrily... by the very officials who, in the final analysis, have been responsible. So, the people «wish to know» what they were doing when all that had taken place «within zones of their competence and responsibility», say, when «under their own noses» the unprecedented large plunders had been worked and carried out? The case of the long-term Moscow city-governor, who is so heavily and so belatedly blamed (though with no juridical force as yet) is more than typical and expressive.

3. The norms, principles, rules of social life and interaction (legal and moral; the rules, regulations concerning those or other spheres) are some kind of inventions made by all human civilization. Their violation testifies to deep crises and dangers threatening individuals, countries and the whole world. These are indicators of the civilization ground fluctuations, warnings of future social earthquakes and coming over historical tsunamis.

THE ISSUE'S MAIN TOPIC

Vladimir Dergachev (Ukraine). GEOPOLITICAL RELOADING OF THE ARABIC EAST

1. The Arabic «revolutions» lack a single goal, except the need to demonopolize the state power. The corrupted regimes cannot be eternal, especially in the epoch of globalization and information mass communications. Stagnation seizes the politics, even at wealth abundance. The democratic institutions, partially by the legislative means, limit degradation of the political elite. Communist China, taking into account the Soviet Union's grim experience, keeps vigilant watch on changing the generation of politicians.

2. In the Arabic East, the social networks have played the role of a detonator to make the revolting crowds go out into the squares and streets. The leading force was the youth that coordinated its actions through the Internet and its social networks — *Facebook* and *Twitter*. But, in general, the role of social networks in the Arabic world is limited. The Egyptians living in crypts on medieval cemeteries of Cairo are unlikely use PCs connected to the Internet on gravestones and dream of democracy. For the poor, democratization of ruling power is impossible, to a great extent. One military government would be replaced with another, but «the governed Middle Ages» still be going on.

3. In many countries, there is a fear of the «domino effect» after the recent events in the Arabic world. Some experts think, that there is no room for «network revolutions» in the Eastern Europe because of its different demography, with majority of the populations being pensioners who would not go out into squares. But revolutions are feasible, when the social inequality goes deep. The attack by «elusive avengers» on the *Unified Russia* party official web-site on February 22nd might well be the first swallow of the Arabic network revolutions in Russia.

4. The Russian Federation, as the legal successor of the USSR, consistently loses its influence in the Arab world. After the Soviet Union's betrayal of the world Socialist system, it was the Near East, where many countries were building «the Arab Socialism», that felt the most notable consequences of its treachery. The Russian Federation, as the legal successor of the USSR, in its turn, by the existing «democratic tradition», repeatedly betrayed not its ideological, but its business partners. Abstention while watching the reaction of Washington became Moscow's foreign policy trade mark. Russia is consistently being modernized into the «great» third world power, giving no thought that the World Most Proper Country might choose the corrupted Russian government as its next target.

Sergey Demidenko, Marina Shtoiik. THE ENFLAMED NEAR EAST

1. At the general similarity of the problems that caused the wave of protests in the Arab world, the situation in each of the revolting countries is to be considered individually. The

ethnic and confessional specifics put their unique marks not only on events in Tunisia, Libya, Egypt, Syria, etc., but also on the opposition's social composition and political preferences. The constructiveness of the opposition's actions for the future of the whole Greater Near East region is still also in question.

2. Popular protests in Tunisia and Egypt were used by the local elite groupings that had just settled scores with their more successful competitors (at that, when the protesters demanded changes from already new government, the latter's reaction was more than rough). The regimes in Syria, Jordan and Bahrain, most likely, would stay in power (Libya being, as it was mentioned above, «quite another song») with no particular changes. The feudalism oasis, the Arabic monarchies, are living through the «Arab Spring» with no visible losses. As yet, it is just the Arab world political fa?ade that is changing. The regimes essence undergoes no change.

3. As yet, the changes in the Near East and North Africa cannot be called radical. But even now it is obvious, that the events of the winter-spring 2011 will not go traceless in the destinies of the regions. Disorders, claims for changes and improvement of life, claims for reforms and freedom — all this should make the regimes both escaped destruction and new rulers that came in the stead of the fallen ones thoughtful of the necessity of reforms. The Arab world has wallowed in the fetters of archaic political systems and backward economic strategies; the societies demand changes. What has failed today might well be established tomorrow, or in several years.

4. The protesting massive nature testifies to the universal weariness of the Arabs who had become hostages of their own elite's political tricks and gambles. If the new rulers undertake nothing to correct the economic situation, to raise the popular standard of living, to bring into operation the social mobility lifts, to improve the situation with education and youth employment (and there are apprehensions of nothing to be done), etc., then, after some historical time, this sub-region would be enflamed with new force. What political colors this, perhaps, more powerful discontent explosion will be painted in is not known yet. But, the influence of the radical religious movements is thought to be prevailing in it. Today, the Arab world is on the threshold of major changes, and the qualitative characteristics of these changes would determine the historical destinies of not just Maghreb and Mashriq, but also those of all the mankind.

Rasim Agayev (Azerbaijan). THE NEAR EAST: PSEUDO-REVOLUTION

1. There are grounds to suggest, that the epoch of unchallenged leaders copying the generally acknowledged European institutions of the governance imitating democratic systems comes to an end. The globalized world rejects rulers' reprisals against their own peoples with no heed to their motivations. This is what makes the modern world outlook differ from that of the past, when the dictators could have been publicly divided into «the sons of the bitch of ours» and those of somebody else's. Being questioned the generally acknowledged postulate of the inadmissibility of interference in the internal affairs aimed at suppressing the authoritarian regime activities. The probability of color revolution infiltrations into the post-Soviet space is great — first of all, in Southern and the Northern Caucasus, and the Central Asia republics.

2. Countries could not be transferred from chaos of the civil dissension, civil war and social devastation onto the rails of democratic development and stability without the versatile international help — as vigorous and effective as preparation and carrying out the revolutionary actions. They would move in this direction by different ways. In Tunisia's and Egypt's political practices civil society parties would prevail in short-term perspective, traditions of the secular state would be kept there.

3. There were two factors inherently connected with the geopolitical phenomenon that exerted stealth-influence upon the course, pace and content of the movement for revolutionary changes which broke out: the first was the obvious growth of Turkey's authority and active participation in the Near-Eastern affairs, demonstrating the country's stability and

receptivity to new ideas, despite the Islamic coloring of its democracy; the second was the repulse to the «Orangemen» in Iran where the Islamic government has strongly pronounced archaic and authoritarian trend. Iran's influence on certain «congeneric» points (Syria, Lebanon) in region will remain. Teheran also plans to support the radical Shiah Moslems in Bahrain and Yemen.

4. The influence of the Islamic models of development might become the determinative in the further destinies of the region. Certain part of the Islamites would be taken over by the ideas close to those of the Turkish «integrists» and «moderates», by the attempts to find out the synthesis between the Islamic values and Western democracy. The political evolution of the «Moslem Brothers», the largest Islamite association, is a good example. Now its groups are ready to carry on their activities within the state system frameworks admissible to the USA and EU.

GEOPOLITICS

Valery Buyanov. RUSSIA'S GEOPOLITICAL INTERESTS IN THE ARCTIC

1. It ought to be stated, that Russia's activities in the Arctic zone not always seem justified by its national and geopolitical interests. It might be referred to, say, sale of Alaska to the United States of America in 1867. The deal cost the USA \$7.2 million, or 14.32 million roubles of that time. Well, the Americans «extorted» from Alaska the non-comparable sums, considering oil production, gold and other minerals mining. Alaska's military strategic importance cannot be overestimated nowadays. Russia has found itself in unfavorable position after signing the June 1990 USSR — USA agreement on the sea space demarcation line, by which 70% of the Bering Sea water basin were to be transferred to the United States.

2. Russia's activities in the Arctic and its claim for considerable part of the Arctic waters are met with growing opposition by other countries, including the non-Arctic. Over 20 states have already declared their readiness to directly participate in developing the Arctic ocean shelf. The advanced countries, such as the USA, England, Germany, Japan, Norway, have already worked out technologies for an oil and gas recovery in the ice conditions from the depths of over 2 kilometers. The Chinese bought from Ukraine the world biggest non-nuclear ice breaker, Xuelong (The Snow Dragon), and decided to build new ice breakers. Denmark, Norway and other states give lots of funding to the scientific field researches in the Arctic.

3. The United States and its allies, aiming at limiting Russia and using the legal uncertainty of the huge Arctic territories, are increasingly active in their support of internationalization of its waters and shelves, claiming, it «...is the region where the law has no force and which is able to become the source of a conflict because of speeding up «race for the North Pole». The western media, duplicating the thesis of inevitability of aggravated struggle for the Arctic, picture Russia in dark tones; it, they say, wishes to capture this region, though has no resources, nor technologies to develop a shelf, while the Russian North inhabitants are the bunch of drunkards deprived of the blessings of the civilization and, complemented by the others, destroying fragile northern nature.

4. Russia's northern borders should be (and are going to be) strengthened. By 2020, the additional measures are planned to safeguard economic and political interests of the country in the region. They include building up the military bases or establishing the «Arctic special troops». There is a document envisaged strengthening the Federal Security Service border guard forces, improving the Russian Arctic border coast guard service and employing the necessary military grouping of general purpose. The planned measures are more than substantiated by the Arctic recent speedy militarization. Canada declared to set up by 2012 the Arctic Navy, including 6 to 8 ice-class battleships. The European Union develops its own military structures in the Northern Europe and increases its military presence in the Arctic. The NATO stages its military exercises in the territory of Norway and the adjoining Arctic waters.

FOREIGN AFFEARS

Linton Brooks (USA). REFLECTIONS ON A «BREAKTHROUGH» ON NUCLEAR DISARMAMENT AND NON-PROLIFERATION

1. None of this indicates a willingness to give up nuclear weapons any time soon. President Obama was correct when he suggested in his Prague speech that abolition might not come in his lifetime. Overcoming these political obstacles requires transforming the international security system. But even if this can be done, there will still be significant technical problems with moving toward abolition. Almost certainly, the first step toward eliminating nuclear weapons will be another bilateral agreement on nuclear arms reduction between the United States and the Russian Federation. Achieving additional reductions will be challenging. Problems of ballistic missile defenses are particularly difficult, but there are other issues as well, including U.S. conventional strategic weapons and Russian tactical nuclear weapons. Most U.S. analysts and opinion leaders believe it is possible to have a further reductions agreement that is in the interests of both countries, but it will be difficult and take time.

2. If there is another agreement to replace New START, the step after that will need to involve all states with nuclear weapons. There is no indication that any of those states-with the probable exception of the United Kingdom-will be interested. The world also lacks a good model for how to think about multilateral nuclear negotiations. Will states like France and China accept proportional reductions that still leave the United States and Russia with more weapons than they have? If not, will Russia and the United States be willing to reduce to the Chinese level before expecting any reductions from other countries? How will we guard against rearmament? Above all, how will we enforce a future treaty that calls for abolition? The states most capable of rearming are the five permanent members of the Security Council. But those states would have a veto over enforcement. This suggests a need for a new security mechanism that avoids great power vetoes. I doubt very much that the relevant states-including the United States-will be enthusiastic about such a new arrangement unless the international system is transformed to a degree we can barely imagine.

3. What about non-proliferation? Here too it is important not to overstate our progress. The Security Council tightening of sanctions on Iran shows the determination of the international community, but has not caused Iran to cease its defiance. North Korea appears consumed with issues associated with its leadership succession and, at least for now, shows little indication of any willingness to abandon its nuclear program. And there are already hints in Syria and Myanmar of possible future proliferation. Our chances of avoiding such proliferation depend in part on our success with Iran and North Korea. Until those two problems are solved, it is also premature to speak of a breakthrough in the battle against nuclear proliferation.

4. It would be comforting to conclude that we have achieved breakthroughs on disarmament and nonproliferation. But it would not be correct. Sound policy requires sound analysis, and such analysis demands that we see the world as it is, not as we wish it were. The importance of nuclear weapons is not decreasing. Rather it is concentrating at the high end on existential threats to nuclear armed states (and, at least in the case of the United States, to their allies and partners) and on the low end on countering the continued threat of proliferation and the newly recognized threat of nuclear terrorism. Therefore, the international community must not speak of non-existent breakthroughs. Instead, it must continue the slow, steady, difficult work of preventing and reversing proliferation while continuing to work to overcome the international political problems that stand in the way of further progress toward disarmament.

Eberhard Schneider (Germany). The NATO'S new strategic concept

1. The new strategic concept, like the previous one, contains no exact definition when there comes need to apply Article 5 of the Washington Treaty to defend the Alliance. The East

European countries were insistent (to be «double-sure») to maintain the defense potential required in case of non-nuclear war, keeping Russia in mind. Their claim that contradicts the Alliance's objective in its strategic partnership with this country, was disputed.

2. In the Euro-Atlantic Partnership Council, the consultations and practical cooperation in the military sphere should be extended. The Mediterranean Dialogue should go deeper and be opened for the other countries in this region to join. The Gulf countries, that are considered to be the partners by the Istanbul Cooperation Initiative, should be engaged in deeper partnership interactivities in the field of security. Also, the partnership relations with Ukraine and Georgia should be developed (besides Russia, these are just the two NATO-non-member-countries that are namely mentioned in the new strategy; within the frameworks of the NATO — Ukraine and NATO — Georgia commissions), with due regard for «the Euro-Atlantic orientation and these states' wishes» (No. 35).

3. Intentions of the Russia-NATO Council members «to carry on the dialogue on cooperation in the field ballistic missile defense» coincide. They agreed to jointly assess the ballistic missile threat and to keep on the dialogue on the subject. Besides, the RNC intend to renew the teamwork on BMD in the theatre of war. The RNC should develop also «the comprehensive joint analysis of the future cooperation frameworks on the ballistic missile defense». The first results of this analysis should be presented at the RNC defense ministers meeting in June, 2011.

4. In the globalized world, a military alliance has the future just in case it pays attention to the non-military threats as well, cooperates with the partner-states worldwide with no geographical restrictions, and closely cooperates with civil actors. The NATO new strategic concept identifies the ways to the purpose, but no more than that.

***Vladimir Kozin.* EURO-ABM: PROBLEMS OF ITS SETTING UP AND RUSSIA'S PARTICIPATION. THE TEST FOR THE US AND NATO'S CANDOUR**

1. Possibility of setting up the joint ABM system the Russian side understands as building up the structure as just «the European antiballistic missile system». In part, this is directly mentioned in the President Dmitry Medvedev's decree on appointing Russia's Permanent Representative at the North Atlantic Treaty Organization the President's special representative in cooperation with the Alliance on the ABM issues. The term of «the European antiballistic missile system» is also used in the Russian head of state ordinance on establishing the Interdepartmental group on cooperation with NATO in sphere of ABM at the Kremlin Administration. Both documents were signed and came into force, on February 18th.

2. It is principally important also to get the joint «Euro-ABM» caused no anxiety in the third-party countries, in part, in India and the Peoples Republic of China which obtain nuclear and antimissile weapons and maintain close military-political relations with Russia. It is extremely topical to assure that setting up such system would bring in no offensive nuclear and antimissile arm race at all, globally, no new «Cuban antimissile crisis». Cooperation in sphere of ABM has to be open and understandable for all future «antimissile partners», to forever remain just equal and equitable, with no segregation between «first-rate and second-rate players».

3. The viewed system is to have strong ties of mutual control and operate under the real time system, otherwise the US-headed NATO countries would have been able to make important strategic decisions on using the antimissile systems without Russia's participation, that might have dangerous consequences for the cause of peace and global security. The interested states ought to have permanently operating channel of reliable communication between the highest military-political leaderships in order to remove worries and concerns that might arise at use of the common ABM components.

4. Obviously, two permanently operating bodies of operative cooperating are to be set up by the parties: military-technical staff in the form of the Integrated Russian-European launched ballistic missiles flight detection and control centre; and also some military-political

body, say, the Integrated Russian-European important military-political decision-making centre for using ABM. Certainly, all the parties' crash-combat and information-reconnaissance facilities should be kept under their full military and political control and be used by their mutual consent.

Maxim Bratersky. IRAN ON THE RISE?

1. Iran's major foreign policy priorities include ensuring security, strengthening its own political positions in the Gulf region, and coming out of relative international isolation caused by the international sanctions. Today, the situation is as such that Iran is more in need of the Arab world than the Arab world needs Iran. At the same time, Iran's unwillingness to make substantial concessions, its firm intention to build relations with the Arab neighbors on its own conditions bring in more irregularity and randomness into the Iranian-Arabic relations. This randomness touches upon Iran's relations with its big neighbors and the only superpower remained in the world.

2. The Iran crisis has focused, as yet, at its nuclear program, but this is the only thing that brings the international community more or less together. While the UN mechanisms and «the Six» are at work, and due to lacking progress at negotiations with Iran, the next logic step would be further more strict international economic sanctions against Iran. To seriously press Iran by economic sanctions could not be a success; there are, at least, three reasons for that. First, neither Russia, nor the Peoples Republic of China would support any really rigid sanctions against Iran (in any case, at once); second, the Western Europe is not ready to reduce consumption of the Iranian oil and spend couple or three cold winters, more so, because the energy consumption alternative policy that would make Europe even more dependent on the Russian deliveries, also does not suit Paris and Berlin

3. It seems quite probable, that the decision on principal steps to make as far as Iran is concerned would be postponed by the present White House Administration for the future and depend not only on the situation with the Iranian nuclear program, but also on the situation in Iraq and Afghanistan, as well as upon the US home policy state of affairs. Obama may refuse to make some principal decision and gives the American Administration freedom of hands in the Iranian issue. That would open a certain «window of possibilities» in the American-Iranian relations, and put the United States and the Six» before the basic choice: either to go on with the forceful policy towards Iran, or to follow to ancient advice, If you cannot destroy the enemy, make an agreement with him.

4. Today, both in Washington and in the West European capitals, the viewpoint prevails that Iran with its nuclear program pursues a definite political goal and, indeed, demands to be recognized the Persian Gulf major regional power. In this context, the nuclear weapons are used as a tool and Iran, probably, would agree to exchange its nuclear program (or, more likely, somehow to limit it) for a recognition of being the true centre of force in the region by the leading world powers. Iran's claim is rather arrogant, and it would be very uneasy to accept it for the West, especially for the United States, for such a zigzag in the American policy requires radical revision of the US strategy in the region and reshuffles practically the whole system of its allied relations in the Greater Near East, first of all, the relations with Israel and Saudi Arabia.

*Valery Bondarenko (Belarus). RUSSIA — BELARUS:
LESSONS OF BUILDING UP THE UNION STATE*

1. To the West (the EU and US), the chief priority in the region is to expand its sphere and degree of influence as much as possible. It is clear, that the ultimate goal of such strategy is to include all countries in the region (except Russia, of course) into the NATO and EU structures. But this is coupled with tremendous expenses and risks (economic, social, political — both domestic and foreign), therefore the West confines itself just to promises and various initiati-

ves, projects, programs of preparatory or intermediate kind: the *Eastern Partnership*, *New Neighbors*, or *Expanded Europe*, etc. These initiatives, by themselves, look quite apolitically, bringing in much of the positive, and besides they make a good PR-move effective.

2. Russia is obviously and quite clearly striving, at least, to keep and, if possible, strengthen its political and economic influence in the CIS countries, once the parts of the single great country. The practical meaning of that is as following: to protect the interests of the big Russian business, to safeguard Russia's strategic interests (military objects, military strategic cooperation and other forms of military presence). *This is understandable and natural, but how it is perceived from the propaganda and populism viewpoints?.. The obvious answer is, it is «the imperial pressure»...* Russia lacks so many humanitarian initiatives, programs, cooperation projects that the West put into practice. As a result, there is Russia's commonly well-known image: even those who willingly use «openness of the Russian soul» and extensive Russian resources no less willingly talk profusely of its «imperial pressure»!

3. Traditionally, the degree of Russia's *hard-to-control* economic influence in the region is very high — foreign trade and the huge Russian commodity market, labor migration, energy carriers, the Russian capital, etc. But the means and *possibilities of controlled geopolitical influence are rather limited or, more precisely, not developed.* (More on this read in paragraphs [3] and [4].) As a result, Russia's overall expenditures on various sorts the help and support, on the so-called «latent subsidies» to the neighboring states (including Belarus) are high enough and, by estimations, by far surpass the West's similar expenses on its «eastern programs». Well, there is a bitter problem of political and geopolitical efficiency of these poorly targeted and purposeless Russian expenditures... Moreover, they are quite often perceived as something self-evident, as a certain «*payment for non-hostility*», some kind of «*geopolitical racketeering*».

4. The EU and US geopolitics or, rather, «geopolitical technology» is more active in this respect, and aimed at perspective and consistent development of institutions and conditions to implement their influence. By means of these institutions, certain individuals are being provided with direct or indirect support to «conduct» such influence, to shape the public opinion — non-government and «independent» press, «independent» experts and journalists, NPO/NGO, and opposition leaders.

*Inna Shumilina. THE US AND OBAMA'S IMAGES IN THE NEAR EAST:
BETWEEN A WORD AND A DEED (Completion)*

1. Acceleration of the US economic growth, reduction of the unemployment throughout the country and the federal budget deficiency would become Barrack Obama's main priorities for the second half of his presidency. That was stated over the CNN and NBC by the American president's top political consultant, David Axelrod, and the White House press-secretary, Robert Gibbs. All mass-media immediately pointed out the lack of any foreign policy item in the short list of both members of Administration. Though it seems to be quite logical and understandable, if one takes into account Obama's rating going down in the country and the Democrats setback at the last November elections. Obama, according to Axelrod, has come to the White House as the president of «changes to the best». And the president's image should remain as such.

2. It ought to be stressed that the US positive image making in the Middle East did become much more proactive in the final years of Bush presidency — especially against the background of the events in Iraq. All the Washington leading state bodies had their share in it. With Obama, the problem perception has not conceptually changed. But while the core of Bush rhetoric was common enemy for all — the international terrorism — fighting which made up unity of interests of all countries in the world, Obama's team weakened this accent and put forward the unity of human values.

3. The Obama Administration pays special attention to the Internet. Under President Bush-Jr., the info-strategists used this tool to chiefly influence information flows in the global Web — keeping in mind that all TV-broadcasters have the on-line version of their channels to

post there both current news and archive materials. The American info-specialists «pelted» many popular web-sites, in particular, in the Near East region, with the content, usually without a source designation. Now, under President Obama, the Internet is still more valued, that being not some temporary image move, but a conscious resort to already obviously beneficial information technology. A web-network not just gives practically unlimited facilities to «throw-in» information, but also provides for the «feedback», as well as additional options to «pursue a preemptive tactic».

ECONOMICS & FINANCE

Vagif Guseynov. THE CONCESSION POLICY AS THE FACTOR OF THE COUNTRY'S MODERNIZATION

1. In Russia, with its world biggest potential for developing concession-based business, the law «On Concessions» was passed just in July 21st, 2005. And even about six years later, the number of signed, let alone the implemented, more or less significant concession contracts may be count by fingers. Meanwhile, as economists estimate, concessions of not just oil and gas fields, but also forests, farmland, water basins might prompt our country to master \$7 to 8 bln cost of industrial technologies.

2. The situation is to be seen even more abnormal, since Russia has had long enough history of the concession practice and unique experience of maintaining it under various socio-political formations which the majority of the countries cannot boast of. The foreign concessions are well-known to have played an appreciable role in development of the economy's many branches, as far back as in the tsarist Russia. They were used in processing and mining industries, agriculture, and railway construction.

3. Speaking of the current Russian concession policy, it has to be noted, that, during the post-Soviet years up to nowadays, all forms of State Private Enterprises (SPE) have been used in Russia — but for concessions. Despite all favorable conditions, the concession policy is now being implemented by the minimum, while the governments still basically lean on the classical economic relations which potential has in many respects exhausted itself.

4. There are some objective problems that slow down the concession projects. Including the organizational and legal ones still unsolved, as well as the procedure of concession project funding that is not still fixed clearly. For the private capital, these problems cause high risks and ambiguity of the concession projects. And the most important thing — there is no feeling that this area is being urged towards proactive development.

Valery Paulman (Estonia). ON PROFITEERING IN THE MODERN ECONOMIC LIFE

1. The states all over the world, in various extent, try to oppose profiteering and the profiteers, though this phenomenon is so powerful and tenacious, that no one, and nowhere, has been able to eradicate this evil. But, in justice, it has to be noted, that unless the states interfere and make efforts to somehow streamline and regulate the market elements giving rise to profiteering, it, no doubt, would paralyze normal current of all life on the earth, causing one disaster after another.

2. Considering profiteering as a phenomenon, *the moral aspect* of profiteers' activity, whoever they were, by no means to be avoided. Is it possible to combine the principles of high morals with the laws of the Capital reproduction? What spiritual, humanistic foundations of relations between people can be touched upon at all under the system that every day reproduces ever-increasing polarization of the society, develops mass unemployment, beggary and pauperism? Businessmen's struggle between themselves, taking form of competition in the market of capitals, goods and services, is so fierce that sometimes *creates poorly controlled economic environment*, in spite of the fact that the elements of market relations make suffer all their subjects without an exception.

3. Profiteers rush their capitals to where it is possible to have the maximum returns, to where it is possible to avoid the taxation and bear no responsibility for solving the social problems of the peoples. It is enough to mention the yet unsettled problem of the so-called «*offshore*», where profiteers, corruptionists, criminal business tycoons hide their plundered riches, the problem which the G20 member-states so solemnly promised to solve once and forever.

4. No state in the capitalist world is able to eradicate the capital's urge towards the maximum profit gained under the protection of the sacred *freedom of entrepreneurship*, in particular, by means of profiteer dealings that undermine the base of both national economies, and the entire world economy. Profiteering, like the rust, corrodes the mechanism of the capital reproduction, becoming, perhaps, one of the major factors giving rise to economic crises. It is not by chance, Ms Angela Merkel urged the participants of the latest World Economic Forum in Davos to be necessarily focused at the activities that would allow to avoid profiteering in the raw goods markets.

Vasily Koltashov. DOLLAR AND RIGID SAVING:
CONCLUSIONS FOR RUSSIA

1. The US domestic rigid saving would strengthen the American currency, but fail to stop the destructive processes in the world economy. Federal Reserve, perhaps, would try to limit the emission in the same gradual way the federal administration would try to follow the policy of rigid saving. As far as in December 2010, the grounds to cut the dollar emission proved to be insufficiently strong. After the wave of the Arab revolutions and summing up the price rise for foodstuff, they seem to become more and more solid. Sweeping changes in some countries and their possibility, due to the crisis, in others prompts the American elite to change policy. This policy is identical both to the Republicans and Democrats; differ just the forms of its ideological cover.

2. Russia enters a new stage of world economic and socio-political instability as the country that has ruined «conservative modernization». The years of 2009–2010 passed in talks of it, but the new situation makes searching out the real solutions actual. Following other European countries, among which Greece is still the negative leader, Russia enters the period of enticing investments into economy from which they prefer to run off. Their enticement would be based on the most rigid neoliberal measures that frighten even the bigger part of the Russian officialdom. The chosen way is not just conservative it is ultra-conservative, so it cannot be expected to help the economy out of absolutely non-trivial crisis situation. To make the Russian market more open does not mean to make it wealthier.

3. The developments in the Russian market are quite similar to those in other countries, including the United States. In Russia, as everywhere on the planet, foodstuff profiteers take marketing away from the industrial goods. They ruin the real sector and impoverish the mass buyer. To the government, fighting them means fighting big banks, their policy and interests, that is objectively impossible. In Russia the major banks are linked to the raw corporations that determine the state's policies. The bureaucratic obstacles did not prevent Russia to experience the investment boom throughout 2001–2008. In existing situation, the cutbacks of taxes and social deductions would not boost the growth of direct investments, for these measures are unable to create the space for them, providing just softer conditions.

4. To Russia, the only way out is to change the model of its economy, to cardinally make an U-turn of the whole economic and social policy. But if it was not done in the two years that followed the 2008 lesson, of why it should happen in 2011 or in 2012? The upper governmental echelons are being moved in an old direction. But they have not took into account the social factor that, in the Arabic East. included emissive dollar and prices for bread.

«ROUND TABLE»

PHENOMENON OF SOCIAL PERTURBATIONS

The participants in the discussion were Professor Val. A. Loukov, Dr.Sc. (Philosophy), the Deputy Rector on Researching and Publishing — Director of the Institute of Fundamental and Applied Studies at the Moscow Humanitarian University; Professor Lyudmila P. Buyeva, Dr.Sc. (Philosophy), Academician of the Russian Academy of Education, Chief Researcher at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy.

The Round Table was hosted by Professor Pavel S. Gurevich, Dr.Sc.(Philosophy).

The following questions were under the discussion—

1. How the continuous repetitions of social perturbations in history can be explained?
2. What role — constructive or destructive — do revolts and uprisings play in the life of the society?
3. Are similar social perturbations feasible in our country today?

PUBLICATIONS

Vladimir Roschupkin. THE INVASION:

«THE NOTION OF THE USSR MUST BE WIPED OFF THE GEOGRAPHICAL MAP»

«The Hitler strategists nurtured plans of aggression against the USSR even since the mid-1930s. War against Poland, campaigns in the Northern and Western Europe were just temporary stage on the way to the Nazi leaders' chief strategic objective. Preparation to attain it became more active after the defeat of France, when Germany could get enough resources for waging the invasion.

In fact, to serve the interests of aggression the military-industrial and human potential of almost all the occupied Europe had been employed. After all, by then the Wehrmacht seized 12 states — Austria, Albania, Belgium, the Netherlands, Greece, Denmark, Luxembourg, Norway, Poland, France, Czechoslovakia, Yugoslavia. Germany together with the countries occupied by it more than twice surpassed the Soviet Union in smelting steel and pig-iron, producing electric power and cement, mining coal. Just from France, the occupants in 1940 requisitioned hundreds planes, 600 thousand moto-vehicles, one million bicycles, thousand tons of military ammunitions, strategic industrial and food reserves».

Philosophy and Politics

Valery Podoroga. POLITICS AND THE POLITICAL

AFTER THE GULAG. THE POLITIC OF PHILOSOPHY. NEW CHALLENGIES

1. Once the ruling power ceased to be the ideological and political opponent, the system of former values and professional guidelines collapsed with amazing speed. And all the Soviet multistage philosophical and ideological culture was ruined together with it. Now, every humanitarian scholar is left to his/her own devices, he/she has become so free, that they decided not to pay him/her for the work done at all (since paying is also limiting freedom). The philosophy receives freedom it has not been ready for, and it defends itself from such freedom by escaping into specialization. The need in the philosophical knowledge, if but increases just in the «engaged» form.

2. The domestic philosophy, of the kind that had been formed during the Soviet times, was caveat and apolitical. It saw the politics as false practice to be avoidable as much as possible to keep fidelity to Knowledge and hope for some other opportunities. In other words, by the time of leaving «the a totalitarian pause» (that is in the recent 20 years) the philosophy has

never been faced with the primacy of experience. This is the most resolute challenge the Time send to the dogmatic outlook, to the habit of «evasion» and cult of «pure knowledge» in which the live thought was hiding for a long time, not daring to stick out.

3. The freedom to choose gives the politic of thought a chance to become (to be formed up) put into practice pragmatically based criticism of «rational» or «logo-centrist» philosophical tradition (the thought frees itself from the philosophy, for it finds its expression not just in the philosophy only, but rather it represents active fabric of life as the whole thanks to which it is possible to transfer, master and distribute the patterns of human experience). Today, to think means to think not for the sake of, but against the philosophy (if to define any existing «language» of the philosophy as limiting and complicating the politic of thought).

4. The philosophy has more access to the witnessed experience through the literature and art, than through archive or history documents. Or through its own asking. The problem of the reliability of experience and access to it concerns me who is looking for a philosophical answer to the challenge of unexplained issue of the GULAG's «world» importance. The post-GULAG literature bears in itself negative experience which it not so much acquires and «understands», but rather suggests, transfers and tells-about, i.e. it is functioning as a kind of memory which is historically unclaimed, but which nature still has not been fully explained. Why this memory tries with the utmost accuracy to reproduce the past, but is unable to explain it? Why, however often the past may be repeated, it should still be pushed aside into the depths of unconscious as a bad dream, a nightmare. And moreover, the one nobody remembers, by now.

Eye Witnessing

Maria Kortunova. OLD AGE AS A BLESSING

«The degree of a society's civilization is fairly measured by how it treats its old folks.

Today, the old age is understood as the synonym of fading, exhaustiveness, but not as a person change and transition into the new quality. The elderly are forced out into the periphery of public life, excluded from socially prestigious spheres, that considerably complicates their self-realization and accelerates their pathological ageing.

Old age problems cannot be solved while ignoring the social aspects of ageing. In their living, the elderly need be concerned and sympathized not just by their families, but by the state as well. Every one lived up to the elderly, and more so to the advanced age, has the right to expect its help.

A form of the state's participation in maintaining the old age social security is to arrange older persons' life at the houses for the aged».

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

POWERMANIA OF OUR DAYS

Steven Lukes. Power: A Radical View (*Translated into Russian*). M, 2010.

1. More than thirty years ago, Lukes already had this book published, now it is the broadened second edition. Then, a debatable question sprang out which still has not lost its topicality, How to theoretically think the power over and how to empirically study it? The issues of anarchy and domination, as well as their correlation were being focused at, then. In the middle of the past century, two books, The Power Elite by Charles Wright Mills and Society's Power Structure: Studying the Decision-Makers by Floyd Hunter. They produced an impressive picture of the elite dominating over the helpless populace that caused a sharp negative response from some of the Yale University political scientists and theorists.

2. With his study, Lukes is desirous to show the way how practical governance anticipates actions, and, sometimes, even thoughts of peoples. There are three aspects, he notes, to be espe-

cially hard for a researcher. Some practical governance assumes rather non-action, than (observable) activity. Thus, suppose, our Russian society holds no discussions on such issues as the legitimacy of power handover through appointing a successor, or negative aspects of the power vertical. «Non-making some action in the given situation might well bring in specific consequences, whereas action-making is a hypothetical possibility with certain consequences» (p. 79).

3. The power, no doubt, is conscious of what it is doing. It would seem impossible to run the whole governing show, being «non-conscious». But to be inconspicuous of what you are doing as a politician may be in different ways. Say, it is not a rare occurrence when a ruler sees no real motive or meaning of his/her actions. It may not also be understood, how others would interpret your action. In cases, when the power is implemented by some social groups or institutions, the actors, that is the politicians, act within the structurally defined frameworks. But they, nevertheless, have some relative autonomy and may act in various ways.

4. The book by S. Lukes is, undoubtedly, a considerable theoretical break in understanding the power. But one may hardly agree, it has provided a radical, that is essentially new viewpoint on lust for power. More likely, the author has made some essential polemic conclusions on those views that are prevailing in the philosophy of politics. But the author's reflection has not cover the diversity of the modern political practice.

Elvira Spirova

New books that might be of interest
Reviewed by Elvira Spirova, PhD

Tatyana Kuznetzova, Anatoly Utkin. The History of the American Culture. M., 2010

The authors are scrupulous in tracing back the detailed four-century intensive progress made by both the colonists who had brought the spirit of good old England and the ideas of religious Protestantism onto the new continent, and the immigrants from everywhere to create the world of their own culture, both diverse and deep. The only big country to have avoided feudalism, the USA is prominently placed in the world literature, motion arts, architecture, popular music, as well as in the philosophy, law, natural and engineering sciences.

The book revealed the way America has successfully thrown off the economic crisis over the rest of the world, but now it is perceived as the culprit of virtual economic schemes and rough political culture in more countries than before.

Semenov, V. S. Destinies of the Philosophy in Today's Russia. M., 2011, 592 pp.

The book covers the difficult and inconsistent condition of the philosophy in Russia of the late decades (the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries), the problems and prospects of its further development. As the author states, the Philosophy and the Science have become unnecessary to the Russian state power.

In this critical situation, many philosophers, following the best, progressive traditions of Russian philosophy, strive to meet the most painful and major challenges of the time. They creatively form original and broad philosophical concepts of modern outlook, develop ways and scenarios of Russia's overcoming the public and civilization crisis, outline and scientifically substantiate the prospects of progressive and socially fair social system in Russia for the blessing of the person and the people.

Where does the Russian culture go? The round table discussion of June 27–28, 2009. S.Pb, 2010

The collection is compiled with materials of a round table discussion on topic problems of the Russian modern culture, hosted by the St.-Petersburg Trade Unions Humanitarian University.

The discussion paid special attention to the Russian culture's role and place in the world cultural context, to interference of the traditionalistic and technogeneous cultures in the epoch of globalization. The participants pointed out at the sharp contrast between technological progress of the modern civilization and its moral condition, they exchanged views on how to overcome the spiritual crisis and what is the culture's role in this process.

Klyukanov, Igor. The Communicative Universum. M., 2010

The book is, in a way, an introduction to studying one of the areas of the contemporary knowledge — the theory of communication. The author's researches on this subject in social sciences have gained wide popularity in the USA and Russia. The book covers the main principles of intercultural communications, interaction of the theory of communication with the semiotics, information theory, theory of translation.

The author gives a foremost placing to the possibility of dialogue between the representatives of various cultures essentially differing one from another.

*Russia's Elite in the Past and Present. Socio-psychological and historical aspects.
Collection of research papers. M., 2010*

Nowadays, the notion of elite has extraordinary expanded. It seems to include all who are just somehow stand out against the mass.

The world intellectual thought of today is in search of new styles of social management that would be adequate to the changed conditions in the world. But it is already obvious, that what this sphere is in need for has nothing to do with mobilization calls, nor the system of the power structuring. The society's solidity and its ability to meet the new challenges is measured with the self-government resource, with being able to sustain the impetuous public changes and to provide for the peoples normal conditions of existence.

ОБ АВТОРАХ

Агаев Расим Гусейнович (*Азербайджан*) — заместитель председателя Союза журналистов Азербайджана. По образованию филолог — окончил Азербайджанский государственный университет. С 1964 года в журналистике — Азербайджанское радио, собкор Агентства печати Новости, газеты «Труд» по Азербайджану, заведующий Бюро АПН в Ливии. Кандидатская диссертация посвящена проблемам политических союзов в Ираке. В разные годы работал заведующим идеологическим отделом ЦК Компартии Азербайджана, руководителем пресс-службы Президента АР. Автор ряда работ по проблемам Ближнего Востока, стран Южного Кавказа.

Бондаренко Валерий Семенович (*Беларусь*) — кандидат географических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации.

Выпускник МГУ им. Ломоносова. В конце 1980-х годов — докторант МГУ и консультант Инновационного совета при Правительстве РСФСР. В начале 1990-х годов — сотрудник Администрации Президента РФ. В середине 1990-х годов — начальник управления экономики Гомельского горисполкома.

Братерский Максим Владимирович — отечественный востоковед и американист. Окончил Ленинградский университет по специальности «востоковед-филолог». Работал переводчиком с языка хинди, затем исследователем в Институте США и Канады АН. В течение 11 лет возглавлял Программу Стэнфордского университета в России, был ее директором и доцентом университета. С 2004 года — в Высшей школе экономики.

В настоящее время является профессором и заведует кафедрой мировой политики. Автор трех книг и более чем 80 статей по проблематике внешней политики и мировой политической экономики.

Брукс Линтон (*США*) — посол, независимый консультант по вопросам национальной безопасности, старший советник Центра стратегических и международных исследований, почетный научный сотрудник Национального института обороны и советник двух оружейных лабораторий Министерства энергетики США.

С июля 2002 года по январь 2007 года занимал пост руководителя Национальной администрации ядерной безопасности Министерства энергетики, где занимался программой ядерных вооружений США и программами Министерства энергетики по международному нераспространению ядерного оружия.

Имеет пятидесятилетний опыт работы в сфере национальной безопасности, значительная часть которой связана с ядерными вооружениями. На государственной службе занимал должности заместителя руководителя по ядерному нераспространению Национальной администрации ядерной безопасности, заместителя Директора Агентства США по контролю за вооружениями и разоружению, главного уполномоченного США на переговорах по Договору о сокращении стратегических вооружений, директора по оборонным программам

и контролю за вооружениями в Совете национальной безопасности, а также ряд должностей за время 30-летней службы в качестве морского офицера в Министерстве военно-морского флота и обороны.

Имеет научные степени по физике университета Дьюка, по государственному управлению и политике Мэрилендского университета.

Буянов Валерий Степанович — доктор философских наук, профессор кафедры национальной безопасности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, автор более 70 публикаций по глобализации, геополитике и национальной безопасности.

Гусейнов Вагиф Алиовсатович — директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики»; член Совета по внешней и оборонной политике (с 1998 года), член Российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития; член правления Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН), член правления общества «Россия — Германия»; генерал-майор в отставке.

Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть — экономика и геополитика», «Политика у порога твоего дома» (2008). Соредактор и издатель монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор, редактор и издатель книг: «Россия-Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007), «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992-2008 годы)» (2008), «Россия в изменяющемся мире» (2008). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007), «Россия и Мир — Новая эпоха» (2008), «Центральная Азия. Геополитика и экономика региона» (2010), «Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000–2010 годы)» (2011).

Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Демиденко Сергей Владимирович — сотрудник Института стратегических оценок и анализа, кандидат исторических наук. Специалист по сепаратистским и экстремистским движениям на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Дергачев Владимир Александрович (*Украина*) — русский геополитик, профессор, доктор географических наук. На основе разрабатываемой профессором Дергачевым геополитической теории Больших многомерных пространств создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, ориентированных на формирование аналитического мышления. Автор 40 книг, в том числе Геополитика (2000, 2004); Геоэкономика (2002); Цивилизационная геополитика: Геофилософия (2004); Регионоведение (2004, 2010, в соавторстве с Л.Б. Вардомским); Международные экономические отношения (2005); Глобалистика (2005), Геополитический словарь-справочник (2009), Геополитика. Геофилософия. Геоэкономика, в 27 томах (Электронное издание на CD, 2009), Геополитическая энциклопедия (2010, <http://dergachev.ru>)

Козин Владимир Петрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, государственный советник Российской Федерации 2-го класса. Окончил МГИМО МИД СССР, аспирантуру Дипломатической академии МИД СССР, Королевскую академию оборонных исследований (Лондон), различные курсы повышения квалификации по вопросам ограничения и сокращения вооружений.

Автор двух монографий и свыше 300 статей, опубликованных в Советском Союзе, России и за рубежом, по проблематике укрепления стратегической стабильности и региональной безопасности, контроля над ракетно-ядерными вооружениями и системами противоракетной обороны. В личном качестве разработал и опубликовал проекты международных договоров об иммунитете космических летательных аппаратов, о создании безъядерной зоны в районе Балтийского моря и зоны мира в Индийском океане, а также о сокращении крылатых ракет морского базирования в ядерном снаряжении.

Колташов Василий Георгиевич — руководитель Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО).

Кортунова Мария Васильевна — сотрудник Института стратегических оценок и анализа. Окончила МГИМО МИД РФ по специальности экономист-международник; фотограф, участник программ Фонда развития визуальной коммуникации «Объективная реальность».

Мотрошилова Нелли Васильевна — доктор философских наук, профессор, заведующая отделом Института философии РАН.

Паульман Валерий Федорович (Эстония) — доктор экономических наук, профессор. Окончил Ленинградский государственный университет имени А.А.Жданова. С 1957 по 1974 год работал в Центральном статистическом управлении при Совете Министров Эстонской ССР. С 1974 года — начальник Управления народнохозяйственного плана Государственного планового комитета Эстонской ССР, а с 1981 года — первый заместитель председателя Государственного планового комитета Эстонской ССР. С августа 1983 года — заведующий экономическим отделом ЦК Компартии Эстонии. С мая 1987 года — заместитель председателя Совета Министров Эстонской ССР — председатель Государственного планового комитета Эстонской ССР. С января 1989 года — советник по вопросам планирования посольства СССР, представитель Госплана СССР в Республике Куба.

В марте-ноябре 1991 года — министр труда и социальных вопросов СССР. Автор ряда книг, в том числе «Мир на перекрестке четырех дорог. Прогноз судьбы человечества».

Подорога Валерий Александрович — доктор философских наук, профессор, зав. сектором аналитической антропологии Института философии РАН.

Автор ряда книг и более 200 научных статей, эссе, бесед; ряд его работ переведен в США, Англии, Австрии, Франции, Нидерландах, Германии, Японии.

Наиболее значимые этапы научного пути отражены в книгах: «Метафизика ландшафта» (1993), «Выражение и смысл» (1995), «Феноменология тела. Введение в философскую антропологию» (1995), «Мастерская визуальной антропологии. Курс лекций» — «Художественный журнал» (2001, в соавторстве), «Навязчивость взгляда. М.Фуко и живопись» — «Художественный журнал», Авто-био-графия. Вопрос о методе (2001, в соавторстве), «Мимесис. Аналитическая антропология литературы». Том 1. «Культурная революция» (2006), «Апология политического» (2010).

Лауреат премии имени Андрея Белого (2001).

Рощупкин Владимир Тимофеевич — обозреватель медиапортала «Хранитель», кандидат политических наук, профессор Академии военных наук.

Окончил Волгоградский государственный педагогический институт, Дальневосточный государственный университет, Новосибирское высшее военно-политическое училище, аспирантуру МГУ им. М.В.Ломоносова. Специализируется по проблемам безопасности, международных отношений, военной истории.

Спирова Эльвира Маратовна — кандидат философских наук, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Шнайдер Эберхард (*Германия*) — доктор, профессор Немецкого института международной политики и безопасности Фонда науки и политики в Берлине, а также профессор политологии в Университете Зиген. Аккредитован при Министерстве иностранных дел РФ в качестве корреспондента. С 1966 года до его роспуска в 1970 году — сотрудник Института по изучению СССР в Мюнхене от Комитета «Радио Свобода». С 1976 года до его роспуска в конце 2000 года — сотрудник Федерального института международных исследований науки о Востоке в Кельне. В 1971–1976 годах — референт по Восточной Европе в Международном институте политики и экономики в Гамбурге. Автор ряда публикаций, в том числе монографии «Российская политическая система», изданной на немецком и русском языках.

Штойк Марина Сергеевна — студентка 4-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ.

Шумилина Инна Викторовна — кандидат политических наук, заместитель главного редактора Интернет-портала Mideast.ru, вице-президент НП «СМИ против терроризма и экстремизма».

OUR AUTHORS

Rasim G. AGAYEV (*Azerbaijan*) — Deputy Chairman of the Azerbaijan Union of Journalists. Graduated from the Azerbaijan State University (the Philological Department). Since 1964, engaged in journalism as correspondent of the Azerbaijan Radio, the Novosti Press Agency's own correspondent, the *Trud* newspaper's correspondent for Azerbaijan, the Chief of the Novosti PA Bureau in Libya. His Cand. Sc. (History) thesis explored on problems of political alliances in Iraq. In divers years, hold positions of the Chief of the Ideological Department at the Communist Party of Azerbaijan Central Committee, the Head of the Press Service of the President of the Azerbaijan Republic. Authored some publications on problems in the Middle East and the Southern Caucasus countries.

Valery S. BONDARENKO (*Belarus*) — Cand.Sc. (Geography), associated professor, Deputy Head of the Chair at the Belarusian Trade and Economic University of Retail Cooperative Society.

Graduated from the M. V. Lomonosov Moscow State University. In the late 1980s, was doctoral candidate at the MSU and advisor to the Council for Innovations at the RSFSR Government. In the early 1990s was an employer at the RF President's Administration. In mid-1990s, hold post of the Head of Department of Economy at the Gomel City Executive Committee (Belarus).

Maxim V. BRATERSKY — the Russian scholar in Oriental and the American studies. Graduated from the Leningrad State University, with diploma of the orientalist-philologist. Worked as a Hindi translator, then was employed as a researcher by the Institute of the US and Canadian Studies. For as long as 11 years was managing the Stanford University program for Russia as its director and the University's lecturer. Since 2004, employed by the Higher School of Economics (SU-HSE).

Currently, is the SU-HSE Professor, Head of the World Politics Chair. Authored three books and over 80 articles on the foreign policy and world political economy.

Linton F. BROOKS (*USA*) — is ambassador, an independent consultant on national security issues, a Senior Advisor at the Center for Strategic and International Studies, a Distinguished Research Fellow at the National Defense University, and an advisor to two of the Department of Energy weapons laboratories. He served from July 2002 to January 2007 as Administrator of the U.S. Department of Energy's National Nuclear Security Administration, where he was responsible for the U.S. nuclear weapons program and for the Department of Energy's international nuclear nonproliferation programs.

He has five decades of experience in national security, much of it associated with nuclear weapons. His government service includes service as Deputy Administrator for Nuclear Nonproliferation at the National Nuclear Security Administration, Assistant Director of the United States Arms Control and Disarmament Agency, Chief U.S. Negotiator for the Strategic Arms Reduction Treaty, Director of Defense Programs and Arms Control on the National Security

city Council staff and a number of Navy and Defense Department assignments as a 30 year career naval officer.

Holds degrees in Physics from Duke University and in Government and Politics from the University of Maryland.

Valery S. BUYANOV — Dr. Sc. (Philosophy), Professor of the Chair of National Security at the Russian Federation President Academy of Government Service (RAGS). Authored over 70 publications on globalization, geopolitics and national security.

Sergey V. DEMIDENKO — Cand. Sc. (History), researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Expert on separatist and extremist movements in the Middle East and the Central Asia.

Vladimir A. DERGACHEV (*Ukraine*) — Dr.Sc. (Geography), Professor, the Russian expert in Geopolitics. Based on Professor Dergachev's geopolitical theory of the Greater Multi-Dimensional Spaces, a series of interdisciplinary works and textbooks on the Geopolitics aimed at developing the analytical thinking have been created. Authored 40 books, including *The Geopolitics* (2000, 2004); *Geoconomics* (2002); *Civilization Geopolitics: Geophilosophy* (2004); *Studying Regions* (2004, 2010, co-authored by L. B. Vardomsky); the *International Economic Relations* (2005); *The Globalistics* (2005), the *Geopolitical Dictionary-Directory* (2009), Geopolitics. Geophilosophy. Geoconomics, in 27 volumes (the Electronic edition on CD, 2009), the Geopolitical Encyclopaedia (2010, <<http://dergachev.ru>>)

Vagif A. GUSEYNOV — Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis (ISOA), Editor-in-Chief of the Vestnik Analytiki bulletin. Holds membership in the Council on Foreign and Defense Policies (since 1998), the Russian-Chinese Committee on Friendship, Peace and Development, Board of the Council on Mediterranean and Black Sea Studies (the Russian Academy of Sciences Institute of Europe), Board of the Russia-Germany Society. Ranked Major-General (rtd).

Authored books, including *Chronicle of Secret Struggle; Intoxicating Dope of Power; War of Compromats; The Caspian Oil: Economics and Geopolitics; The Politics at Your House Threshold* (2008). Co-edited and published the monographs on The Iraq Crisis and Development of the New World Order» (Moscow, 2004); The Mediterranean — Black Sea Coast — Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East (2006). Co-authored, co-edited and published books on *Russia-Great Britain: Another Cooling* (2007); *The Greater Middle East. Stimuli and Preliminary Results of the Democratization* (2007); *The South Caucasus: Trends and Problems of Development* (1992–2008) (2008); *Russia in Changing World* (2008). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on *The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP* (2002); *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006); *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007); *Russia and the World: New Epoch* (2008); *The Central Asia. The Region's Geopolitics and Economics* (2010), «Russia's Oil and Gas Complex: Trends of Development (2000–2010)» (2011).

Authored many articles on the international politics, Russia's relations with the European Union, energy security, the Near and Middle East problems, on the Southern Caucasus countries, Russia's domestic policy and economy.

Vasily G. KOLTASHOV — Head of the Economic Research Center at the Institute for Global Research and Social Movements (IGSM).

Maria V. KORTUNOVA — the employee at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Graduated from the Russian Federation Ministry for Foreign Affairs MGIMO University with the diploma in international economics; photographer, participating in programs run by the *Objective Reality* Foundation for Development of Visual Communications.

Vladimir P. KOZIN — Cand.Sc. (History), ranked as Senior Researcher, State Councilor of the Russian Federation, 2nd class.

Graduated from the RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University, the UK Royal College of Defense Studies (London) completed the postgraduate courses at the RF Ministry for Foreign Affairs Diplomatic Academy, as well as various extension courses on armaments limitation and reduction. Authored two monographs and over 300 articles on strengthening the strategic stability and regional security, nuclear missile arms control and PRO published in the Soviet Union, Russia and abroad. Personally, worked out and published the draft international agreements on immunity of space flying vehicles, on establishing nuclear free zone in the Baltic Sea area and peace zone in the Indian ocean, and on reducing nuclear-charged sea-based cruise missiles.

Nelly V. MOTROSHELOVA — Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Head of a Department at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy.

Valery F. PAULMAN (*Estonia*) — Dr.Sc. (Economics), Professor. Graduated from the A. A. Zhdanov Leningrad State University. In 1957-74, was employee in the Central Statistical Department at the Estonian SSR Council of Ministers. In 1974, was appointed the Director of the People's Economy Plan Directorate of the Estonian SSR State Planning Committee, in 1981, was promoted to the position of the First Deputy Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In August 1983, came to head the Economy Department of the Communist Party of Estonia Central Committee; in May 1987, the Deputy Chairman of the Estonian SSR Council of Ministers — Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In January 1989, got appointment of the USSR Embassy Councilor on planning, the USSR State Planning Committee representative in the Republic of Cuba; in March-November 1991, was the USSR Minister of Labor and Social Matters. Authored some books, including the *World at the Four Ways Crossroad: The Prognosis of the Mankind's Destiny*.

Valery A. PODOROGA — Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Analytical Anthropology Sector at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy.

Authored several books and over 200 scientific articles, essays, discussions; some of his works were translated in the USA, Great Britain, Austria, France, the Netherlands, Germany, Japan.

The more significant stages of his academic creativity are reproduced in such books as — *The Metaphysics of Landscape* (1993); *The Expression and Sense* (1995); *Body Phenomenology: Introduction to Philosophical Anthropology* (1995); *The Workshop of Visual Anthropology: Course of Lectures* (co-authored in the *Khudozhestvenny Zhurnal / Art Journal*, 2001); *The View Obtrusiveness: Michel Foucault and Painting* (the *Khudozhestvenny Zhurnal*); *Auto-bio-graphy: A Matter of the Method* (2001), (co-authored) *The Mimesis. The Analytical Anthropology of Literature. Vol. 1. The Cultural Revolution* (2006); *The Apologia of the Political* (2010).

The winner of the Andrei Bely Award (2001).

Vladimir T. ROSCHUPKIN — Cand.Sc. (Politics), professor at the Academy of Military Sciences, columnist of the *Khranitel* (Custodian) media-portal. Graduated from the Volgograd State Pedagogical Institute, and the Far Eastern State University, and the Novosibirsk Higher Military-Political School, completed the postgraduate courses at the M. V. Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific researches includes the security problems, international relations, military history.

Marina S. SHTOIK — 4-year student at the Department of World Economy and World Politics of the State University — Higher School of Economics (SU-HSE).

Inna V. SHUMILINA — Cand. Sc. (Politics), Deputy Editor-in-Chief of the *Mideast.ru* Internet3portal; Vice-President of the Mass Media Against Terrorism and extremism organization.

Eberhard SCHNEIDER (*Germany*) — the professor at the Science and Policy Fund German Institute of International Policy and Security in Berlin, as well as the professor in politology at the Zigen University. Accredited at the RF Ministry for Foreign Affairs as a correspondent. Employee at the Radio Freedom Committee Institute of the USSR Studies, since 1966 till the Institute's dissolution in 1970. Employee at the Federal Institute of International Studies on East in Cologne, since 1976 till the Institute's dissolution late in 2000.

In 1971-1976 held position of a reviewer on the East Europe at the International Institute of Politics and Economics in Hamburg. Authored some publications, including monograph on The Russian Political System, published both in German and in Russian.

Elvira M. SPIROVA — Ph.D, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 2(44)

*Перевод с английского — Владимира Мисюченко,
с немецкого — Елены Савкиной.
Фотографии — Марии Картуновой.*

Корректурa А.Панюгиной
Верстка Л.Листвина

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1

Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88

Факс: (495) 911-92-77

www.isoa.ru

E-mail: info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 19.05.2011 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5. Заказ № 356.

Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ

в Объединенном каталоге

«Пресса России» – 44351, 44339.

Электронный адрес подписки в Интернете:

www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.

тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;

факс +7 495 681-37-98.

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:

Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;

fax: +7 495 681-37-98

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение

Форма № ПД-4

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808

(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**

(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 3010181080000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал

"Вестник аналитики"

(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир

Квитанция

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808

(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**

(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 3010181080000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал

"Вестник аналитики"

(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир